

24-25

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ И ПРАВООЩИТНЫЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL AND HUMAN RIGHTS DEFENDING JOURNAL

АФГАНСКИЙ АЛЬБОМ

Российский независимый
исторический и
правозащитный журнал

Адрес: 390000, Россия,
г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.
Для писем: 390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912)77-51-17
E-mail: karta@glasnet.ru
http://www.karta.org

Учредитель:

Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о регистрации
№ 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов

Редакция:

Юлия Середа
Сергей Романов
Вадим Шубин
Петр Митцнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и документов
гарантируется.

По вопросам подписки на
"Карту" обращаться
в редакцию.

Над номером работали:

А. Блинушов, С. Романов,
Ю. Середа, Т. Поспелова

Компьютерная верстка:
Ю. Середа

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
Рязань,
ул. Интернациональная,
д. 1 "Г".

Заказ N 21.
Печать офсетная.
Тираж
2000 экз.
Подписано
в печать 15.07.1999

Российская "КАРТА" основана в ноябре 1992 года по инициативе польского
независимого исторического журнала "КАРТА", выходящего с января 1982
года, и рязанского общества "МЕМОРИАЛ", учрежденного в октябре 1989
года.

В НОМЕРЕ:

А. ТКАЧЕНКО Дело Григория Пасько Журналист-эколог обвинен в шпионаже	3
Показания журналиста Пасько Г.М. по так называемой шпионской деятельности Фронт, который почти не виден	5
Последняя статья Г. ПАСЬКО	6
Г. ПАСЬКО «Пряник» Записки подследственного	8
В. РОНКИН Права человека и права групп Самоопределение и коллективные права. Продолжение дискуссии	11
Афганистан. Новейший период Краткая хронология событий	12
А. ЛЯХОВСКИЙ Декабрь, день 27, 1979 Операции КГБ по захвату дворца президента Афганистана	17
Протест против вторжения советских войск в Афганистан Документы Московской Хельсинкской Группы	19
О тех, кто не молчал Акции протеста против вторжения советских войск в Афганистан	19
Тревожное время Статья академика А.Д. Сахарова	20
«Нас готовили к глубокой разведке...» Интервью с участником афганской войны С. ДУБКО	21
И. НИКОЛАЕВ Операция «Возмездие» Эпизод афганской войны. Попытка анализа	33
В небе Афганистана Дальняя авиация в афганской войне	37
«Афганские» песни Военный фольклор	43
А. ВЛАДИМИРСКИЙ «В королевских конюшнях...» Потери советских войск в Афганистане	46
А. БЛИНУШОВ «Черный тольпан» Потери советских войск в Афганистане	47
Р. СИКОРСКИЙ Прах святых Афганская война глазами западного журналиста	51
Официальные данные о советских потерях в Афганистане Потери афганской стороны	57
Школьники об афганской войне Сочинения и рисунки школьников Санкт-Петербурга	59
«Процесс четырех» Из истории инакомыслия	62
В. ШАЙДУРОВ Российские немцы: сто лет в условиях национального конфликта Проблемы национальных меньшинств	68
Судьбы российских немцев: В. ФУКС Восемь трудармейских лет	72
Р. ФИНК С разрешения коменданта	73
И. ОНИ Красный барак	74
М. ДЖАФАРЛИ «Крутой маршрут» братьев Гуммель	76
Л. БИЛЬ Правда о великой лжи	78
М. ДИСТЕРГЕФТ О себе и о том, как я оказался в ГУЛАГе	79
П. АЛЕКСЕЕВА Движение советских немцев за выезд в ФРГ Из истории инакомыслия	82
О. ПОПОВ Как я помогал немцам Из истории инакомыслия	86
А. СУСЛОВ Государство Усоллаг Карта ГУЛАГа	89
Дело об организации осведомительной сети ЧОН Рязанской губернии История в документах	93
С. ПЕЧУРО «Я благодарна судьбе...» История «Союза борьбы за дело революции»	98
Проект «История ГУЛАГа (1918-1960)» Анонс книги	107
Е. САННИКОВА «Александру Солженицыну...» Почта «Карты»	108
В. РОНКИН Еще раз о «Мемориале» Почта «Карты»	110

20 ноября 1997 года военного журналиста-эколога Григория Пасько посадили в тюрьму, где он и пребывал, пока большая бригада военных следователей не собралась на него "компромат" (по словам адвокатов, ознакомившихся с их творчеством, — сплошная ерунда). И после окончания следствия Г. Пасько остался в тюрьме, а его дело было передано в суд.

Обвинения все те же:

1. шпионаж не известно в чью пользу,
2. раскрытие не известно каких секретов,
3. иное оказание помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности России.

Александр ТКАЧЕНКО

ДЕЛО ГРИГОРИЯ ПАСЬКО

Этот текст был подготовлен А. Ткаченко, членом Общественного Комитета и общественным защитником Григория Пасько, для публикации в СМИ. После недельных переговоров результат удивительный (пла-

чевный): «Известия», «Огонек» и некоторые другие издания отказали в публикации, ссылаясь, естественно, на то, что их страницы отданы только общественно-важным и актуальным проблемам.

Мы полагаем, что материалы электронной версии книги «Дело Григория Пасько» тоже относятся к разряду общественно-важных, и потому помещаем данный текст в нашу книгу <http://www.polit.ru/index-dossier/mayday/index.html>.

(Материал был опубликован в «Общей газете» от 3-9 июня 1999 г. №22(304) — прим. ред. «Карты»).

Почти все четыре последних месяца я сидел в военном суде ТОФ (Тихоокеанского флота — прим. ред.) во Владивостоке, где рассматривалось дело военного журналиста Григория Пасько, обвиненного в измене Родине в форме шпионажа. Слушал, изучал документы, задавал вопросы как общественный защитник. Никаких подписок о разглашении тайны закрытого суда я никому не давал, да, собственно, никаких военных секретов, которые можно было бы выдать, я тоже на суде не слышал. Ибо, откровенно говоря, судят во Владивостоке не военного журналиста, а просто журналиста, журналиста, который вышел из формы общепринятых понятий журнализма: он все время ходил «по-над пропастью». И мальчики из ФСБ наблюдали за ним и ждали, когда же он оступится. Но он не

оступился. И тогда они ему помогли. Помогли, чтобы сделать себе карьеру, потому что с 1983 года в районе Приморского края, напичканного военными тайнами, не было поймано ни одного шпиона за исключением китайца, который сфотографировал какой-то самолет. Вы представляете, как им хотелось поймать шпиона! Но дело не только в этом. Сами они бы не додумались — кишка тонка, старшие товарищи им подсказали. Им тоже захотелось отличиться. Да и персонаж удивительный — смелый, общительный, поверивший в свободу слова Григорий Пасько, который пошел, как говорится, «поверх барьеров», несмотря на то, что был в форме морского офицера, капитана второго ранга. А что? У нас ведь в Конституции закреплено право собирать и распространять информацию и ничего нет специального для военных журналистов. Григорий свято поверил в Федеральный закон, однако судят его теперь по военным указам, подписанным еще ГКЧПистом маршалом Язовым.

Все дело Григория Пасько построено на свидетельских показаниях, которые были разбиты самими же свидетелями в суде, поскольку на следствии их запугивали и на них давили следователи ФСБ, а суд — это все-таки возможность под присягой сказать хотя бы часть правды. Ведь не все могут быть героями за закрытыми дверями. На это и рассчитывали молодые гопчекисты из ФСБ ТОФ... Но Григорий Пасько, в прошлом коллега и товарищ, находящийся за решеткой в зале суда, сильно смущал свидетелей, тех, кто на следствии под прессом эфэсбэшников оговаривал его, затем подписывая протоколы... Один из свидетелей, водитель по специальности и к ядерной физике не имеющий никакого отношения, когда услышал сложенную запись своих свидетельских показаний из следственного протокола о ядерных зарядах и чертежах ядерных котлов подлодок, чуть ли не возгордился оттого, что было это записано почти языком Ландау из учебника для высшей школы. «Так что, это Вы так выражались на следствии, в то время как сейчас не можете отличить ядерный заряд от ядерных отходов?» — спрашивает защита. «Нет,

нет, но подпись моя, подпись моя...» Жалкий, трусливый пот и стыдливый взгляд в глаза Пасько: «Гриша, ты хочешь, чтоб я сидел вместо тебя?»... Это ж надо так запугать, чтобы бывший товарищ и друг только потел и кополся, потел и кололся...

Когда обвинительное заключение было размещено в Интернете, многие смогли прочитать, в чем же обвиняется Григорий Пасько. Надо сказать, что это звучало внушительно для тех, кто не знаком с делом и с происходившем в суде, с материалами защиты, которыми все эти обвинения разбиваются. На это и было рассчитано. Заткнуть неугодного журналиста, который заинтересовался продажей двух авианосцев ТОФ южнокорейцам, который полез в историю гибели подлодки в бухте Чажма, после чего по спискам погибших начальство ТОФ и их семьи долго получали денежные пособия. Заткнуть журналиста, который так смело говорит обо всех экологических бедах на флоте. Вот и бросили Григория Пасько в СИЗО на полтора года. А для этого есть все — и собственная прокуратура, и собственная служба ФСБ ТОФ, которая незамедлительно соорудила обвинение на двадцать лет тюрьмы. По счастью, нет уже в Уголовном кодексе по 275-й статье расстрела, а то и он был бы в обвинительном заключении.

Все свои действия Пасько, и это подтвердили свидетели, производил только с разрешения высшего начальства, имевшего право ставить визы на проход к тем или иным объектам. Съёмки Пасько производил в присутствии двух офицеров, согласно регламенту. После каждой его командировки в ту или иную часть публиковались статьи в «Боевой вахте», которая командировала его специально для освещения той или иной тематики. Мог ли Пасько заходить туда, куда заходили американцы, согласно договору об СВ-2, к баллистическим ракетам? «Да Вы что, никогда и никак!» — говорит контр-адмирал И. Д. Моисеенко, отвечающий за ракетную технику ТОФ.

Но яснее всего говорят о полной невиновности Григория Пасько обычные контрдоводы на нелепости, содержащиеся в обвинительном заключении. Например, Пасько обвиняется в том, что он передал японской стороне, а это телекомпания «NHK», а не мифические спецслужбы, брошюру о способах спасения космонавтов России, Японии и Америки, если они упадут в капсуле в Японское море. Спрашивается, зачем шпиону давать такое задание, если, согласно трехстороннему соглашению, подобная инструкция есть у каждой стороны? К тому же сведения, по которым Пасько написал статью в своей газете, признаны несекретными даже Восьмым управлением.

По заданию командования журналист Пасько приезжает к месту отправления эшелона с радиоактивными отходами, чтобы осветить в прессе выполнение соглашения по вывозу к месту очистки этих отходов. Ему разрешают снимать только один вагон, что он и делает. Затем он пишет и печатает статью «Наш эшелон, вперед лети» и публикует снимок одного вагона, который, кстати, ничем внешне не отличается от обычного. Но его обвиняют в том, что он выдал японцам секретные сведения о времени отхода эшелона и его маршруте. Возможно ли это? Нет, нет и нет. Даже контр-адмирал Лысенко, отвечавший за этот эшелон, не знал времени отправки. Это мог знать только начальник эшелона, но с ним Пасько контакта не имел, и вообще, загруженный эшелон уже находился в ведомстве МПС. Суд задает вопрос контр-адмиралу: «Могли ли взорвать японцы эшелон в Приморском крае?» У адмирала лезут глаза на лоб. «Да вы понимаете, что если все это хлынет в море, то мало не покажется не только

нам, но и Японским островам...» — «Ну хорошо, а на территории Сибири, куда последует эшелон, могут ли японцы его взорвать?» «Да зачем же им взрывать то, во что они вложили сорок пять миллионов долларов с целью очистки жидких радиоактивных отходов», — недоумевает контр-адмирал. Но, видимо, идея о подземном туннеле между Лондоном и Бомбеем не дает обвинению житья, и они не могут оставить свидетелей в покое.

Пасько обвиняют и в том, что он, используя свои связи, достал доклад — финансовый отчет по ТОФ и передал его японцам. «Да я ему сам его отдал для публикации в газете», — говорит другой контр-адмирал, — потому что этот доклад несекретен. — «Это ваше знание или мнение?» — «Знание, потому что и доклад-отчет по финансовой деятельности ВМФ России несекретен. Передаю суду для ознакомления пакет документов, прошу огласить». Оглашают — финансовый отчет Министерства обороны России без грифа «сов. секретно» и даже без «для служебного пользования». А как же доклад-отчет по финансовой части с грифом «секретно»? Да очень просто — эфэсбэшники ТОФ засекретили его задним числом специально, чтобы обвинить Пасько.. Смешно? Плакать хочется.

Осматриваются вещественные доказательства. Обычная ортехника журналиста — фотоаппарат, магнитофон, компьютер, изъятый дома, и т. д. Затем оглашается прослушка телефонных разговоров. Всего Пасько слушали 90 часов. Оглашаются только шесть пленок по полторы минуты — вероятно, наиболее веские доказательства его шпионской деятельности. Привожу дословно один из разговоров Пасько с японцами, т. е. заказчиками.

ПАСЬКО: Значит так, я вылетаю завтра в Японию.

СОТРУДНИК ТЕЛЕКОМПАНИИ: Где Вы будете жить?

ПАСЬКО: Да точно не знаю. Тут договорился с одной гостиницей в Токио. Как Вы думаете, если я захвачу долларов 500, хватит заплатить за проживание?

СОТРУДНИК: Да, наверняка хватит.

ПАСЬКО: Я хочу нанять переводчицу с японского за 10 тысяч йен, мне сказали, что это недорого. Смогу ли я это сделать за свой счет?

СОТРУДНИК: Вероятно, да, это нормальная цена.

ПАСЬКО: Ну хорошо, я тут захвачу пару материалов, когда прилечу, позвоню. У Вас телефон не изменился? (Называет номер телефона.)

СОТРУДНИК: Нет, это старый номер факса, запишите телефон.

На этом прослушка обрывается.

Ну и что? Каков шпион, едет к своим хозяевам, не знает, где будет жить, собирается платить своими деньгами, нанимает переводчицу... Смех, да и только. А Пасько вот за эти бредни сидит уже полтора года в СИЗО. А обвинение и следователи из ФСБ ТОФ не унимаются — как же, он получал за свои материалы вознаграждения. А по-нашему, по-журналистски, — это обычный, даже скромный гонорар от японской телекомпании. Когда 100, когда 300 долларов. Однажды даже тысячу. Да какой шпион будет работать за такие деньги? Кстати, тысячу Пасько, по-моему, получил за фильм «Зона повышенной опасности», который шокировал японцев после показа его по телевидению. Фильм был о том, как сливаются жидкие радиоактивные отходы наших подлодок в Японское море. Именно после этого японское правительство и выделило 45 миллионов долларов на строительство очистных заводов, и эти заводы уже работают. Недаром Пасько снимал вагон эшелона, чтобы показать всему миру, как мы выпол-

нением международных соглашений. И это результат так называемой шпионской деятельности Григория Пасько...

Все остальные обвинения в измене Родине так же грубо сфабрикованы и так же просто разбиваются. Тогда Вы спросите: «Зачем все это?» Григорий Пасько мне как-то сказал, что в момент передачи в суд дела он предупредил начальника следственного отдела ФСБ ТОФ Егоркина, что, мол, будут судить журналиста и писателя и поднимется скандал. «Ну и что? — цинично ответил ему наследник Железного Феликса. — Мы знаем это и готовы»... Иными словами, они рады возможности громко заявить о своей роли в обществе, это первое. Второе — попытаться вернуться к принципу государства в государстве и под завесой секретности делать с народом и интеллигенцией что угодно. Наконец, на примере случая с Пасько попытаться заткнуть рот всем журналистам, особенно строптивым. А заодно — получить моральную компенсацию за провал дела другого «шпиона» — Александра Никитина. Ну и, наконец, некоторым радетелям государственной безопасности дело Пасько помогло взобраться по служебной лестнице ФСБ — аж до московского кресла.

Что еще можно сказать о деле Пасько? Это дело против всех нас. Новые чекисты не хотят, чтобы журнали-

сты разных стран сотрудничали, им станет лучше, если между нами снова вырастет стена. Во Владивостоке они уже в этом преуспели: японские журналисты в ужасе от русских, русские от японских, все друг друга подозревают... Так что, защищая Григория Пасько во владивостокском суде, адвокаты и общественные защитники защищают свободу слова.

Но что же скажет суд, уйдя в совещательную комнату? Ведь ничего в деле Пасько нет, он чист. Более того, виновны другие в том, что он просидел почти два года в одиночном заключении. Это теперь ясно, как Божий день. И все же прокуроры будут стоять на своем: «Виновен». Защитники на своем: «Невиновен». Весь мир орет в двух тысячах письмах протеста: «Невиновен». Но что же скажет суд? Ни при советской власти, ни в современной России ни один человек, обвиняемый в измене Родине в форме шпионажа, оправдан не был.

Суду нужно будет создать прецедент. Впервые в истории страны. Это трудно — пойти против течения, против инерции тоталитарного мышления, против самих себя, в конце концов... Но это необходимо, ибо любое другое решение будет против всех, кто живет надеждой на новую жизнь, на новую Россию.

Показания военного журналиста Пасько Г.М. по так называемой шпионской деятельности

1. Все свидетели и на предварительном следствии, и в суде показали, что им ничего не известно о шпионской деятельности Пасько. Более того, они показали, что я никогда не выяснял и не пытался выяснять у кого-либо секретные сведения.

2. Во все режимные и нережимные воинские части ТОФ я ездил только с разрешения начальника штаба ТОФ и начальников управлений ТОФ, либо вместе с ними, но всегда — при наличии командировочного удостоверения и письменного разрешения командования ТОФ. В деле эти бумаги имеются.

3. Следствие сознательно обошло вниманием тот факт, что якобы шпион открыто и прилюдно, в том числе при сотрудниках ФСБ, проводил фото- и видеосъемку объектов ТОФ и при этом, как правило, сам фотографировался на их фоне.

4. Странно, что «шпион» Пасько документы в Японию, по мнению ФСБ, секретные, всз открыто, не пряча в двойное дно, перемогала, не переводя их на дискету или микропленку, не отослав их, в конце концов, по факсу.

5. Странно, что никто на таможенные, в том числе сотрудник ФСБ, не обыскали как следует «шпиона», не просмотрели видеокассеты через видеоскамеру, когда я сам предложил им это.

6. Уже в 1995 году я знал, что за мной следят и прослушивают мои телефоны — дома и на работе. В начале 1995 года был анонимный звонок: голос, кстати, мне знакомый, предупредил, чтобы я «сбавил темп и присмотрелся к своему окружению». После этого я обнаружил и наружное наблюдение. Зная все это, я, тем не менее, хранил копии документов у себя дома открыто, на столе (даже не в столе и не в сейфе), не уничтожив их предварительно. В течение ряда лет настоящий шпион так не поступал бы. По меньшей мере как идиотизм выглядит деятельность «шпиона», который, сняв копии секретных документов и якобы передав их своим «хозяевам», части из этих документов, как бы специально для ФСБ, оставляет у себя на квартире: нате, мол, берите меня с потрохами. Если наше ФСБ не умеет ловить настоящих шпионов, то это еще не дает им оснований сравнивать их с собой по степени профессионализма и уровню интеллекта.

7. С японцами, как и с другими иностранцами, я всегда встречался открыто, при свидетелях; договаривался о встречах по телефонам, которые — и я знал об этом! — прослушиваются. Встречался не на явочных квартирах, а в офисе НКК, в посольстве, консульствах и т.п., на глазах у многочисленных свидетелей.

8. Следствие не ответило само себе на вопрос: зачем я якобы передавал японцам ложную, не соответствующую действительности схему БТБ, к тому же старую, с огромным количеством ошибок? (См. Обвинительное заключение.) И это при том, что по данным в докладе «Гринпис» ни малейшего труда не составляет кому-либо самому составить данную схему более точно и с более понятными данными.

9. То же самое можно сказать и о сведениях о ТРБ (в/ч 63916), о БТБ, об ОЯТ, местах дислокации списанных и аварийных АПЛ ТОФ. Все это есть в открытых источниках — журналах, газетах, докладах (трех!) «Гринпис», «Беллунны», в справочниках А.С.Павлова, «Джейнс дифференциал», «Корабли и суда мира» и многих других (журналы «Bart», «Морские силы» и т.д.).

10. О записях на военном совете. (См. Обвинительное заключение.)

В таком виде для передачи иностранным спецслужбам они явно не годятся, так как требуют расшифровки сокращений и аббревиатур, а также множества дополнительных пояснений. Об этом эпизоде уместно было бы вести речь при наличии в деле доказательств того, что я делал записи именно по поручению японцев; что я передавал им эти записи или сведения из них; что я давал пояснения и расшифровывал их. Таких документов нет. Кроме того, экспертное заключение по данным рукописным записям весьма сомнительно, на чем я останавлился подробнее при рассмотрении заключений экспертов. В связи с этими записями непонятно, почему не конспектировался доклад командующего ТОФ — полный, целостный, компактно содержащий все необходимые для иностранных спецслужб секретные данные и о флоте, и об учениях.

11. Странно, что якобы шпион Пасько регулярно письменно и устно докладывал о своих контактах с японцами послу РФ в Японии Панову А.Н.; Генеральным консулам в Токио и Осаке — Изотову А.Ю. и Комаровскому, военному атташе Посольства РФ в Японии, командующему ТОФ и даже в ФСБ по ТОФ. (Более полный список прилагается.)

12. То, что написано в справке службы внешней разведки, не имеет ни доказательной базы, ни юридической силы. Более того, что выдается бывшим управлением КГБ как новые методы работы японцев при вербовке русских журналистов, использовалось на практике всеми разведками мира еще в XVIII веке, о чем в литературе немало написано (к примеру, у Пикюля В.С.).

13. На фоне шпиономанского обвинения по меньшей мере нелепо выглядит факт, что не «шпион» Пасько ворует папки с секретными документами, а у него ФСБ украло папку с журналистскими материалами. Почему я думаю, что ФСБ? Во-первых, ФСБ этот факт в ходе следствия отказалась даже проверить. Во-вторых, при наличии оснований для возбуждения уголовного дела по факту хищения документов (а там были деньги, ключи от квартиры и гаража, водительские документы, блокнот с кодом квартиры и т.д.) милиция Фрунзенского РУВД очень быстро охладела к этому факту, дело не возбудила и даже не допросила свидетеля Л. Безручко, видевшую того, кто украд папку. Кстати, документы мне были возвращены не все. Уже хотя бы поэтому ФСБ должно было предпринять все меры к их поиску: а вдруг они секретны и могли (могут) попасть во враждебные руки?

14. Повторюсь: очень странным выглядит совпадение сроков кражи папки с документами у меня и началом проведения тайных экспертиз по этим документам в хим.службе и тех.управлении. Станным в том случае, если не ФСБ украло у меня папку.

15. По меньшей мере казусными кажутся те факты, что «шпион» такой страны как Япония пользовался сломанными факсимильным и копировальным аппаратами, устаревшей моделью полусломанного автомобиля. При этом не учтено, что заботливо предложенные суду для конфискации вещи (телевизор, видеомангофон, фотоаппараты и т.д.) куплены в 1991-93 годах, т.е. были приобретены задолго до так называемой шпионской деятельности.

16. Если я шпион с 1996 года, как утверждает ФСБ, то почему в соответствии со ст. 12 Закона РФ «О ФСБ РФ» эта организация не предупредила меня в установленном законом

порядке и не предприняла мер для прекращения моих незаконных действий? Либо сотрудники УФСБ по ТОФ — лица, халатно исполнявшие свой служебный долг, либо они — мои сообщники, и в отношении их необходимо возбудить уголовное дело за соучастие (кстати, этим по моей просьбе занимается Главная военная прокуратура).

17. Настоящий шпион после инцидента на таможне в ста случаях из ста остался бы в Японии, а не возвратился бы в Россию. Если, конечно, он не ученый-исследователь русских тюрем и методов топорной работы КГБ России.

18. Во время визита в Токио летом 1997 года на БДК «Адмирал Виноградов» я предложил зам. начальника управления ФСБ по ТОФ контр-адмиралу В.М. Турейскому серьезно побеседовать на тему моих взаимоотношений с его ведомством (в дальнейшем я дам подробные показания об этих взаимоотношениях, начавшихся в 1996 году). Казалось бы, контрразведчик должен был обрадоваться, что «вражеский шпион» сам лезет в капкан, проявляя интерес к этой беседе. Увы... Турейский от встречи и беседы отказался.

19. Зато весьма странной оказалась беседа со мной начальника УФСБ по ТОФ контр-адмирала Угрюмова 3 февраля 1998 года, уже после ареста. Герман Угрюмов в присутствии трех свидетелей сказал (дословно): «Когда все закончится, мы выпьем ящик шампанского... У нас есть стопроцентные доказательства твоей вины по 275-й статье». Я поинтересовался, кто из причастных к этому грязному делу сядет в тюрьму вместо меня, если ни одного процента вины не обнаружится. Угрюмов без запинки сразу же ответил: «Егоркин и Осипенко» (примеч.: Егоркин — сотрудник ФСБ, Осипенко — помощник прокурора ТОФ).

20. Обращаю внимание суда и на то, что на каждый инкриминируемый мне документ в деле есть моя статья, опубликованная в «Боевой вахте». То есть я использовал свое положение журналиста для выполнения своих обязанностей журналиста. Настоящий шпион, возможно, может прикрываться журналистской деятельностью, но выполнять эту деятельность в таком большом объеме — это уже чересчур. Да и вызвало бы подозрения. (Зорге, кстати, публиковался редко.)

21. Никакой шпион под легендой журналиста не стал бы писать статьи, в которых беспощадно критикуется воровство, недостатки на флоте, бездеятельность должностных лиц, в частности, прокуратуры и ФСБ ТОФ, т.е. становится заметным, а значит, уязвимым для спецорганов.

22. Странно и то, что мне за мои «секретные» материалы и «шпионскую» деятельность платили, если верить следствию, всего 300 долларов в месяц. В то время как Ралину (примеч.: Ралин — свидетель, главный редактор газеты «Наше Приморье») за несекретные бумаги и нешпионскую деятельность платили 600 долларов в месяц (т.2, л.д. 179).

23. Не может не удивлять тот факт, что «шпион» Пасько всегда на протяжении ряда лет интересовался только списанными АПЛ и АПЛ, на которых были ядерные и радиационные аварии. То есть теми объектами (сюда входят ТРБ и БТБ), деятельность (или бездеятельность) на которых может привести к угрозе жизни людей и данные о которых не подлежат засекречиванию согласно ст. 7 Закона РФ «О государственной тайне».

24. Все странности, о которых я говорил, были бы странными в том случае, если бы я не был убежден в том, что сотрудники УФСБ по ТОФ Угрюмов, Егоркин, Васильченко,

прокурор ТОФ Сучков и его помощник Осипенко, следовательно, ФСБ РФ Муравенко и др. являются преступниками, совершившими уголовно-наказуемые деяния, выразившиеся в незаконном возбуждении уголовного дела и незаконном содержании невинного человека под стражей. Время для осознания своих противоправных действий у них было, но — кончилось. Теперь у них только один путь — в тюрьму. Если, конечно, на их сторону не встанет какой-нибудь коррумпированный и холуйский суд.

25. О том, что за мной велось наружное наблюдение в течение двух лет — 1996-1997 г.г. — свидетельствует справка начальника ОПО В.А.Олешка (т.7, л.д. 115). То есть до начала даже оперативной разработки и до вынесения судом соответствующего постановления. Однако, несмотря на то, что в течение двух, — а возможно и больше, — лет за мной следили, прислушивали телефоны, вламывались в квартиру, прослушивали японцев из NHK и т.д., — несмотря на это доблестные фээсбэшники не установили ни одного факта передачи мной японцам каких-либо, даже нескретных (!) документов. Я не думаю, что в ФСБ работают исключитель-

но бестолковые люди. Логичнее предположить, что передача документов действительно не было.

26. Еще раз о «толковых» людях из СВР. В своей справке они почему-то не упомянули, что русские «шпионы» из числа журналистов могут открыто даваг в японских СМИ интервью о своих встречах с японскими гражданами и о своих поездках по Японии. У меня на квартире изымались японские газеты («Асахи») с моим интервью и видеокассета с записью моего интервью, вышедшего в эфир по японскому ТВ.

27. Во время бесед с Генконсулами Изотовым и Комаровским, генералом Евстарховым мы касались таких тем, как международная политика России, личностные характеристики Наздратенко и Стегния, работа наших спецслужб и тому подобное. По характеру бесед можно однозначно сказать, что опытные дипломаты и профессиональный разведчик Евстархов не видел во мне шпиона. Закономерен вопрос: почему ФСБ России, СВР России, МИД России не поставили своих коллег в известность о том, что я — шпион?

28. Примеры можно продолжать...

Последняя статья Григория ПАСЬКО

ФРОНТ, КОТОРЫЙ ПОЧТИ НЕ ВИДИМ

Если стать лицом к заливу Петра Великого, то этот «фронт», как и всякий другой, будет иметь два фланга — левый и правый. На левом — береговая техническая база, именуемая в народе «могильником». На правом — ставшая с прошлого года рабочей в полном объеме площадка загрузки в специальный эшелон контейнеров с отработавшим ядерным топливом.

В 1995 году газета «Известия» подробнейшим образом описала спецэшелон и его предназначение. В 1996 году статью о первом спецэшелоне на Тихоокеанском флоте опубликовала газета ТОФ «Боевая вахта». Поскольку ни раньше, ни теперь нет четкого разграничения степеней секретности всех данных и операций по вывозу ОЯТ, а соответствующий приказ министра обороны, по мнению многих специалистов, не соответствует Федеральному закону «О государственной тайне», то на этот раз мы решили не говорить о спецэшелоне вообще. Только наше с коллегой приближение к спецэшелону привело в ярость охранников из системы МВД. Начальник эшелона Владимир Чернов сказал: «Сейчас времена другие». Любому здравомыслящему человеку понятно: не времена стали за год другими, а люди изменились, причем не все в лучшую сторону. Кстати, о людях того самого фронта, который обозначен и в заглавии статьи. Это фронт работ людей, которые спужат на береговой технической базе — БТБ. Эта часть и по сей день является режимной, что вполне оправданно и естественно для подобного

рода частей. Но даже «режимные» требования, к счастью, не запрещают говорить о людях. Поэтому сегодня рассказ о них, специалистах, чья трудная работа почти не видна за географической удаленностью, частоклоном заборов и КПП, а также инструкций особых ведомств.

На базе хорошо помнят первый эшелон с новыми контейнерами. Грузили его долго, поскольку вместе со специалистами различных организаций испытывали новый для ТОФ способ загрузки. Люди буквально жили на базе.

Если на загрузку первого эшелона ушло почти 30 дней, то сегодня операция занимает пару суток. Те же вагоны, те же краны, то же количество контейнеров... Однако опыт людей — совершенно другой, что и позволяет выполнять очень ответственную работу за столь короткое время.

Разумеется, главным звеном по-прежнему остается комплекс перезарядки. Три последних эшелона почти целиком «лежали» на его плечах. Самое трудное — загрузить транспортные контейнеры чехлами с отработавшим ядерным топливом. Операция трудоемкая и в некоторой степени ювелирная. Громоздкость не совсем подходящей техники, в частности, кранов, затрудняет и без того сложный процесс. Однако все звенья действуют четко и без сбоев. Подготовка личного состава, его обучение, состыковка всех служб — этим и многим другим приходится заниматься еще до того, как на площадку «правого фланга» прибывает спецэшелон.

Всех специалистов, разумеется, в одной статье не назовешь. Но, без сомнения, все они делают очень нужное не только для флота, но и для страны в целом дело. И хотя бы уже поэтому заслуживают уважительного отношения.

Увы! Не отовсюду это уважение чувствуется. К примеру, ветераны подразделений особого риска, которых в части немало, не всегда вовремя получают положенные денежные компенсации. Снабжение этих людей вещевым имуществом, можно сказать, неудовлетворительное. В принципе каждый начальник на своем участке мог бы перечислять очень долго свои беды.

Все это так, недостатков и проблем — кучи! Но ни от одного человека я не услышал упреков: дескать, нам не дают положенное, значит, и мы не будем работать как следует. Таких настроений в части нет, потому что народ подобрался сознательный, понимает: работу за них не сделает никто. Однако злоупотреблять безропотностью людей, конечно же, нельзя. Бастовать они не будут. Однако, глубоко застав обиду на родное государство, уйдут искать доли получше.

И уходят. Ежегодно 7-8 офицеров покидают базу, выслужив лишь минимальные сроки. В числе уходящих есть специалисты высочайшего класса, десятки раз выполнявшие сложнейшие операции: будь то перезарядка ядерного реактора или загрузка отработавшего ядерного топлива.

А их пока даже грамоткой пишний раз не награждают. По мне — так им всем ордена и медали давать надо.

...Режимная часть, почти невидимый фронт, находящийся где-то на отшибе цивилизации. Но там живут и делают очень нужное дело люди, которые тоже имеют право на нормальную человеческую жизнь, на то, чтобы о них заботилось государство, командование флота, чтобы их награждали, чтобы, наконец, писали о них в газетах вовремя, а не после чрезвычайных происшествий».

Газета «Боевая вахта»,
12 ноября 1997 г.

Григорий ПАСЬКО

«ПРЯНИК»

Скажу сразу, многое из того, что ты сейчас узнаешь, будет тебе неприятно. Ничего. Привыкай. Мне тоже было неприятно, но... как видишь, выжил. Главное — не впадать в панику и не раскисать, даже если тебя будут лупцевать дубинками по спине. На «ты» я тебя называю потому, что в тюрьме всех называют на «ты». Здесь, в тюрьме, всем абсолютно безразлично, сколько тебе лет и какую должность ты занимал на воле. В крайнем случае заинтересует профессия: если ты радиоинженер, то при случае скажут починить сломавшийся телевизор (да, да, не удивляйся, демократия в советских тюрьмах зашла настолько далеко, что даже в некоммерческих камерах встречаются телевизоры).

Итак, ты — «пряник», то есть человек, впервые попавший в тюрьму. Ты, разумеется, невиновен, попался случайно, вот-вот выйдешь, стоит позвонить только адвокату, ну и так далее и тому подобное... Поэтому запомни: попавший в тюрьму редко когда выходит из нее ранее полугода. Так что настраивайся.

Лучше всего, когда ты читаешь эту брошюру до того, как тупые плотные ребята в сером придут за тобой, когда у тебя есть еще шанс подготовиться ко всему происходящему не только психологически, но и, так сказать, материально. Причем нет разницы — и мне в том числе — кто ты: преуспевающий бизнесмен, простой рабочий, бандит, военный или журналист. В нашей стране подследственно-арестованным, содержащимся в следственном изоляторе (читай — тюрьме) может оказаться кто угодно. (Даже — сам можешь вспомнить недавнюю наиновейшую историю государства Российского — и.о. Генерального прокурора или министра юстиции) Так что — готовься заранее, ибо жители России подразделяются на две категории людей: те, кто сидит, и те, кто готовится. Есть, правда, третий класс — эфэсбэшники и всякого рода «мусора», милиционеры или, как их называют в тюрьме, — «красные», которые — абсолютно ошибочно — полагают, что им тюрьмы избежать удастся. Опыт свидетельствует, что удается немногим. Еще они напрочь игнорируют тот факт, что лица, благополучно посаженные ими в тюрьму, когда-нибудь так же благополучно из нее выйдут. (При медленном, но все же движении вступления в Европейский Союз Россия-таки отменит смертную казнь!) И многим из них захочется — так, любопытства ради, — поинтересоваться, как же там и чем же там поживает его любимый... — следовательно...

Но это другая тема. Тебя она пока всерьез не касается. Тебе надо для начала собрать «майдан». «Майдан» — это такая большая, желательно, крепкая сумка, в которой зеки носят из камеры в камеру, из «хаты» «в хату», по-тюремному, свой скарб.

Я тебе в «майдан» вот что посоветую сложить. Тельняшку (майку), спортивные штаны, носки простые и шерстяные, носовые платки, простыню, наволочки, полотенце (два), одеяло, зубную щетку и пасту, мыло для умывания и хозяйственное, бритвенные принадлежности (кроме одеколona), расческу, коробок спичек, 10 пачек «Примы» (для зеков), несколько пачек... — сигарет с фильтром (тебе советую либо не курить, либо бросить), ложку, металлическую миску, кружку, кипятильник, иголки-нитки, бумагу для письма, тетрадки, конверты, ручку с запасными стержнями, ногтекусачку (ножницы запрещены) и что-нибудь из еды. Впрочем, из еды надо не что-нибудь, а продукты длительного использования: лук-чеснок, сало, бульонные брикеты, лапша быстрого приготовления, сахар, масло, сухари (зря ты сме-

ешься), чай (чем больше, тем лучше). Ну и пока все. Не забудь кипятильник. Консервы не пропустят. На первое время этого хватит, а там обживешься, освоишься и уже сам жене напишешь, что тебе надо. Да, матрац и одеяло тоже неплохо бы приготовить заранее: тюрьмы наши нищие, вряд ли тебе дадут что-нибудь стоящее.

Ну вот, ты почти готов. Собери все это, поставь дома в кладовку или в офисе в уголочек и — жди. Если ждать — обязательно придут. Если не ждать — придут тоже обязательно, но внезапно. А это хуже. Но не смертельно. Будь готов к тому, что тебя возьмут ночью с постели, в гостях, у киоска, где ты сигареты будешь покупать, у трапа самолета (как меня) или еще где-нибудь. У них на этот счет фантазий хоть отбавляй. В одном они одинаковы: грубят, хамят, суют твои руки в наручники, дают напсиху, приводят в отделение и сразу, пока ты тепленький, допрашивают. Потом бьют, бросают в камеру предварительного заключения (КПЗ), как правило, при районных отделениях милиции, затем выводят, снова бьют и снова допрашивают... Мой тебе совет, молчи и не сопротивляйся. Виноват ты или не виноват — молчи всегда. Вспомни фильмы про немцев и русских разведчиков, вспомни, что ты мужчина и — молчи. Первые 72 часа тебе надо просто выжить. Это тот срок, в течение которого «мусора» имеют право держать тебя в КПЗ. Могут, конечно, и дольше, но тогда им надо запастись соответствующими бумагами, да и адвоката им тоже нужно будет тебе предоставить.

КПЗ для человека, не бывавшего ни в тюрьме, ни в армии, — это шокирующее помещение. Особенно общая камера. Духота (людей — как селедок в бочке), вонь грязных тел и вонь от параша в углу, примерно так, что дышать нечем... Зайдя в «хату» (камера так называется), обязательно скажи «здравствуй» и свое имя. После этого, если спросят, можешь назвать статью, которую тебе шьют. Народ у нас сидит грамотный, сразу после этого тебе могут рассказать, сколько просидишь в следственном изоляторе (СИЗО) и сколько дадут на суде. Лучше сразу готовься к наихудшему варианту, продумай... максимальный срок следствия и максимальный срок лагерей. К примеру, меня обвинили по 275-й статье — государственная измена. Значит, решил я, от 1,5 до 2-х лет я проведу в СИЗО, а затем, лет 8-10 — в лагере. Конечно, поначалу с этой мыслью свыкнуться тяжело. Давит на психику груз воспоминаний об относительно благополучной вольной жизни, о жене и детях (тут неизвестно, что лучше — когда они у тебя есть или когда их нет. Вообще-то, конечно, лучше, когда нет — сам себе хозяин и голова не болит о семье). Поэтому, чтобы не грузиться, абей себе в башку сразу и надолго, что обычно у тебя ничего и никого нет: ни квартиры, ни семьи, ни машины, ни работы, ни наград... Ты никто. И звать тебя никак. Зек. Безымянное быдло. Скотина. Тебя будут пинать «дубаки», унижать менты, издеваться «следаки»... Через некоторое время тебе дадут «погоняло», ... что-то вроде твоего второго имени. Обычно разнообразие зеки не отличаются. Поэтому мне попадалось по несколько Толстых, Хромых, Спортсменов, Малых, Больших, Дунайских и прочих только в одной тюрьме. Оригинальных, типа Пикассо, ... Шпион, очень мало, потому как мало все же политических, людей искусства, журналистов... К слову, а журналистах и шпионах. Так получилось, что меня, журналиста, кэзбэшники назначили шпионом. Поэтому «погоняло» Шпион «прокопало» (продержалось) недолго, так как порядочным арестантам, по понятиям, «в падлу» (то есть не следует) называть зека так же, как его называют «мусора». Ну, это к слову...

Итак, из КПЗ тебя переведут в СИЗО. Там на первом этапе разместят в жуткую камеру, где ты проторчишь в

лучшем случае пару суток, перед тем, как тебя, небритого и страшного (заберут тебя все равно без «мэйдана»), сфотографируют, снимут отпечатки всех пальцев (кроме тех, что на ногах), дикой толшины иглой многоцветного использования сделают тебе кровопускание (не упади в обморок, а не то женщина, по половым признакам во всяком случае, пообещает «е...ть чем-нибудь»), сделают флюорографию... Это все называется карантин. Помню, один 5 дней жил в камере, все карантин проходил, потом он трое суток в «тройнике» (маломестной камере) с «танка» (унитаза) не слезал: заразу какую-то подхватил... После карантина тебя, скорей всего, посадят в «тройник»: камера, где 4 «шконки» (койки), где тепло, уютно, не воняет, сидят (давно-о-о сидят) бывалые зеки и с улыбкой тебя спрашивают: «Ну что, о...ел? Ничего. Пообвыкнешься, придешь в себя и... будешь жить дальше.» Ты расслабишься, начнешь отвечать на вопросы, что-то от себя рассказывать... Пока ты не открыл рот, вспомни: один из четверых — пятерых — шестерых в «тройнике» — наверняка «наседка» — подсадная утка, в обязанности которого входит запомнить твои рассказы и передать их куда следует. Поэтому, когда чувствуешь, что интерес к твоему делу перешел в русло практических и конкретных вопросов, не постесняйся и не побойся — «запрос не бьют!» — задать контрвопрос: «С какой целью интересуешься?» Уверю тебя, что после этого ты не услышишь более ни одного вопроса.

В «тройнике» ты впервые за много суток относительно спокойно выспишься, сполоснешься на унитазе (это не трудно, зеки научат), придешь в себя немножко и надолго задумаешься над тем, куда и за что ты попал. Будь готов к тому, что тебя ни следователь, ни адвокаты не востребуют и неделю, и две...

После первого допроса, на котором ты либо не захочешь отвечать вообще (т.е. давать показания), отвечать без адвоката или отвечать не так, как хочется следователю, тебя в 99 из 100 случаев переведут в общую камеру. Общая камера — это, собственно, и есть тюрьма. Согласно «Правилам содержания обвиняемых и подсудимых» (есть такие, кстати, изучи их прямо сейчас, параллельно с этой брошюрой, можешь даже сопоставить.) Если ты военный или мент, то тебя не должны содержать в общей камере, с осужденными или даже судимыми. Но все это полная ерунда. Держат, и подолгу. И не без определенных целей. Цель первая — подавить остатки психической сопротивляемости окружающей действительности. В общей камере, рассчитанной на 6-12 человек, всегда содержится от 25 до 40 человек. Теснота, вонь, жесткая хроническая нехватка воды, вечный шум — это и многое другое действует на психику очень сильно. Зайдя в «хату», поздоровайся, назовись — имя, статья. Обязательно найдется в «хате» ответственный, главный — назови его как хочешь, — кто задает побольше, но вполне конкретных вопросов. Цель этих вопросов — определить, кто ты есть по жизни — «блатной», «шпанок», «мужик»... Скорее всего, последнее. Хотя, если молодой, можешь встать на шпановскую стезю. Вновь прибывший «мужик» будет приставлен мыть посуду, полы, словом, что-то делать... Тебе желательно определиться, потому что балласта «хата» не любит. Через пару дней ты выяснишь, что почти у всех есть обязанности: «пиковые» стоят у «робота» — железных дверей и предупреждают хату о том, что творится «на продоле» — в коридоре. Кто-то из «мужиков» рулит за «крокодилом» — длинным металлическим столом: надо вовремя набирать баланду, оставлять спящей смене, мыть посуду... Кто-то постоянно следит за «дорогой» — веревочным путем на решетке, через который в «хату» попадает все что угодно, от записок-«малаявок» до чая-курева и даже «дров» для «стрел».

Ты обвыкнешься, и уже через неделю скотская жизнь твоя войдет в определенный ритм. 8.00 — выход на «продол» на проверку, завтрак, прогулка один час в тесном тюремном дворике, обед, ужин, ... на «шконку» (койку), беспокойный зековский сон. И так — каждый день, месяц, год. Разнообразие вносят общение со «спедаком», адвокатом, баня, свидания с женой (раз в месяц), письма... Все. Остальное время, свободное от тюремных обязанностей, можешь читать (если есть что) или смотреть (если есть куда).

Чуть позже я тебе подробнее расскажу о некоторых моментах тюремной жизни. А сейчас хочу предупредить, что если тобой, подследственным, будут заниматься ФСБ или кто-то такой же серьезный, как Генпрокуратура, то «наседка» будет тебя сопровождать всюду и не одна, все твои письма и даже официальные обращения к Президенту, Генпрокурору будут перлюстрированы не только спецчастью СИЗО, и не столько ею, а именно ФСБ. Если надо (а надо часто), то твои телефоны будут и после твоего ареста прослушиваться, за женой и друзьями будут следить, из свидетелей будут выбиваться необходимые показания и т.д. и т.п. Надеюсь, книжки про 1937-й год, КГБ и ВЧК ты читал, кино смотрел. Так вот, их методы почти не изменились. Гуманнее они не стали. Выше интеллектом — тоже. Из тюрьмы тебя не выпустят ни за что — иллюзий не строй. Так что лучше всего либо живи как мышь полевая, либо иди сдавайся сразу. Жаль мне тебя, если у тебя есть друзья в ФСБ или в милиции, — лишние объемные свидетельские показания не в твою пользу тебе обеспечены. (Конечно, я не беру тот «клинический» для нашей страны случай, когда твои друзья из вышеназванных организаций — очень высокие начальники, а сам ты — губернатор или очень крутой и богатый человек. Там, на том уровне, другие законы, суммы и сроки. Иногда все это перевешивают каких-то девять граммов.)

В общей «хате» зеки придирчиво тебя осмотрят и уже в первый вечер попросят шерсть из твоего свитера на «дорогу» — веревку для «малаявок», «шкурок», «кишок». Другому понадобятся твои сапоги или брюки, или куртка — «сходить завтра на суд», третий попросит закурить, четвертый — иголку с ниткой и т.д. Ты — в замешательстве: не дашь — жлобom сочтут, дашь — потом не вернешь. Так вот: ты имеешь полное право никому ничего не давать. И ничего никто тебе не сделает. Но мой тебе совет: в каждом отдельном случае надо также отдельно и поступать. Я, к примеру, сознательно лишился двух рукавов от свитера. Зато потом никто не мог меня попрекнуть, что я для «хаты» ничего не сделал. Поделился я чаем, сигаретами и нитками. Остальное, сказал, мне самому нужно всегда, ежедневно. И это была правда.

Если тебе «заскочит» «дачка» — продуктовая передача, она же «кабанчик» — не суетись. Я тебя понимаю: неделю-две ты жрал серую баланду, от которой у тебя отрыжка и изжога, и никакая пацла не дала тебе ни кубик бульонный, ни чесночка дольку, ни салтыца кусочек, хотя многие это добро наяривали. Да, наяривали! Но — имели полное право наяривать тебе не давать. Толковые мужики тебе, «прянику», растолкуют, что «семьям» — микрогруппам — в «хате» из «дачки» можно дать чего-то, что-то — на «больничку», что-то — для всех (чай, сигареты), а остальное — твое. Ешь его сам или прибавляйся к «семейке» — твое дело. Никто и ничего у тебя не отберет. Я тебе советую прибиться к «семейке». Мне «заскочила дачка», а я уже дней 8 жрал баланду с «семейкой», потом я всю эту «семейку» кормил своей «дачкой». Самому почти ничего не перепало. Но! Я не сдох и народ в мою сторону не кивал. Ну а то, что моей «семейке» «кабанчики» «позаскакивали»

через день после того, как меня перевели в другую «хату», — тут уж никто не виноват.

Еще о еде. Культа из нее не делай. Забудь, что есть в мире такие вещи, как пиво, мороженое, шоколадные конфеты, торты, котлеты, гамбургеры, шпроты и прочая ерунда. Конечно, в «дачке» богатая жена может все это тебе принести. Но я так думаю, что это лишнее, да и на нервы действует малоимущим (а таковых на тюрьме — большинство. Они потому и в тюрьме сидят, что малоимущие). Баланду, в принципе, тоже можно есть. Но если есть возможность ее не есть — не ешь. Лучше голодным быть, чем что попало есть. Почитай Омара Хайяма — там на этот счет есть хорошие строки.

Так, с одеждой, едой разобрались, поехали дальше. После работы — не скрою, животной, ибо животное в тюрьме на первый план само собой выходит, — покалякаем о ... духовном, точнее об общении с зеками. Хочешь-не хочешь, а общаться придется долго и со многими. И зачастую оказывается, что «академиев» они не кончали. Конечно, тебе все расскажут по понятиям зековским, кто есть кто: кто такие положенцы и ответственные, бродяги, шпанюки и прочие сословия вплоть до красных, малолеток, опущенных-обиженных. Коль суждено сидеть тебе долго, то поймешь ты всю подноготную досконально, а коль не нужно оно тебе, так и вдаваться в подробности не стоит, меньше знаешь, крепче спишь. А сон арестанта — дело святое.

Общайся с зеками просто. Своей образованности (если она есть) не показывай лишней раз, а учись слушать. Как говорил один умный человек, лучший способ развлечь человека — это выслушать его. Вот и слушай. Начни это с КПЗ. Да не стесняйся спрашивать, ибо за спрос не бьют. Из одних разговоров о тюрьмах и лагерях ты уже будешь многое знать про жизнь эту зарешеченную, да и в той, вольной, лучше разбираться научишься. Главное — не расспрашивай других и не распространяйся сам конкретно о чьих-либо и конкретно о своем уголовном деле, то бишь «деляне». Это считается признаком дурного тона («С какой целью интересуешься?»). Народ наш, в основном, простой и добрый (если это слово уместно в тюрьме): ты к ним не поподлому — и они в тебе человека видеть будут. Гнусных, жадных, противных — таких хватает. Помню одного золотозубого. Попросил ниток, я дал. Так он, падла, полмотка, не моргнув наглým глазом, отмотал. И спасибо не сказал. Да! Чуть не забыл! По понятиям в тюрьме не принято говорить «спасибо» или «на здоровье» (могут ответить: «Что тебе до моего здоровья?»). Но если ты человек воспитанный и в таких случаях не можешь молчать, то кивни головой или скажи «душевно». Конечно, дурацкие правила, но и они меняются: в тройниках воспитанные люди и «спасибо» говорят друг другу, и «на здоровье». И ничего — тюрьма стоит.

Конечно, тебе много еще расскажут чисто зековских правил. Поначалу ты будешь ошибаться — «косяки пороть». Первый раз прощается: «пряник» они есть «пряник», что с него взять... Второй, третий — тебе уже всякого укажут. Ну а дальше можно и кружкой по лбу схлопотать...

Свой круг общения, свою «семью» ты, если не дурак, найдешь за неделю или раньше. Меня как-то прибавало к главным в «хате», и я не жалею об этом. Потому что информацию об уголовном мире получал из первоисточников. Спасибо им, что и они не отторгли меня, хотя по зековским понятиям я — «рыло автоматное», как военный и «мужик» по-тюремному. Одни видели во мне журналиста и использовали для написания жалоб, объяснительных, писем, открыток и стихов. И не было случая, чтобы я кому-то отказал. А в другой общей «хате» пришлось несколько раз и полы помыть, и на «пальме» — верхней «шконке» —

поспать... Не то страшно. Страшно, когда в «хате» о тебе хреновое мнение сложится, или, не дай Бог, «хата» тебя «на лыжи поставит», то есть заставит выехать самому по проверке с вещами. Мало того, что тебя выставят, так за тобой шлейф «лыжника» по всему централу пойдет. И тогда мне тебя жалко будет.

Но я не думаю, что ты конченный идиот, «черт — закатйся в вату» или «черт на катушках» или «бык» или «лось сутулый» (таких характеристик удостоиваются кандидаты в «лыжники»). Я думаю, что ты человек с мозгами и поймешь даже то, что я описать забуду. Словом, ты понял, что в общении — будь то зеки, «следак», «дубаки» (ты уже, наверное, понял, что это тюремные работники, которые работают на этапах: дежурные, конвойные и прочие) — главное, слушать, как говорят, «работать на прием». Языком молотить можно лишь с адвокатом, и то не в каждой комнате, в которую приводят для таких общений. Многие комнатки прослушиваются. Также прослушивается и записывается (если надо) твой разговор с женой на свиданке — свидании. Научись помнить об этом всегда.

Скажешь, легко — молчи себе и все. Хрен ты угадал и рано расслабился. Будешь только молчать — найдутся зеки-зубатки, которые подначками будут кусать тебя (а многие зубы накусапи на этом — будь здоров), пока до костей не обгрызут. Нужно будет научиться грамотно огрызаться. Поэтому ты не просто молчи, а вслушивайся, как зеки общаются меж собой. Один задевает другого, а тот ему бац фразой приплатненной по хребту, и тот — «упал и отполз». До драки дело доходит редко, и это, я полагаю, правильная, как говорят в тюрьме, «постанова». Ибо на физического свойства (проще говоря — ...) можно нараваться у мусоров. А потакать им в этом — «в падлу». Пример насчет огрызания приведу свой. Один толстый достал, и не только меня, тем, что в ответ на слово «можно» выдавал целый каскад старого, как вещмешок, солдатско-сапоговского якобы юмора: можно Машку за ляжку, можно еще там что-то да чего-то... И пока не выдаст на гора этот перл, он, толстый, с места не сдвинется. Однажды, когда он, как танковый двигатель, долго начинал набирать обороты своего «можно...», я резко оборвал его и продолжил: «Можно толстых на сало, чтоб с ряшки свисало». После этого он со своим «можно» «закатался».

В целом же с сокамерниками нужно научиться ладить. Если ты коммуникабелен — проблем не будет. Впрочем, и замкнутый по натуре человек, если он не дурак, тоже найдет свое место и роль в «хате» и не будет ни у кого вызывать раздражения.

А раздражение в тюрьме может вспыхнуть из-за любого лустяка. Надеюсь, не надо тебе объяснять, отчего оно: скученность народа, долгое сидение в замкнутом пространстве, да еще без выхода сексуальной энергии. Кстати, последнее почему-то не учитывается в армии и на флоте в качестве одной из причин махровой дедовщины. Были бы у солда, а также у зеков своего рода встречи и свидания, хотя бы изредка в интимной обстановке, проблем с невыплеснутыми эмоциями было бы, на мой взгляд, меньше.

Впрочем, нас с тобой это не касается, как и всех русских зеков тоже. У русских, как говорит поэт, собственная тупость. Или гордость? Не помню. Еще об общении. Очень быстро ты научишься и огрызаться и «по фене ботать». Зараза прилипает быстро. Через месяц я с адвокатами с трудом общался, а следяку на его вопрос «как самочувствие?» ответил: «С какой целью интересуешься?» Поэтому чтобы совсем не деградировать читай книжки. Желательно умные, а не лоржниковые, вроде всяких там Бешеных, Марининых и прочих...

Дело Григория Пасько. Дело Александра Никитина. Дело Олега Пазюры. Дело Василия Чайкина... Кто следующий?

Помните: «Дело Промпартии», «Дело военных», «Дело врачей»...?

Не будем смотреть в будущее столь мрачно — Александр Никитин на свободе, Олег Пазюра на свободе, Василий Чайкин на свободе. На свободе, благодаря общественным кампаниям в их поддержку.

Не будем излишне благодушными — ни по одному из этих дел пока не вынесен оправдательный приговор. По таким делам в России оправдательные приговоры суды выносить боятся. А дела — бывают. Все чаще и чаще. Рудименты тоталитаризма или новая волна репрессий?

Противостоять этому можно лишь сообща. Поддержите журналиста Григория Пасько!

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ В ЗАЩИТУ ГРИГОРИЯ ПАСЬКО:

Андрей Битов, президент Русского ПЕН-центра, тел. 209-45-89; Карен Нерсисян, адвокат, тел. 209-45-90; Наум Ним, главный редактор журнала «Индекс/Досье на цензуру», тел. 201-50-86, 467-72-07; Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности, тел. 201-44-20, факс 201-49-47; Александр Ткаченко, директор Русского ПЕН-центра, тел. 209-45-89; Лев Федоров, президент Союза «За химическую безопасность», тел./факс 129-05-96; Алексей Яблонов, сопредседатель Социально-экологического Союза, тел./факс 952-30-07; Юрий Шмидт, эксперт Общественного Комитета адвокат, председатель Российского комитета адвокатов за права человека (Санкт-Петербург).

Валерий РОНКИН

Права человека и права групп

продолжение дискуссии

В последнем номере «Карты» (№ 22-23) обратили на себя внимание письмо Н. Митюшевой и статья И. Митюшева. Сама статья «Преподавание прав человека на ком языке» никаких возражений вызвать не может. Так же как и преподавание истории, географии, физики и математики. Может быть, это даже прагматичнее — начинать именно с прав человека.

Мои возражения вызвали два заявления. Одно из писем, помещенного в качестве предисловия: «национальные движения, строящие свои идеологии на принципах прав человека, в основе которых лежит право наций на самоопределение»; другое непосредственно из статьи: «исходя из сегодняшней жесткой ситуации в отношении прав коми народа, как народа, приоритет должен отдаваться правам народа». (Подчеркнуто мною).

На мой взгляд, в этих высказываниях телега ставится впереди лошади. Дальше, возможно с иными аргументами, я повторю точку зрения С. А. Ковалева.

От кого приходится защищать права человека? Наиболее расхожий в наше время ответ: «от государства». Еще недавно многие бы ответили: «от правящего класса», например, рабов от рабовладельцев или тех, кому не выплачивают сегодня зарплаты и пенсии, от тех, кто эту зарплату назначает. В средние века права человека надо было защищать от церкви.

Но и государство, и правящий класс, и церковь, и национальное сопротивление — это, в конечном итоге, тоже люди: со своими идеалами, амбициями и материальными интересами. Следовательно, защита прав человека

сводится к защите одних людей от других, от тех, кто благодаря своему положению или просто многочисленности покушается на права более слабых.

Права человека должны включать и его право на добровольную ассоциацию с другими людьми, все равно по какому признаку, лишь бы эта ассоциация не представляла угрозы для тех, кто в нее не входит.

Человек не уверен, что в магазине он может разговаривать с продавцом на родном языке? В сегодняшних условиях можно начинать с бойкота таких магазинов. Можно «пробивать» через парламент соответствующий закон, как это сделано в Эстонии.

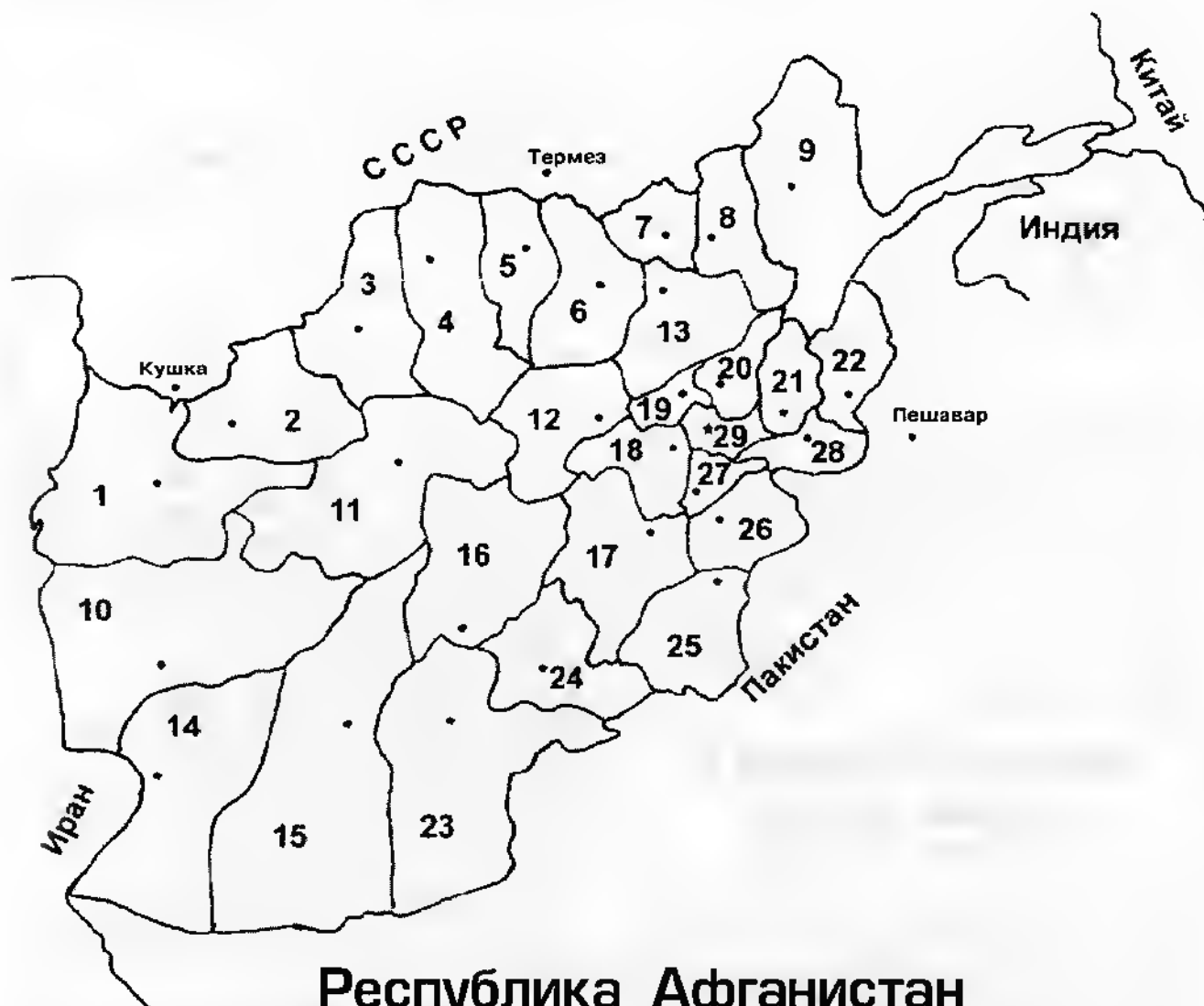
Все ли коми хотят перейти на свой язык? Те, кто этого хочет, должны добиваться своих прав. Возникает вопрос, коль скоро речь заходит о коллективных правах, — кто будет выступать от имени этого коллектива? Непосредственно господь Бог или, на худой конец, его ангелы? Так ведь такого не бывает.

Люди? Но ведь у каждого человека есть свои взгляды, амбиции и интересы. И то, во что я верю, что считаю самым важным, может вовсе не показаться таковым другому. Иначе получится, как в том анекдоте: «Все для человека, все ради человека, и человек этот — Сталин!»

История свидетельствует, что там, где права человека защищены, там защищенными оказывались и права групп. Обратное — неверно. Коммунистическая партия Советского Союза была самой защищенной общностью, но это не помешало тому, что количество расстрелянных, забитых на допросах и погибших в лагерях коммунистов СССР превысило число коммунистов-жертв всех фашистских режимов вместе взятых.

Давайте бороться за полнейшую реализацию прав каждого человека, в том числе и его национальных прав. За право создавать и входить в любые ассоциации. Тех же, кого проблемы ассоциаций не интересуют, можно убеждать, но нельзя принуждать. В конечном итоге, право выбирать себе язык, супруга, место проживания, круг интересов вообще — всегда остается только за человеком.

в. Луза

Республика Афганистан

29 провинций и 2 округа центрального подчинения

№	Провинция	Адм. центр	№	Провинция	Адм. центр
1	Герат	Герат	16	Урузган	Таинкот
2	Бадгис	Калайи-Нау	17	Газни	Газни
3	Фарьяб	Меймене	18	Вардак	Майданшахр
4	Джаузджан	Шибирган	19	Парван	Чарикар
5	Балх	Мазари-Шариф	20	Каписа	Махмудраки
6	Саманган	Айбак	21	Лагман	Мехтарлам
7	Кундуз	Кундуз	22	Кунар	Асадабад
8	Тахар	Талукан	23	Кандагар	Кандагар
9	Бадахшан	Файзабад	24	Забуль	Калат
10	Фарах	Фарах	25	Пактика	Ургун
11	Гор	Чагчаран	26	Пактия	Гардез
12	Бамивн	Бамиан	27	Логар	Баракибарак
13	Баглан	Баглан	28	Нангархар	Джелалабад
14	Нимроз	Зарандж	29	Кабул	Кабул
15	Гильменд	Лашкаргах			

АФГАНСКИЙ АЛЬБОМ

Десять лет назад мы ушли из Афганистана

Краткая хронология событий

Ноябрь 1933 года. После убийства своего отца экстремистами из религиозной организации «Исламская молодежь», на престол вступил последний король Афганистана Захир Шах.

1 января 1965 года на учредительном собрании было объявлено о создании Народно-демократической партии Афганистана (НДПА).

17 июля 1973 года член королевской семьи генерал Мухаммед Дауд совершил государственный антимонархический переворот и объявил себя Президентом Республики Афганистан (РА). Низложенный Захир Шах эмигрировал во Францию.

27 апреля 1978 года (7 саура 1357 года м. л.) под руководством группы офицеров-членов НДПА и организации Объединенный фронт коммунистов Афганистана (ОФКА) была совершена Саурская (Апрельская) революция. Президент страны М. Дауд убит при штурме своей резиденции.

Высшим органом государственной власти провозглашен Революционный Совет, который объявил Афганистан Демократической Республикой (ДРА).

Ревсовет и правительство страны возглавил Генеральный секретарь ЦК НДПА Нур Мухаммед Тараки. Его первым заместителем стал секретарь ЦК Бабрак Кармаль. Первым заместителем премьер-министра и мини-

стром иностранных дел назначен Хафизулла Амин.

Из Афганистана начинается исход беженцев, спасающихся от репрессий новых властей. В основном беженцы оседают в Пакистане и Иране.

Апрель 1978 года. В Афганистане и на территории Пакистана разворачивают свою деятельность центры двух основных оппозиционных организаций: «Исламской партии Афганистана» (ИПА) под руководством Г. Хекматияра и «Исламского общества Афганистана» (ИОА), возглавляемого Б. Раббани.

30 апреля 1978 года СССР признал ДРА. США также признали новую республику.

5 декабря 1978 года подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Демократической Республикой Афганистан.

Март 1979 года. В Кабуле членами группы «Национальный гнет» маоистского толка похищен американский посол Адольф Даббс. Похитители потребовали от правительства в обмен на посла освободить троих своих сторонников, находящихся в тюрьме. В ходе силовой акции против террористов посол был смертельно ранен. США резко меняют курс сотрудничества и помощи Афганистану. Из страны выезжают почти все американские граждане.

Весна 1979 года. Во многих провинциях Афганистана

проходят акции протеста против политики кабульского режима.

Апрель-май 1979 года. По просьбе афганского руководства ЦК КПСС принял решение поставить в Афганистан «специмушество» на сумму 53 миллиона рублей: 140 орудий и минометов, 90 бронетранспортеров, 48 000 единиц стрелкового оружия, 100 гранатометов, 680 авиационных бомб. Кабул также запрашивал у Москвы «газовые бомбы с отравляющим веществом».

18-19 июля 1979 года в беседе с секретарем ЦК КПСС Б. Н. Пономаревым, посетившим Кабул, Н. М. Тараки поставил вопрос о вводе двух дивизий советских войск в ДРА в случае чрезвычайных обстоятельств: «по просьбе законного правительства Афганистана».

14 сентября 1979 года к власти пришел Хафизула Амин. Н.М. Тараки снят со всех постов и подвергнут домашнему аресту. Амин избран Генеральным секретарем ЦК НДПА, председателем Революционного Совета и премьер-министром ДРА.

17 сентября 1979 года советское руководство признает нового лидера.

8 октября по приказу Амина Тараки убит на своей квартире тремя офицерами президентской гвардии.

Крайне левая группировка Х. Амина начала активно проводить в жизнь Декрет N8 Ревсовета о земле, принятый еще 30 ноября 1978 года. Этот декрет, представлявшийся афганским реформаторам самым главным во всей системе преобразований, оказался самым неудачным из-за его неоправданной чрезмерной радикальности. Амин начал насаждать его на местах путем насилия и прямых репрессий. Касалось это не только землевладельцев, но и самих крестьян и сопровождалось коррупцией, фальсификацией документов, грабежами и присвоением земли новыми чиновниками. Большинство крестьян, получивших землю по Декрету N8, из-за отсутствия средств для ее обработки и злоупотреблений властей отказывались от получения земельных наделов.

Начиная с весны 1979 года, по стране прокатилась волна мятежей.

Х. Амин разворачивает кампанию репрессий против своих противников. Поток беженцев в Пакистан и Иран резко увеличился, расширилась социальная база оппозиции.

Амин пытается наладить диалог с США и афганской оппозицией, чем вызывает неприязнь Москвы. Советские спецслужбы начинают подыскивать «нового лидера» для Афганистана.

Конец 1979 года. Представители НДПА во главе с Бабраком Кармалем, который с августа 1978 на правах эмигранта живет в Чехословакии, при поддержке спецслужб социалистических государств создают нелегальные структуры для борьбы с режимом Х. Амина. Москва ведет подготовку к перевороту в Кабуле. Исламисты в Афганистане также продолжают свою борьбу. Фактически, в стране началась гражданская война.

Декабрь 1979 года. По просьбе Амина для усиления охраны резиденции главы государства и аэродрома Баграм в Афганистан переброшены два советских батальона. С одним из них прибыл Б. Кармаль.

12 декабря 1979 года. Л. И. Брежнев, по предложению комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану, было принято решение об оказании ДРА военной помощи «путем ввода на его территорию контингента советских войск».

По воспоминаниям А. А. Громыко решение «о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию ДРА в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспрепятствования возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств...» было единогласно принято Политбюро ЦК КПСС.

25 декабря 1979 года. В соответствии с приказом министра обороны Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова, в 15.00 часов по московскому времени начался ввод советских войск в Афганистан. В Кабул и Баграм самолетами был высажен десант. Воздушно-десантные подразделения взяли под усиленную охрану (фактически, под контроль) такие административные объекты, как: ЦК НДПА, МО, МВД, МГБ, Минсвязи и др.

27 декабря 1979 года. Группы спецназа КГБ СССР взяли штурмом резиденцию афганского руководителя Амина в Даруламани. Амин убит советскими офицерами.

К началу штурма дворца Бабрак Кармаль прибыл под охраной в гостевую резиденцию Совета Министров ДРА «Чихильсутун», где и получил сообщение о смерти Амина. После этого радиостанция Кабула передала обращение Кармала к народу Афганистана. Фактически, силами госбезопасности и Министерства обороны СССР в Афганистане был совершен очередной переворот.

Свержение аминовского правления и приход к власти левых сил во главе с Б. Кармалем, который стал премьер-министром, председателем Ревсовета и Генеральным секретарем ЦК НДПА, получили в Афганистане и СССР название второго этапа Саурской (Апрельской) революции. На Западе эти события были расценены как начало советской оккупации Афганистана.

В канун Нового, 1980 года, в Афганистане погибли 86 советских военнослужащих.

Январь 1980 года. Части советских войск под командованием генерал-лейтенанта Ю. В. Тухаринова заняли ключевые районы страны. Совместно с частями афганской армии они взяли под контроль административные центры, жизненно важные объекты, аэродромы и основные автомагистрали: Хайратон-Кабул; Кушка-Герат-Кандагар; Кабул-Джелалабад; Пули-Хумри-Кундуз-Файзабад. Были взяты также под охрану крупные хозяйственные объекты: газопромыслы Джаркудук и Шибарган; электростанции Суруби, Наглу, Пули-Хумри, Кабул; завод в Мазари-Шариф; туннель перевала Саланг.

Всего было введено: дивизий — 4; отдельных бригад — 5; отдельных полков — 4; полков боевой авиации — 4; вертолетных полков — 3; трубопроводная бригада — 1; бригада материального обеспечения — 1; управление 40 армии с частями обеспечения и обслуживания.

Кроме соединений СА в Афганистане находились отдельные подразделения пограничных войск и должностные лица КГБ и МВД СССР.

В этом же году проводились операции по обеспечению жизнедеятельности основных автомагистралей: Хайратон — Пули-Хумри — Кабул — Джелалабад, Кушка — Герат — Кандагар, Кабул — Кандагар, Кундуз — Файзабад; боевые действия в провинциях Пактия и Газни (весна); Первая Панджшерская операция (весна); операция в Хазарджате и Логаре (лето); Вторая Панджшерская операция (осень); боевые действия в провинции Нангархар (осень); операция «Удар» в провинциях, непосредственно примыкающих к Кабулу (ноябрь-декабрь).

25 июня 1980 года. Шесть (позже — 7) оппозиционных кабульскому режиму группировок создали Исламский союз моджахедов Афганистана.

В 1980 году на территории Афганистана погибли и умерли от ран и болезней 1484 советских гражданина.

В январе 1981 года в Афганистане вступил в силу Закон о всеобщей воинской повинности и снижении призывного возраста с 20 до 19 лет. В августе были приняты — явно запоздалые — поправки к Декрету о земле, направленные на смягчение отношения духовенства к властям.

В 1981 году 40-я армия проводила крупномасштабные операции, вела боевые действия в «зонах ответственности частей и соединений». Бои шли на всей территории республики. Особо можно отметить: Третья Панджшерская операция (апрель); разгром базы моджахедов в ущелье Тура-Бура в провинции Нангархар (июнь); операция «Мармоль» по разгрому баз к югу от Мазари-Шарифа в провинции Балх (сентябрь); Четвертая Панджшерская операция (сентябрь); Ургунская операция (октябрь). В первой половине декабря 1981 года — первая крупная совместная операция советских и афганских войск по разгрому базового района моджахедов Дарзабе (провинция Джаузджан).

Характерна все та же картина — после ухода советских и правительственных войск из зоны проводимых боевых действий в пункты постоянной дислокации исламские комитеты восстанавливали свое влияние и власть на местах.

В 1981 году в Республике Афганистан погибли и умерли от ран и болезней 1298 советских граждан.

1982 год. В стране — кризис, и в экономике, и в социальной области. Появляется Закон о кооперативах, который, однако, обошел стороной самые насущные вопросы, являвшиеся камнем преткновения для афганской кооперации.

Продолжение масштабных боевых действий советских войск: в провинциях Кандагар, Каписа и Парван (особенно напряженные бои шли в провинциях Парван — в «Зеленой зоне» Чарикара, вблизи Джабаль-Уссараджа (возле входа в Панджшерское ущелье) и Каписа — возле Махмудраки (январь-февраль); в провинции Нимроз (апрель); Пятая Панджшерская операция, крупная операция в провинции Логар (май-июнь); Шестая Панджшерская операция (август-сентябрь); вывод войск из Панджшера (декабрь). Участилась практика нанесения бомбо-штурмовых ударов.

Значительно усложнилась обстановка вокруг Кабула в связи с укреплением отрядов моджахедов в провинциях Парван, Каписа, Логар, Вардак, Лагман и их эффективными действиями. Значительные силы моджахедов концентрировались в провинции Кунар.

В 1982 году в Республике Афганистан погибли и умерли от ран и болезней 1948 советских граждан.

Зима 1983 года. Некоторые вооруженные отряды оппозиции впервые остаются на территории Афганистана на весь зимний период. Началось создание опорных базовых районов и баз в труднодоступных местах страны.

В 1983 году стало ясно, что принятый годом ранее «Закон о воде» фактически ничего не дал крестьянам. По существу, в этом законе лишь закреплялись без каких-либо существенных нововведений уже давно соблюдавшиеся и соответствующие шариатским и общеправовым

нормам права водопользователей. Вооруженные формирования моджахедов вновь пополнялись теми, на чью поддержку рассчитывали власти ДРА.

В январе в Мазари-Шарифе была похищена группа советских специалистов. Только через месяц их удалось освободить, при этом шестеро погибли. В мае в ущелье Ганджгал провинции Кунар погибла группа спецназовцев из шестнадцати человек. Сохранялась сложная обстановка в зоне «Центр» (провинции Кабул, Парван, Каписа, Логар и Вардак), провинциях Кунар и Нангархар. В конце июля моджахеды предприняли попытку блокады города Хоста. В сентябре в сводках чаще всего упоминается провинция Лагман.

К зиме боевые действия активизировались в районе Суруби и Желалабадской (Нангархарской) долины. Ограниченный контингент Советской Армии продолжал поддерживать власть НДПА своими штыками и жизнями.

В 1983 году Советский Союз потерял в Афганистане жизни 1446 граждан.

1984 год. Ведение активных боевых действий советскими войсками, в том числе широкомасштабных, совместно с афганскими соединениями и частями. Работа по реорганизации и укреплению Вооруженных Сил ДРА. Эффективные боевые действия моджахедов в большинстве провинций Афганистана.

1985 год. За год боевых действий, по официальной статистике, советские войска потеряли в ДРА 1868 человек. Из них: боевые потери — 1552 чел. (в т. ч. 240 офицеров); погибло в бою — 1194 чел. (в т. ч. 202 офицера); умерло от боевых ран 58 чел. (в т. ч. 33 офицера). Небоевые безвозвратные потери — 316 чел. (умерло от болезней — 62, погибло в автокатастрофах — 45, от небрежного обращения с оружием — 65, самоубийства — 59, погибло и умерло по другим причинам — 85). Кроме того: захвачено бандформированиями — 36 чел., пропало без вести — 37 чел.

Май 1986 года. На XVIII пленуме ЦК НДПА на пост Генсека вместо Кармаля, в котором разочаровалась Москва, избран Мохаммед Наджибулла, возглавлявший афганскую контрразведку (ХАД).

Весна 1986 года. Советские спецслужбы разворачивают операции по вооружению отрядов афганских ваххабитов (наиболее радикально настроенных исламистов) и сраживанию их с отрядами оппозиции («семерки»). К операциям по вооружению и материальному обеспечению ваххабитов привлекаются отдельные подразделения логанвойск и Минобороны СССР.

Декабрь 1986 года. Чрезвычайный пленум ЦК НДПА официально провозгласил установку на национальное примирение, прекращение братоубийственной войны и решение проблем Афганистана политическими методами.

3 января 1987 года Ревсоветом республики принята Декларация «О национальном примирении», в которой, в частности, объявлялось, что с 15 января на всей территории страны прекращается огонь из всех видов оружия, приостанавливается ведение всех боевых операций, а войска возвращаются в пункты постоянной дислокации и переходят на регламент мирного времени. Новое руководство начинает проводить в жизнь политику национального примирения (ПНП). К этому времени в Пакистане находилось около 3 млн., а в Иране — до 1,5 млн. афганских беженцев.

Советские и афганские подразделения продолжают вести боевые действия против отрядов оппозиции, а также против караванов, доставляющих оружие из Пакистана и Ирана.

Конец мая 1987 года. По данным штаба 40-й армии афганская оппозиция насчитывает 3785 отрядов и групп — 133,7 тыс. человек, что на 8 тыс. больше по сравнению с 1 января 1987 года.

По официальным данным из ВС ДРА дезертировало: в январе — 2350, феврале — 2600, марте — 2900, апреле — свыше 3000 военнослужащих (всего около 11 тыс. человек). Согласно западным источникам, многие перешли на сторону моджахедов. Укомплектованность частей и подразделений ВС ДРА личным составом составляет 40-70%. План призыва молодежи и резервистов выполняется на 20-60 % (в зависимости от провинций).

Ноябрь 1987 года. Съезд всех народов и племен — Лояя джирга — официально изменяет развернутое название страны, убрав из него слово «демократическая». ДРА становится Республикой Афганистан (РА). Одновременно утверждается Конституция РА, состоящая из 149 статей, сменившая «Основные принципы ДРА», опубликованные в апреле 1980 года.

Январь 1988 года. На пленуме ЦК НДПА была выдвинута инициатива о создании правящей коалиции на всех уровнях управления. Оппозиции предлагались посты: премьер-министра, председателя Верховного суда, председателя Народного совета, половина министерских портфельей, а также посты заместителя министра обороны и губернаторов ряда провинций. Однако лидеры оппозиции, обладая реальной военной силой и надеясь захватить власть вооруженным путем, заблокировали эту инициативу.

14 февраля 1988 года, при посредничестве ООН, в Женеве были подписаны соглашения между Афганистаном и Пакистаном о принципах взаимоотношений, главным из которых являлось прекращение вооруженного или другого вмешательства в дела Афганистана извне. В качестве гарантов выполнения Женевские соглашения подписали СССР и США.

В соответствии с этими соглашениями Советский Союз взял обязательства вывести свои войска из Афганистана в девятимесячный срок, начиная с 15 мая 1988 года.

Пакистан обязывался не создавать на своей территории военных баз и лагерей враждебных Афганистану сил, не обучать, не вооружать и не финансировать их, не перебрасывать через свою территорию оружие, снаряжение и боевые отряды в Афганистан, а также не предпринимать иные меры по дестабилизации там внутренней обстановки. Для контроля за выполнением обязательств сторон был создан механизм наблюдения под эгидой ООН.

В период с 15 мая по 15 августа 1988 года было выведено в Советский Союз 50,2 тыс. человек личного состава 40-й армии из гарнизонов Джелалабада, Газни, Гардеза, Файзабада, Кундуза, Лашкаргаха и Кандагара. После первого этапа вывода советские войска остались только в шести провинциях Афганистана. Афганским Вооруженным Силам было передано 58 военных городков с казарменно-жилищным фондом стоимостью 202 млн. 510 тыс. рублей. Оставшиеся войска размещаются в 122 военных городках (17 гарнизонов), стоимость казарменно-жилищного фонда которых составляет 497 млн. рублей.

Декабрь 1988 года. На 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН М. С. Горбачев выступил с предложением, обращенным в первую очередь к Пакистану и США, — заключить соглашение о прекращении с 1 января 1989 года огня между всеми противоборствующими сторонами в Афганистане и, одновременно, прекратить с этого же времени поставки вооружений и техники правительственным войскам и оппозиции.

Лидеры моджахедов отказались идти на переговоры с Кабулом, пока во главе государства стоит Наджибулла. При этом оппозиция продолжала активные действия вооруженным путем.

4 февраля 1989 года. Последнее подразделение Советской Армии покинуло Кабул.

14 февраля 1989 года — все войска СССР выведены с территории Афганистана. РА передано имущество и недвижимость на общую сумму более чем 830 млн. рублей. Последним, как утверждается, 15 февраля, покинул Афганистан командующий 40-й армии генерал-лейтенант Б.В. Громов.

В конце февраля 1989 года «шура» оппозиции избрала президентом лидера «Альянса семи» Себхатуллу Муджаддади, а премьер-министром — Абдул Расул Саяфа. Оппозиция начала широкомасштабные боевые действия против режима Наджибуллы.

Весна 1978 Нур Мухаммед Тараки, председатель Ревсовета Афганистана, на встрече с Генсеком Брежневым в Москве.

Президенту США Д. Картеру
29 декабря 1979 года.

Уважаемый господин Президент!

...Никак нельзя согласиться с Вашей оценкой того, что сейчас происходит в Демократической Республике Афганистан...

...Совершенно неприемлемым и не отвечающим действительности является содержащееся в Вашем послании утверждение, будто Советский Союз что-то предпринял для свержения правительства Афганистана. Должен со всей определенностью подчеркнуть, что изменения в афганском руководстве произведены самими афганцами и только ими. Спросите у афганского правительства...

Л. Брежнев

А. ЛЯХОВСКИЙ,
генерал-майор

Декабрь, день 27, 1979

Главная роль в начальный период советского военного присутствия в ДРА отводилась силам «специального назначения». Действительно, фактически первой боевой акцией в операции «Шторм-333», которую осуществили 27 декабря группы спецназа КГБ СССР и войсковые подразделения армейского спецназа, стал захват дворца Тадж-Бек, где размещалась резиденция главы ДРА, и отстранение от власти Хафизуллы Амина.

С утра 27 началась конкретная подготовка к штурму дворца Х. Амина. У сотрудников КГБ был детальный план дворца (расположение комнат, коммуникаций, электросети и т. д.). Поэтому к началу операции «Шторм-333» спецназовцы из советского «мусульманского» батальона и спецгрупп КГБ («Зенит», «Гром») досконально знали объект захвата: наиболее удобные пути подхода; режим несения караульной службы; общую численность охраны и теплохранителей Амина; расположение пулеметных «гнезд», бронемашин и танков; внутреннюю структуру комнат и лабиринтов дворца Тадж-Бек; размещение аппаратуры радиотелефонной связи и т. д. Перед штурмом дворца в Кабуле спецгруппа КГБ должна была взорвать так называемый «колодец» — фактически центральный узел секретной связи с важнейшими военными и гражданскими объектами ДРА. Готовились штурмовые лестницы, экипировка, оружие и боеприпасы. Главное — секретность и скрытность.

Утром 27 декабря... Б. С. Иванов связался с Центром и доложил, что все готово. Затем он протянул трубку радиотелефона Ю. И. Дроздову. Говорил Ю. В. Андропов: «Ты сам пойдешь? Зря не рискуй, думай о своей безопасности и береги людей». В. Колеснику тоже еще раз напомнили, чтобы зря не рисковал и берег людей.

Во время обеда Генсек НДПА и многие его гости неожиданно почувствовали себя плохо. Некоторые потеряли сознание. Полностью «отключился» и Х. Амин. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии Джандада, который начал звонить в Центральный военный госпиталь (Чарсад Бистар) и в поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь. Продукты и гранатовый сок были немедленно направлены на экспедицию. Подозреваемые повара задержаны. Усилен режим охраны. Однако основным исполнителям этой акции удалось скрыться. (Согласно западным источникам, попыт-

ку отравить руководящий состав Афганистана предприняли сотрудники КГБ СССР — прим. ред. «Карты»).

Х. Амин лежал в одной из комнат, раздетый до тросов, с отвисшей челюстью и закатившимися глазами. Он был без признаков сознания, в тяжелой коме. Умер? Прощупали пульс — еле уловимое биение. Умирает? Пройдет довольно значительное время, прежде чем дрогнут веки Х. Амина и он придет в себя, затем удивленно спросит: «Почему это случилось в моем доме? Кто это сделал? Случайность или диверсия?»

Первыми по дворцу прямой командой по команде капитана Паутова открыли огонь зенитные самоходные установки ЗСУ-23-4 («Шилки»), обрушив на него море снарядов. Автоматические гранатометы АГС-17 стали вести огонь по расположению афганского танкового батальона, не давая экипажам подойти к танкам. Подразделения «мусульманского» батальона начали выдвижение в районы предназначения. Первой к дворцу по плану должна была выдвигаться рота старшего лейтенанта Владимира Шарипова, на десяти БМП, в которой в качестве десанта находилось несколько подгрупп спецназовцев из «Грома» во главе с О. Балашовым, В. Емышевым, С. Головым и В. Карпухиным. Общее руководство ими осуществлял майор Михаил Романов. Майор Я. Семенов со своим «Зенитом», на четырех бронетранспортерах, должен был выдвигаться к торцовой части дворца, а затем совершить бросок по пешеходной лестнице, которая вела вверх к Тадж-Беку. У фасада обе группы должны были соединиться и действовать совместно.

Однако в последний момент план изменили и первыми к зданию дворца на трех БТРах выдвинулись подгруппы «Зенита», старшими которых были А. Карелин, Б. Суворов и В. Фатеев. Общее руководство ими осуществ-

лял Я. Семенов. Четвертая подгруппа «Зенита» во главе с В. Щиголевым оказалась в колонне «Грома». Боевые машины сбили внешние посты охраны и устремились по единственной дороге, которая круто серпантином взбиралась в гору с выездом на площадку перед дворцом. Дорога усиленно охранялась, а другие подступы были заминированы. Едва первая машина миновала поворот, из здания ударили крупнокалиберные пулеметы. Ушедшего первым БТРа были повреждены все колеса, а боевую машину Бориса Суворова сразу же подбили, она загорелась. Сам командир подгруппы погиб, а личный состав получил ранения. Выскочив из бронетранспортеров, «зенитовцы» вынуждены были залечь и стали стрелять по окнам дворца, а также при помощи штурмовых лестниц стали взбираться вверх в гору.

В четверть восьмого вечера в Кабуле прогремели сильные взрывы. Это подгруппа КГБ из «Зенита» (старший группы Борис Плешкунов) подорвала так называемый «колодец» связи, отключив афганскую столицу от внешнего мира. Взрыв должен был послужить началом штурма дворца, но спецназовцы начали несколько раньше.

Подгруппы «Грома» тоже сразу попали под плотный огонь крупнокалиберных пулеметов. Прорыв групп шел под ураганным огнем. Спецназовцы быстро выскочили на площадку перед Тадж-Беком. Командиру первой подгруппы «Грома» О. Балашову осколками пробило бронезиловый, но он в горячке сначала не почувствовал боли и бросился вместе со всеми к дворцу, но затем все же был отправлен в медсанбат. Капитан 2-го ранга Э. Козлов едва успел выставить ногу наружу из БМП, как ее тут же прострелили.

Первые минуты боя были самыми тяжелыми. На штурм Тадж-Бека пошли спецгруппы КГБ, а основные силы роты В. Шарипова прикрывали внешние подступы ко дворцу. Другие подразделения «мусульманского» батальона обеспечивали внешнее кольцо прикрывания. «Шилки» били по Тадж-Беку... Из окон дворца продолжался ураганный огонь, который прижал спецназовцев к земле. И поднялись они лишь тогда, когда «Шилка» подавила пулемет в одном из окон дворца. Продолжалось это недолго — может быть, минут пять, но бойцам показалось, что прошла целая вечность. Я. Семенов со своими бойцами бросились вперед к зданию, где у входа во дворец встретились с группой М. Романова.

Когда бойцы выдвинулись к главному входу, огонь еще более усилился, хотя казалось, что этого уже сделать невозможно. Творилось нечто невообразимое. Все смешалось. Еще на подступах к дворцу был убит Г. Зудин, ранены С. Кувылин, А. Баев и Н. Швачко. В первые же минуты боя у майора М. Романова было ранено 13 человек. Самого командира группы контузило. Не лучше обстояло дело и в «Зените». В. Рязанов, получив сквозное ранение в бедро, сам сделал перевязку ноги и пошел в атаку. В числе первых к зданию прорвались А. Якушев и В. Емышев. Афганцы со второго этажа бросали гранаты. Едва начав подниматься по лестнице, А. Якушев упал, сраженный осколками гранаты, а бросившийся к нему В. Емышев был тяжело ранен в правую руку. Позже ее пришлось ампутировать.

Бой в самом здании сразу же принял ожесточенный и бескомпромиссный характер. Группа в составе Э. Козлова, М. Романова, С. Голова, М. Соболева, В. Карпукхина, А. Плюснина, В. Гришина и В. Филимонова, а также Я. Семенова с бойцами из «Зенита» В. Рязанцевым, В. Быковским и В. Поддубным ворвались через окно с правой стороны дворца. Г. Бояринов и С. Кувылин в это время вывели из строя узел связи дворца. А. Карелин, В. Щиголев и Н. Курбанов штурмовали дворец с торца.

Спецназовцы действовали отчаянно и решительно. Если из помещений не выходили с поднятыми руками, то выпламывались двери, в комнату бросались гранаты. Затем без разбору стреляли из автоматов. Сергея Голова буквально «посекло» осколками гранаты, потом их в нем насчитали целых 9 штук. Николаю Берлеву во время боя пулей разбило магазин автомата. На его счастье рядом оказался С. Кувылин, который вовремя успел отдать ему свой рожок. На секунду позже бы — и выскочивший в коридор афганец-гвардеец, скорее всего, успел бы выстрелить первым, но на сей раз он опоздал с выстрелом. Был тяжело ранен П. Климов.

Во дворце офицеры и солдаты личной охраны Х. Амина, его телохранители (около 100-150 чел.) сопротивлялись отчаянно, не сдаваясь в плен... В здании на втором этаже начался пожар... Солдаты из охраны Амина, принявшие спецназовцев сперва за собственную мятежную часть, услышав русскую речь и мат, сдались им как высшей и справедливой силе. Как потом выяснилось, многие из них прошли обучение в десантном училище в Рязани, где, видимо, и запомнили русский мат на всю жизнь. Я. Семенов, Э. Козлов, В. Анисимов, С. Голова, В. Карпукхин и А. Плюснин бросились на второй этаж. М. Романову из-за сильной контузии пришлось остаться внизу. Спецназовцы атаковали яростно и жестко. Без разбору стреляли из автоматов и бросали гранаты во все комнаты, попадающиеся на пути.

Когда группа спецназовцев в составе Э. Козлова, Я. Семенова, В. Карпукхина, С. Голова, А. Плюснина, В. Анисимова, А. Карелина и Н. Курбанова, бросая гранаты и ведя непрерывный огонь из автоматов, ворвалась на второй этаж дворца, то они увидели Х. Амина, лежащего возле стойки бара в адидасовских трусах и маечке. Чуть позже к этой группе присоединился В. Дроздов. (Именно советские спецназовцы и убили Амина — прим. ред. «Карты»).

Бой во дворце продолжался недолго (43 минуты). «Внезапно стрельба прекратилась, — вспоминал майор Яков Семенов — я доложил по радиостанции «воки-токи» руководству, что дворец взят, много убитых и раненых, «главному» — конец».

Всего в спецгруппах КГБ непосредственно при штурме дворца погибло пять человек, в том числе и полковник Г.И. Бояринов. Почти все были ранены.

Закрытым Указом Президиума Верховного Совета СССР большая группа сотрудников КГБ СССР (около 400 чел.) была награждена орденами и медалями.

(публикуется в сокращении)
Москва

Хафизулла Амин, руководитель Афганистана
(до 27 декабря 1979г.).

Московская инициативная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений

Документ № 119

В Афганистане идет война, гибнут афганцы, гибнут и наши ребята — сыновья и внуки тех, кто прошел вторую мировую, и тех, кто с нее не вернулся. Сверхмощная держава с 260-миллионным населением подавляет независимость 17-миллионного Афганистана, а советские средства массовой информации утверждают, что наш народ это единодушно одобряет. Но реально люди в СССР не имеют ни правдивой информации, ни права высказывать свое отношение даже к таким произвольным шагам правительства, как развязывание новой несправедливой войны.

Хельсинкский Акт утвердил нерасторжимую связь между проблемой сохранения мира и соблюдением прав человека. Именно отсутствие основных прав человека дает возможность руководству СССР бесконтрольно принимать решения, от которых зависит будущее не только нашей страны, но и всего человечества. Государство, не соблюдающее основных прав личности, тем более если это одно из сильнейших государств в мире, опасно не только для своего народа и для своих соседей, но и для всех людей на Земле.

Правительства ста четырех стран на Генеральной Ассамблее ООН высказали свое отношение к вторжению советских войск в Афганистан, но представители нашей страны заявляют, что СССР будет игнорировать резолюцию Ассамблеи.

Мы обращаемся ко всем, в памяти кого жива вторая мировая война, кто воевал во Вьетнаме и кто выступал против этой войны, кто выступает за отмену смертной казни и помогает голодающей Кампучии, кто борется с применением пыток и призывает к освобождению узников совести — к верующим и атеистам, к рабочим и бизнесменам, к ученым и художникам, к спортсменам и любителям спорта, к общественным и политическим деятелям, ко всем людям доброй воли, потому что это касается всех, кому дорог мир, кто не хочет третьей мировой войны, — добивайтесь выполнения резолюции о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана, добивайтесь выполнения Всеобщей декларации прав человека во всех странах!

Члены Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда, Татьяна Осипова
Заявление поддерживаем:

председатель советской группы «Международной Амнистии» **Георгий Владимов**,
член Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях **Леонард Терновский**,
Мустафа Джемилев, Андрей Сахаров, Александр Лавут, Августа Романова

29 января 1980 г

Дополнение к документу № 119

Московская группа «Хельсинки» получила письмо трех москвичей, желающих присоединить свои подписи к нашему документу № 119 по вопросу о вторжении советских войск в Афганистан.

Приводим текст этого письма:

Если Хельсинкская группа (или другая группа людей) будет письменно протестовать против интервенции наших войск в Афганистан, мы просим разрешить нам подписать такой протест или считать это письмо эквивалентным подписи.

Трусова Татьяна Николаевна — преподаватель, Москва, В.Коптевский пр. 14, кв.67

Гринев Виктор Иванович — художник, адрес тот же

Кизилев Федор Федорович — журналист, Москва, М.Вузовский 8, кв.44.

Московская группа «Хельсинки» считает перечисленных людей присоединившимися к нашему протесту, выраженному в документе № 119 от 29 января 80 г.

Члены Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР:

Елена Боннэр, Софья Каллистратова, Иван Ковалев, Мальва Ланда

13 февраля 1980 г.

*Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений.
New York: Khronika Press, 1980.*

О ТЕХ, КТО НЕ МОЛЧАЛ

В 1980 году распространено открытое письмо по поводу вторжения советских войск в Афганистан, под которым стоят подписи 21 прибалтийца (трех эстонцев, одного латыша, остальные — литовцы). Авторы письма поддерживают резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о немедленном выводе иностранных войск из Афганистана. Они напомнили, что прибалтийские страны тоже, как и Афганистан, имели договоры о дружбе и взаимопомощи с Советским Союзом. В 1940 г. в эти страны, как сейчас в Афганистан, были введены советские войска, и тоже со ссылкой на эти договоры. «Поэтому эстонский, латышский и литовский народы знают как цели, так и результаты этих действий», — говорилось в письме.

В январе 1980 года под протестом против советского вторжения в Афганистан вместе с М. Никлусом поставил свою подпись Юри Кукк, принадлежавший к научному истеблишменту Эстонии. Кукк сам передал это письмо иностранным корреспондентам в Москве. Вскоре после подписания письма об Афганистане Кукк был арестован

(13 марта 1980 г.). Под письмом протеста против его ареста в Президиум Верховного Совета ЭССР стоит 36 подписей — и эстонцев, и литовцев, и русских.

В январе 1981 года в Киеве были арестованы пятеро молодых интеллигентов — в годовщину массовых арестов 12 января 1972 г. Четверо из задержанных были осуждены "за клевету на советский строй" на 3 года лагеря общего режима каждый. Одной из осужденных, Ларисе Лохвицкой (1954 г.р., математик), в числе прочего вменялись в вину неодобренные высказывания о вводе советских войск в Афганистан.

Летом 1981 года в Таллинне и других городах Эстонии появились листовки, подписанные "Демократическим национальным фронтом Советского Союза". Эта организация, не объявившая имен своих членов, призывала провести 1 декабря 1981 года с 10 до 10 час. 30 мин. молчаливую демонстрацию в поддержку требования вывода советских войск из Афганистана.

В 1981 году в годовщину Октябрьской революции в Москве на улице Жуковского появились надписи: "Свободу Польше и Афганистану!" и лозунги против всевластия КПСС.

24 декабря 1981 года КГБ произвел обыск у Каллистратовой Маргариты Александровны, проживающей: г. Москва, ул. Удальцова, дом 10, кв. 131, где, в числе прочего, были изъяты документы по Афганистану.

В начале 1982 года в Латвии были распространены листовки с протестом против войны в Афганистане. В одной из этих листовок говорилось: "Наши сыновья не должны убивать афганских сыновей и дочерей. Свободу афганцам и латышам!"

В 1983 году бывшие советские политзаключенные Эдуард Кузнецов, Владимир Буковский вместе с Владимиром Максимовым создали "Интернационал сопротивления". В частности, проводилась большая работа для Афганистана: вывозили оттуда пленных, забрасывали газеты, вещали туда по радио...

Андрей САХАРОВ,
академик

ТРЕВОЖНОЕ ВРЕМЯ

Я хочу высказать некоторые мысли по волнующим меня вопросам так, как они видятся мне из глубины СССР, из закрытого для иностранцев города Горький, где я живу под неусыпным надзором КГБ...

...Я считаю, что вопросы войны и мира, вопросы разоружения так важны, что и в самой трудной ситуации они должны иметь абсолютный приоритет и нужно использовать все существующие возможности для их решения, готовить почву для дальнейшего продвижения в будущее. И в первую очередь для предотвращения ядерной войны — основной опасности современного мира. В этом совпадают цели всех ответственных людей на земле, в том числе, как я считаю и надеюсь, и советских руководителей, несмотря на проводимую ими опасную экспансионистскую политику, несмотря на их цинизм и на владеющие ими догматические предрассудки и чувство неуверенности, часто не позволяющее им более реалистическую внутреннюю и внешнюю политику. Поэтому я надеюсь, что при некотором смягчении теперешнего кризиса международных отношений, вызванного в первую очередь советским вторжением в Афганистан, вновь возобновятся усилия в отношении ОСВ-2 (технически прогрессивного договора, который является необходимой предпосылкой для ОСВ-3), в отношении ядерного оружия средней дальности и оружия тактического назначения, а также сокращения «обычных» вооружений в Европе...

...Сто четыре государства осудили советское вторжение в Афганистан, но война продолжается, и конца ей не видно. Экономические и политические санкции чрезвычайно важны, они могут способствовать укреплению позиции более ответственных, чуждых догматизму людей в руководстве СССР. В частности, важен как можно более широкий отказ от участия в Олимпиаде. Ведь каждый гость или спортсмен, приехав на Олимпиаду, косвенно поддержит советскую военную политику.

Необходимо требовать вывода советских войск из Афганистана. Я надеюсь, что если не сейчас, то со временем вывод войск станет возможным на основе гарантиро-

ванного нейтралитета, с присутствием в стране сил ООН или нейтральных мусульманских стран, что должно устранить любые советские опасения. Советские же «условия» прекращения иностранного вмешательства — чистая демагогия.... Вообще советская пропаганда сейчас ведется на грубом «военном» уровне — например, демонстрируются по телевидению якобы захваченные «американские» гранаты с нервным газом. На них огромными бепыми буквами написано «Сделано в США». Все это явно для того, чтобы отвести аналогичные обвинения от действий советской армии...

...Усиленно эксплуатируется угроза войны, преспокуты американские базы, окружившие нашу страну, культивируется чувство подозрительности к проискам «империалистов». Народ, переживший страшные потери, жестокости и разрушения войны, больше всего хочет мира. Это всеобщее, наиболее глубокое, сильное и чистое чувство...

...Но и стремление людей к миру эксплуатируется, и это, быть может, самый страшный обман. Оно используется для оправдания всего негативного в нашей жизни — экономических неурядиц, сверхмилитаризации, для оправдания якобы защитных внешнеполитических акций — будь то Чехословакия или Афганистан, для оправдания закрытости и несвободы общества, для оправдания экологических безумств — уничтожения Байкала, лугов и пашен, рыбных богатств страны, отравления воды и воздуха...

Публикуется в сокращении
г. Горький, 4 мая 1980 г.

“НАС ГОТОВИЛИ К ГЛУБИННОЙ РАЗВЕДКЕ...”

или “кто увидел группу — тот не жилец”

Интервью Сергея Романова с рядовым запаса воздушно-десантных войск специального назначения Сергеем ДУБКО

Пролог

— Сергей, мы с Вами тезки, да и возраст у нас приблизительно одинаковый. У меня есть предложение — давайте будем на ты.

— Давайте.

— Прекрасно. Тогда начнем, как говорится, с самого начала. Расскажи, пожалуйста, где ты родился, где учился, где призывался?

— Родился в Красноярском крае. 1964 года, декабрьский, «Стрелец». Мать — сибирячка, отец — белорус. А вырос я в Сасово Рязанской области. Отец, по профессии инженер-энергетик, устроился на строящийся завод «Станколиния», и когда мне было шесть лет — переехали. Уже в школе выбрал профессию — хотел стать машинистом на железной дороге. В 1982 году закончил 10 классов, поступил в училище. Отучился на помощника и в майский призыв сразу забрали в армию. 5 мая 1983 года. Служить попал в воздушно-десантную бригаду, в Чучково.¹ Прослужил около года. В апреле 1984 года у нас начали формировать группу, говорили сначала, что на строительство такой же специальной бригады где-то на Севере. А меня к тому времени и двух моих товарищей — Алика и Макса, мы были одноклассниками — готовили на сержантов для обучения молодого пополнения.

И вот однажды, помню, заступил я в наряд по штабу на ночь, а они ко мне прибегают и говорят: «Приехали полковник и подполковник из Москвы — все идут в Афган!»

— Вся бригада?

— Нет. Уходило из нашей части 40 человек. Всего лишь. Начальство сказала — строго по желанию, если кто откажется, притеснений не будет. Из нашей роты трое отказалось. Ребята спрашивают: «Пойдешь?» — «Конечно! Вся рота уходит, а я что?»

Тогда такой был настрой вокруг, что все рвались туда. Ребята сбегали к ротному, потом опять ко мне. «Ротный сказал, куда, типа того, рветесь? Вот вам ночь на размышление — подумайте».

— То есть ротный вас пытался отговорить?

— Да. Он у нас был серьезный, после Афгана, раненый, и медали имел, орден. И занимался нашим воспитанием серьезно. Здорово нас гонял, как чувствовал что...

— Ты хочешь сказать, что он сознательно оттягивал военную учебу?

— Да. В нашей роте подготовка сильно отличалась, можно даже сказать, совсем другая была, чем у остальных.

— Было такое указание — использовать афганский опыт?

— Это было его чисто личное решение, я уверен. Он сам по себе был такой мужик — капитан Слепов. Окончил Рязанское десантное училище².

— А как точно называлась ваша бригада?

— Чучковская воздушно-десантная бригада специального назначения. Нас готовили к глубинной разведке и диверсиям на территории вероятного противника. За каждой ротой закреплялась определенная территория, и нас по ней готовили. В основном натаскивали на ракеты: все эти «Хоки» и «Першинги» — обнаружение и уничтожение.³ Кроме этого — командные пункты: нахождение и уничтожение. А также захват жизненно важных объектов. Готовили группами. Проводили учения. Выбросят на парашютах, а километрах в 50-ти где-нибудь в лесу «партизаны»⁴ надуют «Хок» или «Першинг» (резиновые макеты ракет) и охраняют его. А у нас время идет — найти и уничтожить! Вот и носимся днями и ночами по этим лесам, а там «противник» рыскает, не дай бог — нарваться! Только одного увидят — значит, вся группа ликвидирована...

— Кто ты был по военной специальности?

— Снайпер-разведчик. Причем нас не выбирали, кто лучше стреляет, а просто назначили и все. У меня была винтовка СВД⁵ и на стрельбище я прошел полный курс. Не то чтобы меня специально готовили, а просто шли плановые занятия. Стрелял я также из автомата, из пистолета Макарова. Стрелял по-всякому: и лежа, и с прыжка, и с закрытыми глазами по звуку. И все это благодаря капитану Слепову, другие роты так не готовили.

Изучали всего понемногу. Радиодело. Мины. Карты и ориентирование на местности. Выживание. Рукопашный бой, но не очень. А штыковой бой вообще почти не отрабатывали и это, конечно, большой минус. Если честно говорить, я вот тут рассказываю: десантные войска, спецназ, а на самом деле плохо все это отрабатывали. Сами, да, — занимались, кто хотел. Условия для этого были: спортгородок, спортзал. Я занимался, в основном, силовыми делами. Не то чтобы качался до одури, но... Могу сказать, что когда зимой у нас были соревнования, наша рота по части заняла первое место. Всех уделали, даже дембельные роты⁶, хотя были самые молодые...

Так вот, Афганистан. В общем, мы подумали тогда с ребятами — а чего тут думать? — собрались и пошли к ротному прямо домой, он рядом жил с частью. Он нам еще раз и говорит: «Ребята, куда вы рветесь? Пожалеете, и еще не раз». Ну а мы — что? — как говорится, романтика кипит...

— Тебе было 19?

— Ну да. В общем, ротный говорит: «Приказ уже оформлен. Если за ночь не передумаете, пишите рапорта, и чтобы они к подъему были в канцелярии на столе». Мы пришли и сразу написали. Утром построение и зачитывают официально, кого на отправку в Афган.

Спецназовец Сергей Дубко. Афганистан, 1985 г.

Фото из архива С. Дубко.

— К тому моменту, когда написал рапорт, как ты оценивал свою воинскую подготовку?

— Я считал, что кое-что умею. Да и возмужал, конечно, за это время. Армия закаляет без дураков. Тем более с таким командиром, как Слепов.

Дорога на войну

— Итак, вам зачитали приказ об отправке и...?

— И отправили на вокзал — до Рязани мы ехали на электричке. Слепов пришел нас проводить. Если по чести сказать, не очень мы его любили, впрочем, слово любовь к армии мало подходит... Короче, злые мы на него были за то, что сильно гонял, но уважать — уважали. А он с нами держался очень жестко. И вдруг он говорит — мы даже рты поразевали: «Ну что, мол, сынки, — давайте. Только единственная у меня к вам просьба, а можно даже сказать — завет. Никогда — слышите! — никогда не гоняйтесь за бакшишом!»

Бакшиш — это, как сказать... По-афгански, это — подарок, а так — ну что-то у кого-то отобрал, у мирного населения в кишлаке...

— Ты имеешь в виду мародерство?

— Ну, с одной стороны, можно сказать, что и мародерство... Да...

И вот он сказал: «Запомните мои слова раз и навсегда — никогда не гоняйтесь за бакшишом!» (В контексте интервью обрусевшее тюркское слово «бакшиш» означает: материальное приобретение). Потом я понял, почему он так говорил, там, в Афгане...

В общем, из Рязани нас отправили в Кировоград на Украину — там такая же бригада стояла, как в Чучково. И формировали недели полторы сводный батальон. Четыре роты. 1-я рота — БМП (боевая машина пехоты), 2-я и 3-я — БТР (бронетранспортер), 4-ая — обслуживание. Всю технику получали, как говорится, с «нуля». В смазочке. Но без оружия. Кстати, когда приехали в Кировоград, нас переодели, отобрали все голубое десантное — замаскировали под мотострелковый батальон. Не дай бог, у кого тельник увидят! Но кто же свой тельник-то отдаст?

— Как же вас экипировали?

— Все обмундирование было штатное и абсолютно новое. В то время как раз начали вводить камуфляжную форму, в действующих войсках ее еще не было, а нас одевали. Мы называли ее «песчанка», — такая светлая в

разводах, под цвет пустыни; погоны полевые; на голову — ланама, это для нас было новым и непривычным. Касок не было совершенно. Вернее, как нам их выдали, так они в БТР и лежали, мы их никогда не надевали. На ноги — десантные сапоги со шнуровкой, потом в Афгане, летом, мы вместо них кроссовки носили. Каждому выдали бронежилет. Не помню сейчас его маркировку, помню, что самый тяжелый — килограммов на одиннадцать, без воротника. На поясе — ремень, котелок с флягой, подсумки. Но боекомплект на ремне мы никогда не таскали, потому что это неудобно. Все у нас было уложено в РД — рюкзак десантника. РД нам оставили, они были удобные — по горам лазить и все такое

— Сколько же полагалось носить боекомплекта?

— Ну, штатно для моей СВД — 30 патронов, а дальше — сколько захочешь. То есть сколько тебе надо, столько и насыплешь... Ну, что еще? Лопатки саперные мы тоже сроду не носили, они в БТР ездили. Противогазы — тоже. Вот, пожалуй, и все.

— А что скажешь насчет личного состава?

— Со всех частей понемногу. Из разных мест были ребята, но если брать в целом, то можно сказать, что 50 процентов батальона было из Рязани, а 50 процентов с Украины. Два землячества — рязанское и украинское. Я попал служить со своим другом — Юрой Васиным из Сасово, — повезло. В один день призвались и в один день домой пришли, все время койки рядышком. Он был ранен в ногу, лежал в госпитале в Союзе, потом вернулся. Алик и Макс тоже в одной роте, они, правда, из Рязани, но ведь земляки...

— А кто были командиры?

— Комбата, честно говоря, я как-то уже и не помню... Подполковник какой-то. А командир роты — капитан Золотарев из Кировограда. Опыта боевого у него не было. Командиры вообще все с «нуля». С опытом один единственный оказался — старшина нашей роты. Он срочную прошел в Афгане, потом окончил школу прапорщиков и снова шел туда.

— Какую-то роль сыграл его опыт в вашей армейской жизни?

— Можно сказать — да. Особенно, когда столкнулись с болезнями. Он приучал нас пить отвар из верблюжьей колючки для дезинфекции, лечил всю роту сухарями от «дристухи» (дизентерия)... помогал, чем умел.

В общем, через полторы недели подали три эшелона, загрузили технику, загрузили нас, и через трое суток мы были в Термезе, это Таджикистан. Город стоит на самой границе. Здесь было что-то типа перевалочной базы. В Термезе мы полностью получили оружие и для себя и для техники, полностью — боекомплекты. Причем, оружие тоже все «нулевенькое» — сидели, отмывали его от заводской смазки...

Термез мне запомнился двумя моментами. Первое — вода. Вернее — жажда! Иной раз лежишь и думаешь — неужели это чувство будет преследовать на протяжении всей службы? Это ведь чокнуться можно — так хотелось пить... Жажда такая... фляжку выпьешь, а она как в песок уходит. Причем, стандартную 700-граммовую фляжку мы раздували на пачке до литра. Ни о чем думать не могли — только: пить, пить, пить... А сырую воду пить было нельзя категорически, потому что из-за местной воды дело доходило до смертельных исходов. И так мы мучались, наверное, с неделю, а потом начало потихонечку отпускать...

А второй случай потряс весь Термез — вырезали целую палатку. В принципе, у них такие случаи бывали,

резали солдат, но так, чтобы целую палатку... Это не у нас случилось, а в соседней части, они несли охрану этой перевалочной базы. Палатка общежитийская, на взвод (20 человек). Ночью разрезали колючую проволоку, разрезали стенку и шомполами в ухо... Когда ножом, человек может вскрикнуть, а когда шомполом в ухо, человек не кричит. Ушли и никаких следов. 20 человек на тот свет... мы были в шоке... Пожалуй, это первый такой был момент, когда я почувствовал: а ведь это и правда война, ведь здесь и на самом деле убивают...

В Афганистане

— Как же вас вводили в Афганистан?

— Как вводили? Недели через полторы после прибытия в Термез сели в БТРы, в колонну выстроились и дружка дружкой проехали через этот самый мост «Дружбы» на реке Пяндж. Мост переехали и колонной по Афгану пошли на место дислокации. Но сначала два месяца стояли в Баграме. Здесь мы прошли небольшую адаптацию. А затем такой же походной колонной нас перебросили в провинцию Логар, неподалеку от населенного пункта Баракисуфла. Провинция небольшая, примыкает к Кабулу с юга, до столицы от нас было километров сто. Там я и отслужил весь свой афганский срок — год и три с половиной месяца...

На местности это выглядело так: между трех горок стоял батальон ДШБ⁸. Кстати, сама бригада находилась в городе Гардезе, это провинция Пактия, она непосредственно граничит с Пакистаном. Почему между горок — для прикрытия от минометного обстрела. На «точках», это боевые посты, по верхам и по периметру стояло боевое охранение — танки в капонирах⁹. А вокруг — минные поля. В батальоне была система «Град»,¹⁰ вертолетная площадка. ДШБ ходил на сопровождение колонн, но основная его боевая задача была — охранять наш батальон спецназа. Мы на «точки» не ходили. Единственное — мы осуществляли внутренние караулы, и все. Жили в палатках, спали на койках, отдельная палатка — кухня. Кормили хорошо всегда. Толком я сейчас и не вспомню, чем нас кормили, помню, что хорошо, особенно по сравнению с другими частями. Постоянно картошка, мясо свежее, сгущенное молоко и все такое — это всегда. А вот ребята из ДШБ, рядом, через колуючку, нас же охраняли, когда приходили к нам в гости, удивлялись постоянно, как нас кормят. У них-то картошка сушеная, да тушенка...

— В чем заключалось боевое назначение вашего батальона?

— Наш батальон был отдельный, подчинялся непосредственно Москве.

Наша специфика была такая: первое — взятие караванов, второе — взятие складов и засады. Прочесывание — очень редко. Иногда ходили на сопровождение колонн. Еще, изредка, бросали на охрану Кабула. Обычно на праздники, когда «духи»¹¹ любили обстреливать его ракетами с окружающих гор. Вот нас по этим горкам и раскидывали загодя.

Основная же работа у нас была такая. ХАД, это контрразведка кабульского режима, и наши особисты давали сведения о наиболее вероятных тропах и перевалах, где пойдет караван с тем-то и тем-то. И на эти вероятные пути выбрасывали наши группы. Обычно старались перекрыть все, что можно. Караваны с оружием из Гардеза перед нашим прибытием ходили внаглую, белым днем — никого и ничего не боялись...

Примерно то же самое было и со складами. нас доставляли в надлежащую точку, и мы находили и увозили какое-то скопление оружия.

Были еще засады «на проческе». Когда шли общевойсковые операции по прочесыванию территорий, нас выбрасывали на наиболее вероятные пути отхода. Перекрывали ущелья, горные тропы, перевалы. Войска чешут, а мы сидим, ждем, когда «духи» станут отходить... Вот так, например.

Первый бой

— Самое время спросить о первом твоём боевом эпизоде. Помнишь, конечно, как это было?

— Первый раз... Это было еще в Баграме. Мы пошли в сопровождение. Выхали на трех БТРах. Два БТРа молодых солдат из нашей роты, а один — ребята с опытом, не из нашей части, их много в Баграме стояло. Это, конечно, было сделано специально, потому что мы абсолютно необстрелянные были. Ну, катим по дороге спокойно, днем, сидим на броне, переговариваемся. Я смотрю по сторонам, справа «зеленка»...

— «Зеленка» — это что такое?

— «Зеленка» — это заросли кустарников и деревьев низкорослых, как у нас лозняк вдоль речек, — непроходимые. То есть проходимые, конечно, но лучше туда не соваться, потому что зелено, ничего не видно, — идеальное место для душманских засад. «Зеленка» эта в виде таких небольших рощиц, там могут быть и дома кишлячные, только у нас рощи березовые, прозрачные, а у них как будто из боярышника пополам с шиповником.

И вот мы катим, справа «зеленка», а слева дувалы — заборы глинобитные и стены домов, дорога вдоль кишлака идет. Я как раз повернул голову к дувалам и вдруг что-то не пойму — фить! фить! — что-то свистеть начало, а от дувала кусочки отваливаются, тила как штукатурка... А потом впереди к-а-а-а-к грохнет!!! В БТР они не попали, врезали в дувал гранатой из РПГ¹². А почему она мимо прошла, так это наш «кардан» заметил...

— Извини, а «кардан» — это кто?

— «Кардан» — механик-водитель БТРа. Прозвище у них такое... И вот наш молодой «кардан», не то сиспугу, не то с чего, как по тормозам вдарит! Потому граната впереди и прошла.

— Послушай, а как же он мог заметить выстрел, если он сидит внизу и должен смотреть на дорогу вперед, и вообще смотрит через триплекс?¹³

— А люк? Они обычно ездили с открытым люком, а на сиденье клали такую «сидушку», чтобы повыше было, и голова тогда торчит из люка наполовину — сразу обзор появляется. Кстати, почему «карданы» почти все без зубов передних ходили — потому что броня лючной горловины как раз против челюстей приходилась. И, как правило, только на мину налетят — взрыв, и они бились зубами. Постоянно. Но наш-то «кардан», он ведь вместе с нами пришел, опыт нулевой, видимо, он чисто машинально, когда выстрел услышал, ударил по тормозам, и это нас спасло.

...В общем, толком ничего понять не могу, только крики: ложись! ложись! Попрыгали с брони в кювет. Пальба стоит, ничего непонятно — откуда, чего... Единственное, что я понимал — сзади дувал и оттуда вроде бы не стреляют, значит, из «зеленки». И только я чуть-чуть из кювета голову приподнял — мне прямо в глаза фонтан пыли... Это «дух» дал очередь, и песок, грязь, камешки —

Спецназовец Сергей Дубко. Сасово, 1986 г.

Фото из архива С. Дубко.

все это прямо в глаза. И тут до меня дошло: похоже, это по мне стреляют... И как что-то прижало меня к земле... Лежу и двинуться не могу. Это длилось минуты три-четыре, буквально. А в Афгане, практически, вся война была такой — скоротечной. Обычно они из засады завалят гранатометом передовую машину и, пока люди на броне — постреляют, очереди три-четыре. А как только попрыгали и очухались — откуда огонь ведется, все — сразу же уходят.

...Слышу, стрельба прекратилась, ребята-«старики» идут, спрашивают: что, как, раненые есть? В этот раз обошлось. Никого не зацепило. Встали мы из «кувета», в кучку собрались, сигареты достали, а «старики»: «Ну что, мужики, хоть один патрон кто выпустил?» Мы — раз, и головы вниз все, как по команде... «Ну ладно, мужики, не переживайте. У нас то же самое было. Привыкните».

И на самом деле, на войне быстро привыкаешь ко всему. Видно, сознание у нас так устроено. Хочу сказать только, что как я представлял себе войну, — ну, там фильмы смотрел, телевизор, воображал себе, когда в эшелоне ехал, — и с чем я столкнулся: это совершенно разные вещи! Это небо и земля — мои представления и действительность. Вот такое у меня было боевое крещение...

Зато потом, когда пообтерлись, совсем другие чувства появились. Вот предположим, катишь на броне и начинается стрельба, так мысли вот такие: «Черт побери! Что ж вам, оканные, не отдыхается-то?! Я ж только сегодня хзбз постирал, а теперь опять валяться...» И уж прежде, чем упасть, тащишь из РД плащ-палатку, чтобы подстелить. Вот о чем думаешь! Чтобы не испачкать форму, а не о том, что тебя могут подстрелить. И вот постелишь, ляжешь, постреляешь — нормально! Вдруг рядом с тобой фонтанчики зачирикали, значит, кто-то прицелился по тебе, надо переползать. Так ведь опять же о хзбз своей думаешь — как бы коленки не замазать! Вот такое уже сознание вырабатывается.

Караваны

— Ты говорил, что главной вашей задачей был перехват караванов?

— Да, именно. Первое время, когда мы только прибыли, они совершенно в открытую ходили, белым днем. Потом, когда мы два-три каравана забили, — все, только ночью. Я сейчас расскажу один эпизод памятный...

Однажды сели мы в засаду на караван. Расположились, оборудовали позиции — основные, запасные, все нормально, ждем.

— А что значит позиция, это окоп отрываете или что?

— Да нет. Камнями обложишься — горы! — бойницу сделаешь, чтобы поудобнее, гранаты пригодишь, чтобы под рукой все было, в общем, лежим, ждем. Ночь тихая... Из боевого охранения передают по радиации: «Идут. Человек семьдесят». Так, понятно. А они снова: «Это — головной дозор!» Командир им: «Вы что? Семьдесят человек головной дозор?» Оказалось — правда. По дороге семьдесят «духов», а по склону — боковой дозор, человек сорок-пятьдесят, и прямо на нас. Видимо, караван такой ценный. Попались! Что делать? Приказ: залечь, огонь не открывать — пропускаем. Если обнаружат — как получится. Все понятно. Прикрылись мы плащ-палатками — лежим... Короче, прошли они мимо нас чуть выше по склону, метрах в сорока. Они шли не цепью, а как местность диктовала. Мимо же бокового охранения, кстати, там Макс был, так вообще впритирку. Он потом рассказывал, что «дух» на край его плащ-палатки наступил, то есть в метре, буквально. Дозор прошел, караван появился — ему конца не видно — разговоры, шум, аж гул стоит по горам. Я лежал... и не знаю, как это выразить, ей-богу... Страшно, в общем, — такая толпа «духов»... Наконец, тыльный дозор. Тоже человек под тридцать. В общей сложности получается около 140 человек одного охранения, плюс те, которые внутри шли при шестидесяти выючных, — это мы потом посчитали... А везли они зрэсы — реактивные снаряды, те, что по тепевизору постоянно показывают, где какая заварушка идет. Их запускать можно откуда угодно. Даже на ишака можно прикрутить станок для запуска...

В общем, как только боковой дозор прошел, ротный сразу — на связь и передал координаты артиллеристам. Координаты, естественно, со сдвигом в ту сторону, куда караван шел. Как только тыльный дозор с нами поравнялся, ротный командует: «По-тихому! Уходим!» Сейчас ведь пушкеры навалятся, а вдруг ошибутся и нас накроют? И мы потихоньку, потихоньку, в противоположную сторону... И тут как раз пошло! Это был кошмар! Мы уже бегом! бегом! — даром, что в темноте и по склону. Потом залегли и вызвали броню, да не одну, а две.¹⁴ Когда обстрел начался — «духи» враспынную и беспорядочную стрельбу у них началась. Это и понятно: ночь, тихо и вдруг на голову такой кошмар, поневоле ошарашившись. Когда трудно определить, где противник, кажется, что стреляют со всех сторон, особенно в горах. В такой обстановке и своих недолго перестрелять. Откуда концевые знают, что там впереди, а растянуты они были прилично, практически — на километр. Тут и мы огонь открыли по тыльному дозору, потому что они прямо на нас бежали...

Короче, с их стороны было около ста убитых. А когда пришла броня, еще на БТРах их гоняли, на ламп-фарах, — добивали... Конечно, много ушло. Наверное, больше половины, и увели выюков много, но больше половины зрэсов мы взяли. Вот такое было...

— Ты не подсчитывал, сколько караванов за время твоей службы вы перехватили?

— Восемь штук. Причем, два раза приходилось бить мирные караваны.

— По ошибке?

— И да, и нет. Трудно ведь разобраться. Ну, сидим, смотрим в приборы ночного видения, но ведь разве определишь, что там во выюках? Бывает, он и на мирный похож, а в нем — медикаменты или еще что-нибудь эдакое... А

ведь к ним не спустишься, не спросишь... Вообще-то, ночью там комендантский час, поэтому мирные караваны останавливаются в кишлаках. Ну, а «духи» приходят, поднимают мирных и пускают вперед. А иной раз, и второй пустят. Вроде живца, или как минный трал. Если засада сидит, она себя обнаружит, шумит и уберется. А они через часик уже потом спокойно идут или свернут другим путем.

— Но ведь это означает, что они своих соотечественников посылали на смерть?!

— Ну да! Такие случаи были. Забили караван, а он мирный. А потом хадовцы и особисты говорят — за ним шел боевой.

— А не могло быть так, что чекисты такого рода информацией, что, мол, «душманы» прощупывают дороги мирными караванами, а потом пускают свои, — специально прикрывали проколы в своей работе?

— Кто его знает, может быть, и так было...

— С оружием — понятно, а что возили мирные караваны?

— Да все возили, особенно если торговые. На торговом можно было и пожить.

— Что ты имеешь в виду конкретно: еда? Вещи? Деньги?

— В основном — тряпки. Барахло. За едой мы не гонялись — хватало. А вот на дембель готовились. А в торговых и джинсы, и кроссовки, и все на свете! Летом, практически, мы все ходили в кроссовках, никаких сапог. Нам разрешали. Опять же — футболки, ботинки, часы, ручки с часами, магнитофоны японские. Можно было поднабрать — торговый же караван.

— Вы считали это военными трофеями?

— Трофеи — нет. Это было запрещено. Это мародерство, можно сказать. Если с этим делом попадались, особисты таких трясли. Так что это было не открыто — набирай чего хочешь и сколько хочешь, — нет. Но все равно — это было.

— Помнишь ли ты, чтобы кого-то судили за мародерство?

— Слышать — слышал, а в нашей части при мне такого случая не было. А особисты — да, работали. Шерстили.

— А командиры на это как смотрели, сквозь пальцы?

— Командир есть командир. Они, конечно, старались, чтобы этого не было. Ведь в первую очередь с него спрашивают.

— Ну а замполиты, они как?

— Замполит — он и в Африке замполит. Им бы только за тюками погоняться. Когда стрельба пошла, лошади и ишаки — верблюды у нас редко встречались — разбегаются кто куда. А мы потом носимся за ними по всему ущелью и отстреливаем, они ведь на месте не стоят. Отстреливаем и тюки снимаем на проверку...

— И что же замполиты?

— Замполиты что? Я про своего скажу. Он на этом караване, про который я рассказывал, заработал себе «Красную Звезду», не принимая в этом абсолютно никакого участия. Когда пришла вторая броня собирать тюки, он прикатил и сфабриковал дело, что под его руководством была уничтожена остаточная группа «духов», прятаясь в горах и оказавшая сопротивление. Вроде бы «духи» начали отбиваться и тогда их уничтожили.

— То есть ваш замполит сфабриковал бой?

— Ну да. Фамилия... фамилия... капитан... — нет, только кличку помню — «Триплекс». Он у нас в очках ходил.

Деньги

— Ну а деньги попадались в караванах?

— Были, и много. Я четко помню, как первый раз столкнулись с долларами. Мы сначала никак не могли понять — чьи это деньги?

— Ноужели никто у вас не смог по-английски прочитать?

— Да нет, просто доллар тогда — это было так странно и опасно, — казалось даже, что посадить могут, если вслух заговорить где-нибудь про доллары... В конце концов, я помню, мы эти доллары тогда — выкинули. Даже смешно сейчас вспоминать...

— Сергей, а какое ты получал жалование?

— Я получал девять чеков в месяц — нам платили чеками. Курс был: один чек — три рубля. Так что 27 рублей у меня получалось за все про все. Правда, мы брали и у пленных и у убитых, когда находили, ихние афгани — мы их называли «афони». Обыскиваешь — документы в штаб, а деньги — себе. А потом меняли эти «афони» на чеки. Семнадцать штук — один чек. Где угодно в Кабуле можно было обменять, в любом дукане. Конечно, это было запрещено, но втихаря идешь и меняешь.

Помню, еще в самом начале, забили мы караван и взяли в нем — цифру не знаю — два мешка таких картофельных, набитых «афонями». И разошлись эти два мешка и по засаде, и по броне — полностью. Неопытные были. А потом начали нас шерстить! Все палатки вверх дном перевернули...

— Кто же переворачивал?

— Да особисты. И командиры тоже. Трясли — кошмарно! Около половины они нашли, а вторая половина — растворилась... Очень это противно, когда по твоим личным вещам шарят...

— Ты говорил, что еще нечто «эдакое» бывало в караванах, что же?

— Наркотики...

Наркотики

— После караванов героин у нас по всем палаткам валялся в таких пакетиках. И попробовали его все, кто хотел. Достать там героин — запросто! Там его бочата¹⁵ поначалу просто так раздают.

— А героин — это надо колоться?

— Нет, почему? Героин ведь порошок. Мы делали так. Берется фольга, сгибается лодочкой, туда этот порошок, снизу подогревается спичкой или свечкой, и он превращается в шарик, на ртуть похожий, — катается так же. Дальше берешь трубочку, а в рот между губ пуговицу или монету. И начинаешь вдыхать через трубочку так, чтобы пары ударялись сначала о пуговицу, чтобы зубы не страдали. И так дышишь, пока шарик не испарится полностью. Я два раза попробовал затянуться по одному разочку. Эффект, конечно, есть... такое состояние... такое приподнятое настроение, какой-то азарт, чего-то такого хочется... Какой-то борьбы физической, активной деятельности... Но я по чуть-чуть... Я большую дозу не употреблял, а ребята, кто переборщил, как говорится, так рассказывали, что просто упал, вырубился, уплыл, и все... А потом встал и никаких воспоминаний, типа обморока что-то...

— Я правильно понял, что достать героин у вас проблем не было?

— Совершенно не было! Я уже говорил, что поначалу

его просто так раздавали бочата. Это делалось, конечно, сознательно. Сначала просто так, а потом смотрят, как человек себя ведет, берут на заметку тех, кто просит. Раз просит, значит, уже давай деньги, — больше, больше, а потом за этот героин — у нас в роте таких случаев не было, — а вообще, когда с ребятами из других частей общались, рассказывали, что отдавали за него оружие, цинки с патронами, фактически, все отдавали.

— И сколько нужно времени, чтобы человек устойчиво привык, стал зависимым?

— Да... по-разному у всех. Но, думаю, достаточно трех-четырех раз. По-настоящему. То есть и за неделю можно привыкнуть, практически. Я говорю из того опыта, что видел и слышал. Впрочем, такого, чтобы целое подразделение — сплошные наркоманы, такого не было. Ну, во взводе несколько человек, — максимум, но чтобы взвод целиком сидел на героине, такого не было в принципе.

— Но ведь взводный наверняка знал, кто употреблял, их же видно...

— Да, конечно. Я буду говорить про свою роту. У нас в роте попробовало больше пятидесяти процентов, это точно. Но никто не стал связываться с этим делом. Совершенно. Хотя он и валялся у нас, этот героин... Все зависит от человеческой натуры. Один только попробует, а другой, глядишь, уже и до трясушки дошел. А понаспышке, да и на построениях зачитывали тоже, знаю, что случаи наркозависимости в разных частях бывали. Неоднократно. Героин — штука серьезная... А вообще-то, чтобы побалдеть, мы использовали другой местный наркотик — чарс. Это обыкновенная конопля. Ребята рассказывали, что его собирают так: раздеваются и бегут по коноплянному полю, а потом с потной кожи соскребают такую пену из пыльцы. Потом ее сушат и ломают или режут такими комочками, палочками, плиточками. Достать его было — никаких проблем! Те же самые бочата бегут и раздают этот самый чарс. Особенно вначале, для затравки. Курили мы его часто, хотя и гоняли нас из-за него. Но привыкать к нему — особо не привыкаешь.

— А его именно курить надо?

— Да, обычно забивали в сигарету. Или поджигали и через трубочку вдыхали. Или через чилим... Это такой кувшин с водой, он похож на заварной чайничек. В носик вставляется сигарета, а через трубку всасываешь так, чтобы этот дым шел через воду. Очень крепко выходит. Когда я первый раз попробовал, ощущение было такое... Я ведь в первый раз и не знал, что это так крепко, а мы с

товарищем попали на чужую «точку», на задание. И вот вечером ребята — земляки оказались — пустили по кругу эту трубку, калян этот. Я думаю: они курят, а нам почему не попробовать? Вроде такие же здоровые и такие же крепкие. Ну, я три раза и затянулся... А потом меня держали за ноги и я через бойницу... Думал у меня все выскочит, и желудок, и все на свете... И все кругом, все кругом идет... Кошмар! На следующий день думал — сроду больше не прикоснусь никогда! Так переборщил я с этим каляном...

— И это было повсеместно? Все курили? И офицеры?

— Да, практически все. И офицеры тоже баловались этим. Но мне кажется, сколько я его пробовал — он безвредный, этот чарс.

— А для наживы наркотики никто не пытался использовать?

— Я лично достоверных случаев не знаю. А теоретически можно, конечно, предположить, раз наркотики были так свободно.

— Слушай, Сергей, расскажи что-нибудь веселое! Ведь было же у вас там что-то веселое, смешное...

— Смешного, практически, было мало. Разве что про Колченого рассказать... Но тогда сначала нужно про мины.

Мины

Мин там...! И американские, и английские, и наши. Но больше всего, мне кажется, было итальянских. «Итальянки» — они в пластмассовых корпусах, их миноискатели практически не берут. И взрываться могут не сразу, а после нескольких нажатий на крышку — как поставлена. Но она несильная. Колесо у БТР оторвет и все. «Духи», правда, такие фугасы делали — танки поднимало и переворачивало!

Я сам два раза на минах подрывался. Счастье, что оба раза были «итальянки». Первый раз ехали с охраны Кабула, с гор. Намаялись за трое суток, в БТР залезли и поотрубались... Очухался уже в части: из ушей кровь, ничего не слышу, думаю, глухим вообще останусь. Потом постепенно восстановилось. А второй раз было на броне. Два БТР прошли, а наш рвануло. Всех с брони скинуло, я колени порасшибал, и дня четыре звон в ушах стоял. Две контузии...

— А противопехотные они применяли?

— Да, разбрасывали. И растяжки делали. И мины-сюрпризы. Этих вообще полно было. Едешь на БТРе, вдруг лежит японский магнитофон, или там часы, или еще что-нибудь ценное. Но мы не брали никогда. Они ведь по-разному делали. Бывает, с места двинешь — рванет, а бывает, когда на магнитофонную клавишу нажимаешь. Или вот ручка шариковая, надавишь, чтобы стержень вышел, — хлоп! — пальцев нет. Случаев было сколько угодно. Но только не в спецназе, потому что у нас этого добра и так хватало. С караванов.

— А «мины-бабочки» попадались?

— Это, в основном, мы применяли. Пластмассовые, маленькие. Система «Ветер» назывались. Их использовали, например, когда ущелье широкое и надо перекрыть его там, где труднодоступно. Вот там на время отхода «духов» и засевали этими «бабочками». Она ногу по колено, конечно, не оторвет, но пятачку раздробит или пальцы, так что штука мерзкая и опасная. Правда, через определенное время она самоликвидируется. Когда ночью сидишь в засаде, их видно — вспышки по горам.

— А свои ребята не налетали? Ведь «бабочка»

штука малозаметная и не выбирает, кто на нее наступит.

— Не знаю. У нас таких случаев не было.

— Слушай, ты ведь хотел рассказать про какого-то Копченого.

— Да, точно. Был у нас в роте, в первом взводе, один парнишка, на полгода помоложе. Смугленький такой, кличка — Копченый, с Украины. И вот когда я уходил на «дембель», у него было уже девять подрывов! А еще полгода службы впереди. Дело дошло до того, что, когда распределяли по группам, от него начали отказываться: ради Бога! Только не его! Потому что, как только в колонне взрыв, все ясно — Копченый! И точно, его БТР — стопроцентно! Если он на БТРе — этот БТР сегодня на mine. И внутри уже никто не сидел, только сверху. Потому что, когда подорвешься в броне — это страшно. Как в консервной банке. А на броне — только посбрасывает и последствия более-менее. Ну, а ребята-«карданы» очень страдали. Их по ногам здорово било и зубы вышибало...

Вот так, не знаю, весело-невесело, а такая судьба... Наверное, его надо было в саперы, после третьего раза, переводить.

— Да, действительно, судьба... Сергей, ты еще про «прочески» упоминал, расскажи, что это такое.

«Прочески»

— «Прочески»... Ну, вот пример. Однажды нас подняли на пяти «вертушках» МИ-6, и плюс еще две 24-ки. Это боевые вертолеты Ми-24, мы их «крокодилами» звали, потому что здорово похожи на крокодилов. Выбросили вблизи горного кишлака. Была информация, что там скопление двух банд. Ну, растянулись мы группами и, попарно взаимодействуя, пошли чесать кишлак. Практически, стреляли во все, что шевелилось. Прежде чем войти за дувал или куда угодно, вообще, прежде чем посмотреть или заглянуть куда угодно, обязательно бросаешь гранату — «эфку» или РГД. Войти без этого — можно очередь получить в упор. И вот кидаешь,ходишь, а там — женщины и ребятки...

Много гибли мирных жителей. Очень много гибли после этих «прочесок»... Очень много... В первую очередь, в любых случаях всегда страдает гражданское население. Оно — в первую очередь!

Потери

— Своих потерь много было?

— С нашей роты за все время моей службы погибло человек одиннадцать. Но в наших батальонах мало народа гибло за счет того, что мы почти всегда работали из засад. Мы редко ходили на «прочески». В основном же народ погибал на «проческах», где из-под каждого куста, из-за каждого угла можно было пулю получить. А мы — из засад, и, тем более, всегда наготове была броня. Если нас зажимали, мы тут же вызывали броню и уходили.

Кстати, много гибло в быту. Особенно в самом начале, когда входили. Мы от Термеза до Баграма дошли — не было ни одного обстрела, ни одной засады, — ничего! — даже удивительно, а уже имели двоих раненых. Из-за неосторожного обращения с оружием.

Или вот в ДШБ был случай. Дембеля молодого солдата довели, он взял и бросил «эфку» в палатку. Там четверо спало, всех четверых и достало. Двоих, что внизу лежали — насмерть, а тех, что на втором ярусе — все изранены.

Да и у нас, в третьей роте, там, в основном, азербайджанцы, узбеки, в общем, южные ребята служили, тоже был аналогичный случай. У них вообще «дедовщины» много было. Одного молодого примучили. Ну, казалось бы, если ты задумал отомстить, у тебя же автомат в руках, зайдешь ночью в палатку и в лоб ему, между глаз замочи одну штуку — и все. А если с глушителем, так и не услышит никто. Так нет, он ночью стоял на посту и через окно в палатку, где спит двадцать человек! — бросил РГД. Бросил в окно напротив того, кого хотел, а запал ведь три секунды. Она покатила, покатила по бетонному полу и рванула под койкой у одного парнишки женатого и с ребенком. Он на животе спал, так ему через матрас все кишки выворотило. А тому, кого хотел, только осколком по заднице чиркнуло.

Я в Чучково когда служил, тоже молодой был, но я там такой «дедовщины» не видел, как в Афгане. У нас, в спецназе, я бы сказал, еще не очень было. Особенно по сравнению с нашими соседями из ДШБ. Гоняли, конечно, припахивали — сбегать куда, убрать, постирать там и прочее. Но доставалось, в основном, тем, кто действительно «шлангуется» и «косит». А тем, кто нормальный, смывленный, тем никогда не доставалось. Но у нас — своя специфика. Во-первых, роты были практически одного призыва, во-вторых, на операциях в наших группах так мало людей! Каждый человек на счету, там друг за дружку держаться надо. Поэтому мы на операциях никогда не опасались, даже и мысли не возникало, чтобы кому-то отомстить...

— Вы всегда своих раненых выносили?

— Раненых? Всегда! Убитых тоже всегда забирали. На моей памяти никогда ни одного не оставили. Вообще, взаимодействие и взаимовыручка были хорошие. Никогда не боялись, что бросят. Но это, конечно, свои. А мы ведь еще взаимодействовали с хиней армией и царандом, это афганская милиция. Вот здесь дело было плохо. Как вояки, они — никуда. Бывали ситуации, когда просто крикнут из кишлака, они ложатся и все. В основном они шли за нашими. Помню, был случай, когда на «проческе» много народу погибло из-за того, что они залегли, а частью — побежали, и тех, что чесали, чуть в кольцо не взяли, как раз через эту дыру. После этого были разговоры что-то типа того, чтобы прекратить с ними боевое взаимодействие. Тем более, что они, когда час молитвы наступит, все бросают и давай кланяться... Короче, не очень они воевали. Но мы — спецназ, — если строго говорить, в бою с ними не взаимодействовали совсем. Это пехота отдувалась на общевойсковых операциях. Вообще же мы с ними жили мирно. Они к нам приезжали в гости, и мы заезжали к ним в расположение.

— Знаешь, их можно понять. Для них-то война гражданская. Может, его на собственный кишлак в атаку гонят...

Личное время

— Сергей, а как вы расслаблялись после таких диких психических нагрузок: смерть, кровь, дети разорванные...

— Чарсом. Да бражкой. Под емкости использовали канистры запасные с БТРов. На каждом по две штуки были, новые совершенно. Вместо сахара — кишмиш. Это виноград местный — сладкий-сладкий! Его там было в достатке. Ну а дрожжи — на кухне взял немного, бросил и все... Канистры все вот такие раздутые были... А кроме этого удавалось и водочки добывать, когда в Кабуле бывали. Особенно после того, как с ребятами из кабульской роты спецназа скорешились, они всегда с этим помогали. Тем более старшиной у них был земляк наш — из Чучково. Он, кстати, погиб потом — Дима Самсонов. Вот так. Но в основном, конечно, чарс курили. Когда операция серьезная случалась, зацепило ли кого или еще что, командиры, фактически, закрывали глаза на это, и можно даже сказать, что разрешали чарс курить.

— Ну, а что-нибудь другое было — книги там, телевизор, музыка, песни пели? У вас ведь ленкомната была, наверное, библиотека.

— Ленкомната была. В отдельной палатке. Телевизор там стоял. А библиотеки не было. Но книги были. Мы книги, в основном, брали в кабульской роте, когда ездили к ним.

— А что читали, не помнишь? Детективы или «Войну и мир»?

— Не помню. Я лично не читал книг. А ребята читали. Дружок мой, Юрка, читал стихи. Кажется, Есенина, или Лермонтова. Где-то он достал эту книжечку и постоянно читал эти стихи. Музыка тоже была. Практически в каждой палатке у нас магнитофон стоял. И песни пели под гитару. Песни — только про Афган.

— Сами сочиняли или...

— У нас в роте никто не сочинял. Песни — группы «Каскад». У них тиражировалась кассета, и мы ее слушали на магнитофоне, а потом ребята на гитарах играли. Мы их так разучили... Розенбаум к нам приезжал...

— В Баракисуфлу?

— Нет, это еще в Баграме было. Там частей много располагалось. Когда он давал концерт в клубе, пробиться, практически, было невозможно. В основном он пел свои песни. В общем, почти каждый вечер курнем немножко, и давай за песни. А кто в ДШБ — там постоянно фильмы показывали, или в ленкомнату — телевизор смотреть...

Ленкомната

— Кстати, о ленкомнате. Это ведь суверенная территория замполита. А как у вас дела обстояли с тем, что в армии положено, как штук, то есть с политзанятиями?

— Практически в Афгане этого не было совершенно.

— Ну, а как до вас доводили события, что в СССР делается: пленум там прошел или очередные рубежи всенародно выполнены, перевыполнены и одобрены?

— Я же говорю, в ленкомнате стоял телевизор. Смотрели передачи из Союза про Афган. Интересно было смотреть. В том смысле, что всегда поражало, что по телевизору рассказывают и что тут у нас творится на самом деле. Это же совершенно небо и земля! Вранье, сплошное и чистое вранье!

— А чем-нибудь замполит еще занимался кроме присмотра за телевизором? Ты ведь комсомольцем, наверное, был. Комсомольская организация работала?

— Комсомольская — нет, а коммунистическая — да. Замполит как раз этим и занимался. Большинство ребят поступало там в партию. Я тоже лично писал заявление. Но как-то мое заявление замялось...

— И это несмотря на то, что вас тошнило от вранья, когда вы смотрели TV?

— Да, такой там тогда настрой был. Как в фильмах про войну: прошу считать меня коммунистом! Особенно, когда видишь, как они уродуют наших пленных и на уме только одно — месть! Зато потом в Сасово, когда я подал документы на машиниста и меня поставили перед выбором: или вступаешь в партию или... я им высказался. Один раз, говорю, писал, но — добровольно! А вы меня хотите насильно?! В общем, так я и до сей поры беспартийный.

— Послушай, Сергей, а замполит или кто-то другой из офицеров никогда вам не говорили про Женевскую конвенцию, про то, что существуют воинские преступления, за которые можно попасть под трибунал? Да вы, наверное, и сами слышали про деревню Сонгми во Вьетнаме?

— Об этом разговора не было никогда. Совершенно. Велся разговор только о том, что, когда действует комендантский час, — хоть мирные, хоть кто там — проблем никаких не возникнет. Но если нет комендантского часа, то есть днем, если будет инцидент, то тогда, да, можно попасть под трибунал.

— Ну а что касается вашего возможного пленения, об этом что-нибудь говорилось? Как себя вести, что говорить, какие были установки?

— Насчет этого разговора со стороны командиров вообще не было. Между собой — да, были разговоры. Типа: если я попадусь, то постараюсь застрелиться или подорвусь. Но это строго между собой.

Женщины

— Были возможности встречаться с женщинами?

— Были, были. Когда в Кабул выезжали. Наши девочки там работали. Кто по медицинской части, кто по строительной, повара там, пекари и прочие. В армии было много вольнонаемных, по контрактам. Мы этих женщин звали — «чекистки». Потому что — за чеки. Когда я впервые попал в Кабул... О Кабуле, кстати. Я думал, что это город, ну хотя бы типа нашей Рязани, а оказалось — большая, пыльная, плоская деревня в долине между гор. Ездили мы свободно, ни разу не было случая, чтобы нас кто-то обстрелял в Кабуле. А вот камнями дети кидались по БТРах. Одному парню так в глаз попали, что его даже комиссовали...

Так вот, приезжаем мы первый раз в Кабул, в эту самую роту спецназа, для взаимодействия. Командир пошел докладывать, мы на БТРе сидим, а девочки тут как тут. Они жили неподалеку, типа что-то казармы-общежития, такие легкие домики-ангары. Они по гражданке одеты — вообще в Кабуле много русских гражданских женщин было. И вот мы сидим на броне и с ними: ля-ля! ха-ха! девчата! — заигрываем, в общем, а ребята из кабульской роты, оказывается, за всем этим наблюдали из окна курилки. Потом мы с ними в курилке встретились после обеда, и они нам первым делом: «Чего вы, как дети, сидите, лялякаете с ними? Десять чеков на десантный люк налепил и открыл. И она сама в БТР заползет!» Чеки или афгани по курсу. 30 рублей на наши.

— А местные женщины?

— Афганки? Не знаю. В нашем батальоне я не знаю ни одного случая, чтобы был контакт. Так ребята трепались, что вроде где-то в других частях было... Но что-то мало верится — другая культура, другая вера, да и враги мы для них.

На засаде

— Сергей, что тебе запомнилось больше всего уже, так сказать, в сознательном боевом возрасте?

Больше всего?.. Был один такой эпизод на засаде. Проходила общевойсковая операция по проческе «зеленки». И нас, как обычно, три группы, выбросили на ущелье. Ущелье было широкое, и мы засели на разных склонах, в разных местах. И вот операция началась, наши наблюдатели передали, что из кишлака отходит 70 «духов». Обычно же бывает не более 10, ну 15, ну, максимум, 20 человек. Шли они на нашу дальнюю группу, где всего 15 ребят было.

Что делать? Ведь они просто сомнут наших. Командир дал указание отойти ближе к нам. Расстояние до душманов было пока приличное — километра полтора-два. Было еще время отойти, чтобы не ввязаться. Но, оказывается, там, за горкой, — их совсем мы не видели — еще одна группа «духов» отходила. Они из кишлака вышли раньше, человек тоже 15, и получилось так, что только наши начали движение, как эта группа вышла на склон и открыла огонь. Тут и 70 человек подоспели и тоже начали стрельбу. На склоне было что-то типа сухого русла, метра полтора глубиной. Ребята залегли туда, а их перекрестно, в два огня так прижали, что Боже мой! У «духов» чего только нет! Там и «М-16», и «АК», и «5,45», и ППШ с круглым диском — и все на свете, но гранатометов не было.¹⁶

...Короче — ребят зажали. Они по радиации передают: этого ранили, этого ранили, этого тоже... Мы, естественно, вызвали по радиации «вертушки», вертолеты то есть, и пошли их выручать. Встали — 15 человек нас тоже было — и бегом, стреляем на ходу, чтобы видели, что поддержка идет. Практически, в такой ситуации о себе не думаешь и не боишься, хотя шквал огня и пули — везде, только свист стоит... Передать словами я это не могу... Просто бежишь и о себе не думаешь. Когда мы до них добежали и попрыгали к ним туда в русло, первым делом, конечно: «Все нормально, мужики?» В смысле — не убили ли кого? А они показывают на санинструктора, сейчас не помню, как его звали, лежит — насмерть... Они говорят — высунул, пытался стрелять... Когда видишь своих убитых... в общем, тут мы встали все и пошли — бегом, в гору, на огонь. «Духи» увидели, что мы всерьез встали, и бежать...

Снайпер

— Сергей, но ты ведь был снайпером. А у снайперов особый боевой статус. Задача снайпера стрелять строго прицельно...

— За весь Афган своей винтовкой я пользовался только один-единственный раз. Однажды взводный приходит и говорит: «Собирайтесь на «точку». «Духи» там обнаглели, ходят чуть ли не днем. Надо пострелять». «Точка» эта — блок-пост на шоссе. В Афгане вдоль всех важных дорог через определенное расстояние стояли блокпосты.¹⁷ И вот нас со Славиком Швердовым забросили на эту «точку». Кстати, именно здесь я кальян и попробовал, о котором рассказывал.

— Вы были снайперской парой?

— Нет. Просто мы были из одного взвода, а во взводе два снайпера-разведчика по штату. Короче, на вторую ночь по прибытии засели мы с ним прямо на крыше блокпоста. Дорога влево и вправо. Но нас предупредили, что в одной стороне, буквально метрах в четырехстах, постоянно ходят, переговариваются и даже песни поют. И действительно, чуть стемнело, а мы смотрим в НСПУ — это прицел ночного видения, — смотрим, значит, и видим — трое переходят шоссе. Мы со Славиком переглянулись: он берет первого, я — второго. Хлоп! Хлоп! Двоих завалили, а третий сам лег. Я своего только подранил, и он стал уползать, а третий ему помогал. Славик хотел его убрать, но не успел. Один остался на дороге. И они стали его доставать. Пополз один, видимо, тот, который третий, — я его подранил. А потом они все-таки труп утащили. Бросали веревки, наверное, с кошкой, но это уже плохо было видно...

В общем, за эту ночь мы еще двух подранили и все. После этого они ходить перестали, видят же, что снайперы сели...

День после этого нам дали на отдых. Правда, после обеда пришел командир «точки» и говорит: «Ребята, там расстояние, конечно, великовато, километра два будет, но «духи» выставились прямо на крыше. Такая толпень собралась!»

— А откуда он узнал, что это «духи»?

— Так в «зеленке» же! Да и в бинокль смотришь — их же видно.

— Не понял — что видно? Вооружены, что ли?

— Да, по одежде, и по всему... Тем более, эта зона ими контролировалась, и, тем более, в «зеленке» на такой глубине. Вышли мы на крышу, взглянули в прицелы — действительно, собралось на крыше человек двадцать. Смотрят на блокпост. Взять на прицел кого-нибудь конкретно на таком расстоянии, конечно, невозможно. Так что мы со Славиком просто по куче выстрелили. Что там началось! Врассыпную, кто куда! Попрыгали с крыши и все, больше ни одного...

Так и не знаю, попали в кого или нет — далеко все-таки... Прицельная дальность у СВД — 1500 метров, но если брать всерьез — всего метров 700-800.

Вот такой был единственный раз, когда я пользовался винтовкой Драгунова. А все остальное время я брал другое оружие. Я любил брать ПК¹⁸. И практически всегда ходил с этим пулеметом. Мы в группе были разделены по парам. И я работал в паре с командиром взвода. Старший лейтенант Ефремов — наш комзвезда. Из Чучково, рязанец, окончил десантное училище. И вот мы с ним всегда в

паре, и пулемет. Пускай он тяжелее, пускай с ним труднее, но с ним — надежнее, потому что это — п-у-л-е-м-е-т!

Об оружии

— Наше оружие очень надежно работало. А вот когда брали в караванах АКМы китайские и египетские, так они, практически, без остановки магазин не выпускали, их клинило. А наш — стреляешь, особенно, когда ночью из засады бьешь, так у него ствол краснеет, запросто сигарету можно прикуривать, а он все бьет и бьет.

— А попадалось какое-нибудь иностранное оружие? Ну, М-16 или там еще что?

— Попадались много чего. И шведские автоматы, и израильские, и М-16. Это американская винтовка. В руках держал не раз, а стрелять — не стрелял. По отзывам — очень хорошая винтовка. Встречалось экзотическое оружие. «Буры», например. Это винтовки английские времен, видимо, еще англо-афганских войн. У них калибр больше, чем 7,62 — лапоть запазит! Где они только патроны такие брали? Попадались и вообще древности: то ли капсюльные, то ли кремневые ружья. А пистолеты — каких только не находили! И дамские, и револьверы всех систем... Много чего брали...

— А гранаты они использовали?

— Да. В основном — наши. «Ф-1» — оборонительная граната, ее только из-за укрытия можно бросать, потому что радиус разлета осколков метров 200, а может, и больше. РГД — эта наступательная. У нее радиус метров 30-40. Но больше всего мы любили «горки», маркировку я не помню. Они взрывались от соприкосновения, от удара. Запал носили строго отдельно, и вообще хлопоты с ними были. Зато бросил — и хорошо! А эти две — запал срабатывает через три секунды. Бросишь, а она под камень закатится и там рванет — никакого эффекта. Были у них ножи... Но не так чтобы часто встречались. С ножами всегда были мы...

— Почему?

— А потому что...

...Кто увидел группу — тот не жилец!...

— Что это значит?

— Это — закон спецназа. Но я по порядку расскажу. В принципе, когда группа на задании, ее не должен видеть никто. В идеале, конечно. Вот мы ночь в

засаде отсидели — никого нет — днем отходим от этого места километров на пять-семь — переждать. А там ведь горы и, естественно, чабаны коз пасут, овец. Помню, первый раз... Вышел на нас пожилой такой мужичок-афганец и с ним мальчонка. Ну, они, конечно, сразу: друг! друг! шурави — хорошо!¹⁹ Нам, конечно, жалко, хотя и знаем, чем это может закончиться, правда, пока теоретически. Короче говоря, день продержали их, а к вечеру отпустили. И вот наблюдаем в бинокль: только они зашли в кишлак, буквально минут через пятнадцать в нашу сторону шквал огня и цепь человек тридцать, причем так, что пытаются взять в кольцо. Пришлось вызывать «вертушку». Пока грузились на борт — одного ранили. Он у нас переводчиком был, знал пушту. Вот его и подстрелили. Другие наши группы тоже залетали на жалости попервоначалу. И вот с той поры мы все — зареклись: «Кто группу увидит — тот не жилец!» Хотя человека непросто убить. Особенно, когда не какой-нибудь там озверевший душман, а стоит старики на тебя смотрит... И все равно: «Кто группу увидел — тот не жилец!» Это был железный закон.

— Сразу убивали?

— Да, сразу убивали. А зачем его сидеть, охранять? Поначалу брали ПБС...

— Что такое ПБС?

— Прибор бесшумной стрельбы. На автомат или пистолет наворачиваешь, пара выстрелов и все... А потом, пообтерлись когда да понасмотрелись, что «духи» с нашими ребятами делали, если захватывали... — ведь вырезали все, что можно вырезать, и специально трупы подбрасывали... Ну и мы ножей наточили из рессор, потому что табельный штык-нож был, как говорится, не то. И дело уже доходило до того, что соревновались — кто с первого удара повалит.

— То есть?

— То есть просто отрабатывали на живом человеке эти точки, куда наносить удары, чтобы с первого раза... чтобы по десять раз его не резать... чтобы, как поросенка, один раз кольнул и все... И это уже было нормально.

Потом этот закон перешел и на караваны и на «прочески», когда мы в засадах сидели на отходах. Пленных старались не брать. В караванах не брали еще и вот почему. Помнишь, я рассказывал про два мешка денег? Так вот, именно в тот раз мы взяли пленных. И они, естествен-

но, рассказали в штабе, что было в караване и сколько. Ну и шерстили нас тогда, как бобиков! Так что пленных брали только тогда, когда был конкретный приказ. Тогда брали и приводили в штаб. А так — без них спокойнее.

А на отходах — тоже. То, что я рассказал — единственный случай. Обычно отходят по три-четыре человека. Иногда по одному. Ну, берешь на мушку и рукой показываешь, сюда, мол, иди. Он подходит, обыскиваешь его, и что с ним дальше делать? В кучу их собирать? связывать? сидеть с ними охранять? Зачем это нужно? Обыскивали и все — в расход. Ножом.

— Ты убивал ножом?

— Да.

— Извини, конечно, и не отвечай, если не захочешь: сколько людей ты убил?

— Я не знаю точно. Это очень трудно сказать. Я в засадах был на восьми караванах. В трех из них более ста человек охранения шло. И когда из пулемета режешь — не считаешь... Из засады бить очень легко. А в засаду попасть очень страшно. Одна из наших групп однажды попала в засаду под Кабулом. Шли занимать «точку», а «духи» засели раньше и... в упор! Мы ходили на выручку броней. Шестеро наших тогда осталось в живых из тридцати...

Как таковых приказов, чтобы убирать пленных, не было. Просто был негласный железный закон: «Кто увидел группу, тот не...» Как пословица. Ведь если мы его отпустим, то мы сами тогда погибнем... Плюс на это накладывали свой след те зверства, с которыми мы там сталкивались, плюс гибель товарищей, ранения... И в конце концов чувство жалости в нас пропадало, оно истреблялось... Практически, его не было совершенно. Доходило до таких ситуаций, когда даже спорили друг с другом, типа того, мол, ты же прошлый раз убирал, дай теперь я... Вот до чего доходило. Можно сказать, как звери были, не задумывались о том, что это тоже — человек. Но это было, было...

Нам говорили: «Вы защищаете южные рубежи нашей Родины!» А на самом деле нас туда бросили, и мы, я считаю, находились на самовыживании. И все. И каждый только и ждал своего часа: скорей бы дембель... скорей бы дембель... скорей бы дембель...

Дембель

— Меня задержали на три с половиной месяца. На целое лето! А лето там самый страшный период. Летом связь с нами была только по воздуху. По дороге летом ни днем, ни ночью не проедешь — бесполезно. Зимой — еще туда-сюда. Зимой «зеленка» голая, просматривается, зимой попроще. А летом «духи» активизируются. Так что мои три с половиной месяца как полтора года показались...²⁰

— Ты не считал, в скольких операциях ты участвовал за год и три с половиной месяца твоей афганской войны?

— Это можно прикинуть. Восемь караванов. Два раза ходили на взятие складов оружия. Несколько вылетов на «вертушках». Раз три-четыре — охрана Кабула. В сопровождение колонн — раз шесть-семь. Сколько раз в засадах был на «проческах» — трудно сказать, наверное, не больше двух десятков случаев. Два раза был на Саланге. Это высокогорный перевал на дороге Кабул-Чарикар-Баглан-Кундуз. А на этой дороге только и жди — сейчас влепят... Вообще-то, там любой выезд был боевой операцией. За продовольствием для себя ездили, и то боевая операция. Наш батальон своей деятельностью, конечно,

здорово «духам» перекрыл горы. Уж они так не ходили, как до нас. Обходными путями стали ходить. Но и себе мы тоже кое-что «заработали». Последние три с половиной месяца, что я служил, практически, мы ночевали только в БТРах. Потому что каждую ночь был минометный обстрел. Как только «духи» поняли, для чего мы здесь и где базируемся, так и началось. Они тоже работали... Уже после меня, ребята потом писали, достали один раз все-таки. Мина в палатку — шесть человек насмерть, остальные ранены. Всех зацепило — одной миной! И взвода нету.

— Ты помнишь, конечно, как уходил на дембель?

— Как не помнить... Август 1985-го... Особенно два момента запомнились. Первое, как нас шмонали, как отбирали все, что с караванов брали. Можно было вывезти только на те чеки, что получил за время службы. На общую сумму разрешали вывезти оттуда что-либо.

— Ну, про солдат я и сам понимаю, какие у них возможности, а офицеры?

— Да, они вывозили, как говорится, втугую. Мы когда из Кабула прилетели в Ташкент, солдат в аэропорту в одну сторону, а офицеров и женщин — в другую. У нас только билеты военные проверили. А их потрошили — от и до! Потому что они старались вывезти оттуда... — все!

А второе запомнилось, как заболел. Я за все время службы ни разу не заболел. Только дизентерия. У нас в роте всегда кто-нибудь болел, никогда комплекта не было: холера, тиф, менингит, малярия — обычное дело, а дизентерия — это вообще как насморк.

И вот, буквально, завтра домой, а я почувствовал — все признаки — гепатит. «Желтуха» то есть, — моча как пиво... И таких человек пять нас, с роты. И все пять — дембеля, вот что обидно! Первая партия у нас ушла еще в мае — Макс и Али, кстати, в ней были, а нас и так три месяца с лишним не отпускали, и вот... Трое пошли в санчасть, а я и еще один лежали в палатке. Причем, я свалился капитально, два дня уже с койки не вставал. Ослаб сильно и даже мысль была, когда «вертушка» санитарная придет, пойти сдать и — в госпиталь... А потом думаю, это что ж получается, уже приказ есть — и здесь же снова валяться? Нет, думаю, как-нибудь, как-нибудь до дома, а там — в любую больницу можно. И вот пришла «вертушка» за больными, но оказалось, что дембелей тоже забирает. Ребята прибежали, помогли одеться, собраться. Я еще подошел к штабу, там у нас ящик почтовый висел, и родителям письмо опустил, которое три месяца назад написал, когда думал, что уже все, конец службе. Они у меня не знали, что я в Афган попал. Я им писал оттуда, будто бы из Польши. На конверте ведь только номер полевой почты, поди узнай откуда.

— Это что же, твое личное решение было или вам приказывали такую легенду излагать в письмах?

— Мое, конечно. Просто не хотелось расстраивать родителей, а так никто, разумеется, не запрещал писать, что ты в Афгане. Я решил, что «буду служить в Польше». Дело в том, что у меня там друг как раз действительно проходил, параллельно со мной. И вот я с ним договорился, и он мне в письмах завел специальный отдел «для твоих родителей», и там про погоду польскую, про обычаи и все такое прочее. Я получу, перегишу и домой отправляю. А один раз попенился, просто отрезал приписку «для твоих родителей», положил в свой конверт и послал. Батя тут меня и заподозрил, пишет: «Что-то почерк не твой, не случилось ли чего?» А еще я фотки посылал, конечно, нейтральные такие, так он тоже учуял: «Какие-то — пишет — не польские карточки от тебя пришли, сынок...»

В общем, опустил я письма с чистосердечным признанием, где на самом деле служил, и что, мол, когда вы его получите, я уже буду в Союзе. Таки получилось. Кабул, Ташкент, а оттуда в Рязань на поезде...

— Как же ты больной-то?

— Да вот в чем и дело-то! Я аж сам удивился, когда вышел в Ташкенте. Может быть, перемена, может быть, радость, особенно когда пересекли границу и стюардесса объявила и включили песню «День победы» — такое состояние было, аж чуть ли не слезы на глазах от этой радости, что НАКОНЕЦ-ТО! Действительно, как ротный Слепов говорил, не раз я его там вспоминал, лежишь ночью и думаешь: для чего я здесь, богом забытый? за что меня сюда? Короче, пожалел я, и не раз и не два про свой рапорт...

Так вот, в Ташкенте, когда таможду прошли, чувствую — отпустило... Нет болезни! Мы в ресторан — и гудели весь вечер... Все, никакой болезни я не чувствую. Приехал в Сасово — все нормально. Устраиваюсь на работу помощником машиниста, проверяют — все хорошо. А потом через некоторое время простыл я однажды и как что-то включилось в организме. Шесть месяцев отвалялся в больнице с желтухой...

— Трудно было привыкать к мирной, гражданской жизни?

— К гражданке я привыкал намного дольше, чем к войне. Ощущения темноты, одиночества и беззащитности — идешь один и без оружия — преследовали несколько лет. Потом привык постепенно.

— Наверное, война тебе долго снилась, Сергей?

— Первое время — почти непрерывно. Но сны какие-то бестолковые были: то отстреливаешься, то пытаться тебя начинают, то еще что-то... Короче, сунбур какой-то бесконечный... А практически, она мне и сейчас снится, но сейчас уже редко. И снятся, в основном, взрывы, будто я на mine подрываюсь. Еду на БТРе и вдруг — ВЗРЫВ! — я вздрагиваю и просыпаюсь...

Примечания:

1. Чучково — районный центр Рязанской области. В Чучково находилась одна из баз спецназа Главного разведывательно-управления.

2. Рязанское высшее дважды Краснознаменное командное училище воздушно-десантных войск, ныне — Рязанский дважды Краснознаменный институт воздушно-десантных войск имени генерала армии Маргелова В. Ф.

3. «Хок» (США) — зенитно-ракетный комплекс, являлся основным ЗРК в объединенной системе ПВО НАТО; «Першинг» (США) — оперативно-тактическая ракетная система класса «земля-земля» с ядерной боеголовкой, состояла на вооружении ФРГ, в описываемый период дальность стрельбы — 1800 км.

4. «Партизаны» — армейский сленг — резервисты, призванные на периодические, краткосрочные сборы для военной переподготовки.

5. СВД — снайперская винтовка системы Драгунова.

6. «Дембель» — армейский сленг — солдат перед демобилизацией, а также период времени от приказа министра обороны о демобилизации отслуживших свой срок до момента увольнения солдата с действительной срочной службы.

7. «Тальник» — армейский сленг — бело-голубая полосатая майка, штатное белье солдата ВДВ.

8. ДШБ — десантно-штурмовая бригада.

9. Капонир — в данном случае — окоп для танка.

10. «Град» — артиллерийская система залпового огня неуправляемыми реактивными снарядами.

11. «Духи» — армейский сленг — от слова «душман» (на языке пушту) — враг; то есть повстанец, противник просоветского кабульского режима.

12. РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

13. Триплекс — оптическое устройство, через которое водитель смотрит на дорогу из-за брони.

14. «Броня» — бронегруппа обеспечения операций спецназа из 5-6 БТРов.

15. «Бочата» от «бачай» (пушту) — ребенок, мальчик.

16. М-16 (США) — автоматическая винтовка; «АК» (СССР) — автомат системы Калашникова; «5,45» (СССР) — автомат Калашникова уменьшенного калибра 5,45 мм; ППШ (СССР) — пулемет системы Шпагина.

17. Блокпост — фортификационное сооружение замкнутого типа с постоянным или сменяемым гарнизоном для решения определенной боевой задачи.

18. ЛК — ручной пулемет Калашникова калибра 7,62 мм.

19. «Шурави» (пушту) — советский.

20. В официальной историографии афганской войны утверждается, что для того чтобы не подвергать молодую необстрелянную смену опасности, старослужащие солдаты добровольно и массово просили продлить срок своей службы в последние месяцы перед выводом советских войск в 1989 г.

г. Рязань

“Мы будем выглядеть как агрессоры...” фрагменты документов Политбюро и ЦК КПСС СССР

Кириленко. Возникает вопрос, с кем же будут воевать наши войска, если мы их туда пошлем. С мятежниками, а к мятежникам присоединилось большое количество религиозников, это мусульмане и среди них большое количество простого народа. Таким образом, придется воевать в значительной степени с народом.

Черненко. Если мы введем войска и побьем афганский народ, то будем обязательно обвинены в агрессии. Тут никуда не уйдешь.

Кириленко. Мы ему (кабульскому режиму — прим. ред. “Карты”) дали все. А что из этого? Ничего не пошло на

пользу. Это ведь они учинили расстрелы ни в чем не повинных людей и даже говорят нам в свое оправдание, что якобы при Ленине тоже расстреливали людей. Видите ли, какие марксисты нашлись.

Андропов. Я думаю, что относительно ввода войск нам решения принимать не следует. Ввести свои войска — это значит бороться против народа, давить народ, стрелять в народ. Мы будем выглядеть как агрессоры, а мы не можем допустить этого.

(Стенограмма заседания Политбюро
ЦК КПСС 17 марта 1979 года)

Иван НИКОЛАЕВ

ОПЕРАЦИЯ "ВОЗМЕЗДИЕ"

Все нижеизложенное — не воспоминания и не рассказ очевидца, а лишь попытка проанализировать услышанное. Я не являюсь ни свидетелем гибели Панфиловцев, ни участником последовавшей за этой гибелью операции «Возмездие». Рассказываю эту историю вопреки своим правилам не говорить о том, в чем сам не участвовал, по единственной причине: я глубоко убежден, что кто-то должен рассказать об этом. Пусть простят меня те, кто там был.

Все, что мне известно, я узнал со слов тех офицеров Восточного ДШМГ, которые одними из первых прибыли на место гибели Панфиловской заставы и с которыми я служил позже в одном и том же подразделении почти два года спустя после случившегося.

Я намеренно опускаю услышанные мною в Афганистане многочисленные слухи и толки, достоверность которых вызывает сомнение, дабы избежать еще большего искажения фактов. Все, что написано ниже — это даже не пересказ слов очевидцев, а скорее впечатление, сложившееся у меня от услышанного, перемешанное с описаниями более поздних событий, свидетелем которых мне уже пришлось стать.

Сразу объясню, что значение слова «застава» в погранчастях, находившихся в Афганистане, отличается от привычного смысла этого слова. Пограничники в Афгане под «заставой» подразумевали мобильное стрелковое подразделение численностью от 40 до 60 человек, как правило, входившее в состав более крупного подразделения, такого как мото-маневренная группа (ММГ) или десантно-штурмовая маневренная группа (ДШМГ или сокращенно — ДШ). Панфиловская застава была направлена в командировку в Афганистан из Панфиловского погранотряда (город Панфилов, Восточный Казахстан). Мне неизвестно, сколько времени застава провела в Афгане до случившегося и насколько опытным был ее личный состав. Однако, по некоторым источникам, в тот день в составе заставы было много молодых, только что прибывших из Союза солдат.

ВРЕМЯ. Вечер 22 ноября 1985 года. Временная грань, когда вечер переходит в сумерки, а затем стремительно — в темноту.

МЕСТО. Все произошло в ущелье Зордев на севере провинции Бадахшан, что на северо-востоке Афганистана. На юге ущелье выходит к городу Бахарак (где-то в 90-100 км к югу от таджикской границы) и долине Джарм. На севере Зордев упирается в реку Пяндж, недалеко от таджикского города Хорог. Точное название места трагедии практически не упоминалось, однако я припоминаю, что Панфиловцы попали в засаду где-то в районе между кишлаками Ярим и Изван. Зордевское ущелье полностью заселено памирскими таджиками-ваххабитами.

Панфиловцы

Итак, 22 ноября 1985 года часть Панфиловской заставы — 21 человек, в том числе два офицера, — отделилась от основной группы и начала движение в направлении одного из прилегающих ущелий. По официальной версии Панфиловцы шли для выставления засады. Однако, по словам начальника штаба Восточной ДШМГ, реальные причины, по которым застава оказалась в месте, где она попала в засаду, никому неизвестны. Один из панфилов-

ских офицеров был однокурсником начштаба по Алма-Атинскому погранучилищу, и после его гибели начштаба долгое время пытался выяснить обстоятельства гибели заставы, однако, по его словам, ни официальное расследование, ни неофициальная информация не ответили на этот вопрос вразумительно.

Никто не знает, почему подразделению был отдан приказ на передвижение на ночь глядя, когда уже начало смеркаться. Передвижение Панфиловцев не укладывалось в рамки здравого смысла и военной логики, поэтому многие объясняли такое поведение заставы ошибкой или беспечностью командира, что тоже лишено какого-либо подтверждения.

Беспечность Панфиловцев, однако, подтверждает тот факт, что в момент, когда застава попала в засаду, у нее не было головного охранения. Это известно достоверно, ибо многие из тех, кто прибыл на место гибели заставы, говорили, что большинство тел было расположено очень близко друг к другу. Также говорили, что примерно половина заставы погибла в первые же минуты.

Общая продолжительность боя неизвестна, однако можно смело предположить, что перестрелка шла в течение нескольких десятков минут, так как еще до конца боя вертолетчики, поднятые с гарнизона Гульхана, могли видеть в темноте трассера (*прерывисто-светящиеся следы специальных трассирующих пуль* — прим. ред. «Карты»). Обычное время полета от Гульханы до Зордева 35-45 минут (это в том случае, если борты (*самолет либо вертолет* — прим. ред. «Карты») летят днем через ущелье Вардудж и город Бахарак), но если лететь напрямую, через перевал в районе ущелья Шульвадар, то это занимает около 30 минут.

Я не могу утверждать с абсолютной уверенностью, кто именно сообщил на Гульхану о том, что застава попала в засаду. (Гарнизон Гульхана был самым крупным гарнизоном пограничников в Бадахшане — около 400 человек личного состава. Здесь была единственная охраняемая вертолетная площадка и вертолетная эскадрилья, склады для снабжения всей группировки.) Трудно сказать, пришло ли сообщение напрямую или через Союз, что тоже не исключено.

Провинция Бадахшан, ущелье Зордев. Встреча советских военных с ваххабитами. Зима 1988-89 гг.

Так или иначе, когда пришло сообщение, на Гульхане находилась Восточная ДШМГ в неполном составе. В момент, когда ДШ «подкинули» по тревоге, большинство личного состава мылось в бане. Многие натягивали одежду прямо на намыленные тела и бежали в палатки за снаряжением, а затем на вертолетку. Перед самой посадкой дали отбой, так как было уже полностью темно и никто не знал, где можно посадить ДШ, а точнее, где находится ближайшая площадка, над которой могли бы снизиться борты.

Борты улетели в Зордев без десанта. Связи с попавшими в засаду Панфиловцами не было. С большой высоты вертолетчики еще могли видеть трассера перестрелки, которая быстро угасла. Борты были не в состоянии оказать реальную помощь заставе и сбросили бомбы в темноту наугад. Все это время основная часть заставы, которая находилась на удалении (точное расстояние между этими двумя группами я не знаю), могла слышать стрельбу.

У Панфиловцев на заставе было два брата-близнеца, один из которых остался с основной группой, а второй ушел с группой, попавшей в засаду. Во время боя оставшийся с основной группой брат умолял командира пойти на помощь группе, попавшей в засаду, но командир не сдвинул заставу с места до рассвета. В моем присутствии никто никогда не говорил о причинах бездействия основной группы. Сейчас можно только догадываться о том, был ли это приказ вышестоящего начальства или боязнь командира вести подразделение по темноте.

После того, как вертолетчики уже не могли ничего видеть, на Гульхане ДШ получила отбой до утра. Никто в ту ночь так и не пришел на помощь Панфиловцам.

Здесь я должен сделать небольшое отступление и сказать пару слов о Восточной ДШМГ, дабы внести ясность в нижеследующее описание, ибо мне, к сожалению, известна только ДШовская версия этой операции, а о роли других подразделений я мало что знаю.

Хотя по штатному расписанию Восточная ДШМГ считалась отдельным батальоном и должность начальника ДШ была подполковничья, в ее штате числилось всего 218 солдат и офицеров. Фактическое количество личного состава могло достигать 240-250 человек за счет заштатных, не уволенных вовремя «квартирантов» (дембелей, продолжавших служить после выхода приказа об увольнении). Штатная структура ДШ состояла из трех стрелковых застав, отделения управления связи (ОУС), и четырех взводов — саперного, минометного (82-мм), противотанкового (расчеты СПГ) и огнеметно-гранатометного («Шмель» и АГСы). (СПГ — *станковый противотанковый гранатомет*, АГС — *автоматический гранатомет станковый*, «Шмель» — *ручной, ранцевый огнемет* — прим. ред. "Карты").

Однако практически ни одно из этих подразделений не действовало самостоятельно. При проведении операций на базе трех стрелковых застав создавались три боевые группы (ниже БГ), которым придавался личный состав взводов. Каждая БГ насчитывала 70-80 человек и в свою очередь имела уже свое — в зависимости от задачи, — внутреннее деление на более мелкие группы, вплоть до троек и двоек. Даже при выполнении одной и той же боевой задачи эти три БГ почти всегда действовали автономно. Другими словами, ДШ почти никогда не собиралась вместе. Поэтому, говоря здесь о действиях Восточной ДШ, надо иметь в виду, что речь идет о боевых группах, численностью не более 70-80 человек каждая.

Итак, одна из боевых групп ДШ вылетела с Гульханы утром следующего дня (23-го ноября 1985 г.) еще по темноте. За день до этого в ДШ пришло молодое пополне-

ние из Союза, которое в большинстве своем не владело никаким оружием, кроме автомата и пулемета, и не имело навыков действия в составе подразделения. Таким образом, ДШовский призыв мая 85 года, который еще не успел провести в Афгане и полных суток, получал необходимые знания в очень сжатое время. Уже в бортах, по дороге в Зордев, вторые номера расчетов тренировались раскладывать и устанавливать станок АГС.

ДШ высадилась в Зордеве недалеко от места, где Панфиловцы попали в засаду. Из двадцати одного человека нашли тела двадцати, не хватало одного солдата, который позже вышел к своим сам. Девятнадцать трупов и один солдат без сознания лежали близко друг от друга, оружия при них не было. Тела погибших были изуродованы. Некоторым раздробили головы. Кое-кого из раненых добивали выстрелами в промежность, по половым органам. Это, собственно, и спасло солдата, лежавшего без сознания. На дворе стояла поздняя осень, и на многих были одеты ватники. Когда душман стрелял в промежность этого парня, то целился, видимо, ориентируясь по положению ватных штанов, которые сползли (следует так же иметь в виду, что уже стемнело). Таким образом, очередь пробила ватин и прошла между ног, не задев тело раненого. Он выжил.

По словам очевидцев, было впечатление, что некоторых Панфиловцев добивали и уродовали не оружием, а мотыгами, что давало основание думать, что местные жители тоже участвовали в этом. Именно это обстоятельство и вызвало настоящее озверение в ДШ и, как следствие, — жестокое обращение с местным населением и печальную славу операции.

«Возмездие»

После того, как ДШ обнаружила Панфиловцев, из ближайшего хишлака пригнали местных жителей с ишаками. Тела погибших погрузили на ишаков и пошли к ближайшей площадке, пригодной для посадки бортов (она была в шести километрах). Тела отправили в Мургабский погранотряд (поселок на участке киргизского Памира, высота 3600 м над уровнем моря). На Мургабе в тот момент находилась другая боевая группа ДШ, которая этими же бортами вылетела в Зордев. По словам тех, кто был в этой группе, они шли на вертолетку через ворота КПГ, по обеим сторонам которых лежали девять и десять изуродованных тел Панфиловцев, вид которых приводил многих в ужас, перераставший в бешенство.

Уже находившаяся в Зордеве БГ через разведку и местных стукачей выяснила, что напад Юнус — полевой командир средней величины, живший в Зордеве. Его отряд (или, как тогда говорили, «банда») по разным данным насчитывал от 80 до 150 человек, и никто не знал, насколько точной была эта цифра. Было известно лишь примерное направление, куда ушел Юнус, но, опять же, никто не знал, когда и где он появится снова. Поэтому вечером того же дня была выставлена засада в ущелье, по которому ушла банда и по которому, как предполагалось, должна была вернуться назад, ибо большинство «духов» Юнуса жило здесь же в Зордевском ущелье.

Засада (кажется, в составе одной БГ) была сильно растянута вдоль тропы на лысом и хорошо просматриваемом склоне, где было трудно спрятаться и сконцентрировать людей на одном месте. Отряд Юнуса пришел ночью. Сначала появилось первое головное охранение — три человека. Их сняли чисто: зарезали и стащили с тропы без шума. За ними, как водится, шло второе охранение — шесть человек, которых уже не удалось снять тихо, так как из-за растянутости засады людей не хватало. На тропе

началась возня, выкрики. Это вспугнуло ядро банды, все еще находившейся на удалении от основной засады. «Духи» стали отходить, началась перестрелка, угасавшая по мере того, как увеличивалось расстояние между стрелявшими. Было темно, и ДШ не стала преследовать врага, поэтому, не считая нескольких убитых «духов», засада не дала существенных результатов.

На следующий день ДШ проводила «прочески» близлежащих кишлаков, куда, по некоторым сведениям, разбежалась часть отряда Юнуса. Отловили не более десяти человек, из которых несколько были 13–14-летними подростками. Малолеток избили и отпустили, взрослых, кажется, расстреляли. По рассказам, именно в эти дни многих ДШовцев стало, что называется, «замыкать» и ДШ расстреливала домашнюю скотину вокруг кишлаков и «отрывалась» на местных жителях.

Основной задачей ДШ на «Возмездии» было обнаружение и уничтожение Юнуса, его отряда, а также всего того, что встречалось на пути и называлось в то время — «вооруженные бандформирования». ДШ интенсивно гонялась за Юнусом около месяца, выставляя засады, прочесывая кишлаки, высаживаясь в разных районах Зордевского ущелья и, по наводкам разведки, пытаясь застать Юнуса врасплох. Все это время по Зордеву работала авиация и артиллерия. Однако Юнус ушел из своей зоны и в ней не появлялся.

Затем задачи стали меняться и ДШ, распыляясь на выполнение новых приказов, прекратила преследование Юнуса. Панфиловцы остались неотмщенными.

Итак, почему эта операция получила название «Возмездие»? Кому отомстили? На этот вопрос я не могу ответить однозначно. Из рассказов сложилось впечатление, что козлом отпущения стало в основном местное население, из мужской части которого состояли отряды ваххабитов в Зордеве. По словам некоторых очевидцев, именно во время «Возмездия» со стороны ДШ имели место интенсивные обстрелы кишлаков, отстрел домашней скотины, жестокое обращение с населением. Количество случаев гибели местных жителей стало заметно больше, чем обычно, что не было результатом случайностей или стечения обстоятельств (другие очевидцы это отрицали). Общеизвестным фактом является и то, что многие кишлаки в Зордеве подвергались интенсивным бомбежкам авиации.

Здесь рассказы очевидцев удивительно расходятся: от полного отрицания фактов намеренных убийств афганцев (речь идет не о «духах», а о жителях кишлаков) до признания того, что некоторые операции по ходу превращались в карательные. Мне неизвестно, как часто эти факты имели место, точно так же как мне неизвестно, о каких жертвах со стороны местного населения идет речь.

Единственное, что я могу с уверенностью засвидетельствовать, это то, что все участники «Возмездия», с кем мне приходилось говорить, очень неохотно шли на этот разговор и часто старались вообще от него уходить.

Помню, как перед отправкой в Афган, во время тренировочных сборов на Мургабе осенью 1987 года политотдел части проводил встречу с офицерами-афганцами, среди которых был бывший ДШовский капитан — участник «Возмездия». Он долго и уверенно рассказывал о ДШовских операциях, в которых ему пришлось участвовать. Затем кто-то из двухсот человек, сидевших в клубе, попросил рассказать о «Возмездии». Я сидел в первых рядах, и мне было хорошо видно, как сильно изменилось выражение капитанского лица: он слегка сник, его глаза забегали из стороны в сторону, и даже смуглая кожа на его лице не могла скрыть появившуюся красноту. Он злобно огрызнул-

ся: «Солдат, этот вопрос здесь неуместен!»

Как я понимаю все это с точки зрения личного опыта, у разных ДШовцев был разный опыт участия в «Возмездии», и даже для тех, кто оказался в одной и той же боевой группе, эта операция и восприятие ее могли стать как обычной афганской рутинной, так и муками позорных воспоминаний. В Восточной ДШМГ всегда гордились многими и многим, но никто никогда не говорил с гордостью или уважением о «Возмездии» и своем участии в нем.

Послесловие к «Возмездию»

После бесплодных беганий за Юнусом ДШ получила приказ строить в Зордеве гарнизон Ярм, с тем чтобы сделать его своей базой. Для бездомных ДШовцев это была хорошая новость, ибо давала им повод верить, что теперь, после почти четырех лет мотаний по всему северному Афганистану, можно будет обзавестись «званным» (т.е. дембельским) барахлом и мыться в бане чаще, чем раз в месяц. Потому ДШовцы взялись за строительство основательно и в течение месяца отстроили каменно-бетонную оборону по всему периметру гарнизона. Вернее, строили гарнизон жители окрестных кишлаков, посылавшие каждый день свои бригады на работу в гарнизон.

Озлобленные после «Возмездия» ДШовцы установили жесткое расписание работ. Если бригада какого-то кишлака не стояла утром на разводе в установленное время, то в этот кишлак летела 82-мм мина — звонок на работу, после чего из кишлака выбегала бригада во главе со старостой. Также был установлен график социалистического соревнования, в соответствии с которым за ударный труд лучшие бригады получали муку, цемент, необходимую утварь. После завершения строительства Ярима ДШ перебросили на новое место, а гарнизон передали другому подразделению. ДШ так никогда в Ярм и не вернулась.

Репрессии против населения в Зордеве, продолжавшиеся в течение нескольких месяцев, породили глубокую ненависть к Советской Армии не только у его жителей, но и в прилегающих долинах и ущельях. Несколько позже на границе участились случаи обстрела советской территории и гибели пограничников и мирных жителей. Кровь рождала кровь, после чего ДШ снова летела куда-нибудь в район северного Зордева или ущелья Ванч и проливали новую кровь.

Все последующие годы, вплоть до вывода войск в феврале 1989-го, слово «Зордев», которое для местных

Провинция Бадахшан, ущелье Зордев. Мусульманин с автоматом Калашникова. Зима 1988–89 гг.

Провинция Бадахшан, ущелье Зордев. Зима 1988-89 гг.

жителей стало эквивалентом ужаса, использовалось пограничниками в Бадахшане как своего рода пароль при запугивании и вымогательстве по отношению к населению Зордева и Вардуджа. Это слово работало безотказно. Часто ДШовцы и офицеры других подразделений, обращаясь к афганцам, говорили: «Зордев фамеди?», на что очень быстро получали неизменный ответ: «Фам, фам!» (глаза афганцев, как правило, выражали испуг и беспокойство). После чего любая просьба со стороны пограничников удовлетворялась. Обычно к этой фразе прибегали в разговорах со старостами кишлаков, вымогая дрова и сено для замерзающей группы либо запугивая их перед тем, как поставить вопрос, есть ли в кишлаке банда, давая им понять серьезность намерений и то, что в случае лжи это не сойдет с рук. Много раз мне приходилось быть свидетелем зловещей магии этих слов.

«Дружба» с ваххабитами

Зимой-весной 1986 года уровень конфронтации с ваххабитами в Зордеве заметно снизился. Неожиданно началось активное сближение пограничников и ваххабитских полевых командиров, повсеместное вооружение их отрядов. Основной целью пограничников было вовлечение ваххабитов в боевые действия в Вардуджском ущелье против местных отрядов полевого командира Наджмуддина, входившего в Исламское общество Афганистана (ИОА) и формально подчинявшегося Ахмад Шах Масуду и Раббани.

Именно на эти отряды приходилась большая часть столкновений пограничников в восточном Бадахшане. К тому же северный Зордев выходил к таджикскому городу Хорог, и охранять здесь границу было легче «дружа», а не воюя с ваххабитами.

Поводов для разжигания конфликта между афганцами было более чем достаточно. Во-первых, Вардудж был заселен таджиками-шиитами, и пассивная вражда на почве религиозных различий существовала на протяжении долгих лет еще до начала Афганской войны. Во-вторых, ваххабиты уже вели боевые действия против шиитов в укрепленном долины Джарм из-за находившихся там лазаритовых рудников Масуда, но своих сил им не хватало, а пограничники обещали поддержку. В-третьих, на протяжении всех лет Афганской войны ваххабиты были полностью отрезаны от караванных путей из Пакистана.

Если шиитам было достаточно проскочить через редкие засады на пакистанской границе и пройти считанные километры до своих баз и укрепленных, то ваххабитам требовалось пройти не только мимо гарнизонов пограничников, имевших большую сеть местных осведомителей, но и преодолеть 40-60 километровую враждебную им

шиитскую зону, что сильно сокращало их шансы протаскать караваны, которые буквально растворялись по пути в Зордев. Поэтому ваххабиты все время испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов, а пограничники предлагали все необходимое. Возможно, с обеих сторон были и другие, неизвестные мне мотивы.

Так или иначе, но весной-летом 1986 года ваххабиты вторглись в Вардудж со стороны Бахарака, проводя глубокие и жестокие рейды против местных кишлаков. Одновременно им удалось вытеснить шиитов из части Джармской долины и закрепиться там до начала ноября 1987г. Охота на Юнуса, получившего индульгенцию за девятнадцать убитых Панфиловцев, была прекращена.

Осень 1988 года. Гарнизон Изван, что находился в ущелье Зордев. Представители ваххабитов пришли в гарнизон за очередной партией оружия, которое поставлялось им из Союза и Кабула. На плече одного из «духов» висел АК-74, на прикладе которого было вырезано: «Калуга 84-86». Все были просто уверены, что автомат принадлежал одному из Панфиловцев, ибо призыв из Подмосковья был многочисленным. А вероятность того, что этот автомат попал к «духу» от мотострелков из Бахарака, была очень низкая, ибо ваххабиты, как правило, были от них на удалении.

Увидев этот автомат, ребята из второй мото-маневренной группы предложили ваххабиту обменять автомат на любое другое оружие, которое он пожелает. Но он отказался, с гордостью заявив, что взял автомат в бою. Это разозлило мангрупповцев и особенно сильно взбесило одного из них, он пнул «духа» и между ними началась драка. Их растащили в разные стороны.

Сверяя список погибших Панфиловцев с книгой памяти, я обнаружил только одного солдата, который числится как родившийся в Калужской области, — это рядовой Гундиенков А. В. Однако, надо помнить о том, что список в книге памяти не полный, а значит, этот автомат мог принадлежать и другому Панфиловцу.

Летом-осенью 1988 года Юнус часто появлялся в Гульхане — базовом гарнизоне пограничников в Бадахшане. Многие могли его видеть, но не многие знали, кем был этот человек. В отличие от других ваххабитских командиров, на вид в нем не было ничего особенного или запоминающегося. Ему было лет 35-40. Среднего роста, не коренаст, но и не сухощав. Темная густая борода почти до пояса, в которую он всегда задумчиво усмехался. Замотанный в коричневую накидку поверх длинной рубахи и широких штанов такого же цвета, на голове пакистанская войлочная шапка-пуштунка («шлепок», как прозвали ее пограничники). Его глаза и губы всегда улыбались...

Погибшие в ту ночь Панфиловцы:

капитан Ряслов В. Н.	рядовой Калашников В. Ф.
капитан Наумов А. А.	рядовой Кравцов А. А.
рядовой Абросимов Н. К.	рядовой Костылев А. Е.
мл. сержант Буровцев П. А.	сержант Семюхин В. А.
рядовой Беляков С. М.	рядовой Тарасенко С. И.
мл. сержант Валиев А. М.	рядовой Усачев Е. А.
рядовой Гундиенков А. В.	рядовой Филиппов Н. В.
рядовой Журович О. В.	ефрейтор Черемкин Г. В.
рядовой Кучийкис В. Л.	рядовой Шарипов Р. Д.
	рядовой Шалгумбаев Б. Н.

Пленум Центрального Комитета КПСС

23 июня 1980 года

Брежнев Л. И. В советской акции помощи Афганистану нет ни грамма корысти. У нас не было иного выбора, кроме посылки войск. И события подтвердили, что это было единственно правильное решение. (Продолжительные аплодисменты).

Громыко А. А. Товарищи! За наши действия в Афганистане, за то, что мы выполнили свой долг интернациональной солидарности, за то, что агрессор

уже получил основательно по рукам, Советский Союз никому не собирался приносить извинения.

Шеварнадзе Э. А. Вспоминается глубокая озабоченность советских людей, когда завоевания афганской революции оказались на чаше весов. Их тревожила судьба афганского народа. И смелый, единственно верный, единственно мудрый шаг, предпринятый в отношении Афганистана, с удовлетворением был воспринят каждым советским человеком.

В небе Афганистана

«...летчики не склонны были разбираться в типе цели»

...Грозная тень советской дальней авиации (ДА) с первых же дней ввода войск витала над Афганистаном...

Предполагая крайние варианты развития событий, вплоть до открытого столкновения с «передовыми отрядами империализма» и «реакционными арабскими режимами», советское командование сделало соответствующие шаги по обеспечению операции. Хотя первоначальной директивой Генштаба от 24 декабря 1979 года требовалось только «привести в полную боевую готовность... авиацию ТуркВО и САВО для возможного увеличения группы советских войск в Афганистане», готовность коснулась практически всех частей ВВС и ПВО, включая и дальнюю авиацию. В отличие от привычных тревог, проводившихся по сценарию ядерного конфликта, на этот раз «дальникам» была поставлена задача обеспечить продвижение войск, при необходимости используя свои ударные возможности и сокрушая сопротивление обычными боеприпасами.

Так, в Энгельсе к бомбовым ударам готовили даже «эмки» Мясищева, снимая с заправщиков топливные «бочки» и переоборудуя их под подвеску на кассетных держателях под бомбы 52 ФАБ-250 или 28 ФАБ-500. На аэродром Ханабад поближе к границе перебросили Ту-16 из Орши, а в Семипалатинск — из Прилук. Все необходимое взяли с собой, включая и бомбы крупных калибров. На месте получили боевую задачу — нанести удар по северо-западной окраине Герата, причем из-за неясности обстановки (первые сообщения об «удовлетворении просьбы афганской стороны о военной помощи» появились только 29 декаб-

ря) вылет требовалось произвести под покровом темноты.

Причиной такого приказа стали опасения встретить в этом городе серьезное сопротивление, ведь в марте 1979 года там произошло крупное восстание, поддержанное местным гарнизоном и приведшее к гибели тысяч людей. Полученные «дальниками» сведения о дислокации и силах противника не отличались определенностью: «Десяток их или целая дивизия, в доме ли сидят или митингуют на городской площади — об этом никто ничего не знал», — вспоминал главком ДА В.В. Решетников. В итоге налет не состоялся. Ввод советских войск в Афганистан прошел практически без помех.

Несмотря на разрастание боевых действий, в первые годы войны 40-я армия обходилась силами находившейся под рукой армейской и фронтовой авиации. Исключением стало обращение за помощью к ДА, когда понадобилось нанести удар по лазуритовым копям в северном уезде Джарм, относившемся к владениям Ахмад Шаха Масуда. Откровенное пренебрежение центральной властью и своеволие хозяина этих мест основывались, помимо его лич-

исконных промыслах этих мест — добыче драгоценных камней. Ощутимые доходы от их вывоза укрепляли власть Масуда и позволяли ему проводить собственную политику, неплохо снабжая свои отряды в традициях принятого на Востоке сочетания войны и торговли.

Район, где и в лучшие времена не признавали центральной власти, не давал покоя Кабулу, то и дело предпринимавшему попытки

«пощупать» месторождения. Очередную операцию по «подрыву душманской экономики» готовили на лето 1981 года — в традициях планового хозяйства директивы МО СССР на начало года требовали «освободить от мятежников не менее 70% территории страны и 80% уездных и волостных центров».

При подготовке операции разведка обнаружила у селения Сарнсанг полевой аэродром, с которого камни вывозились в Пакистан. В этот район направили вертолеты Ми-8 советских погранвойск из Гульханы, однако рудники хорошо охранялись, и вертолеты наткнулись на небывало плотный зенитный огонь. Не дойдя до цели, они отвернули обратно, привезя внушительный набор пробоин. Следующим шагом готовился налет целой вертолетной эскадрильей из Файзабада, но из штаба ВВС 40-й армии работу запретили, сочтя ее чересчур рискованной.

Уничтожить копи решили бомбардировкой, но от аэродромов 40-й армии и приграничных баз ТуркВО Джарм отделяло солидное расстояние. Искать затерянную среди ледников и горных хребтов цель для летчиков МиГ-21 и Су-17, располагавших достаточно скромным прицельно-навигационным оборудованием, было нелегким делом (годом раньше группу чирчикских МиГ-21 на маршруте так «сдуло» струйными течениями, что они уклонились почти на 100 км и сели в Баграме буквально на последних литрах топлива). Удар поручили ДА, и 10 июня по Джарму отработала тяжелобомбардировочная эскадрилья. Бомбометание вели с высот 10-12 тысяч метров, не столько из опасения огня с земли, сколько по соображениям безопасности полета над горами, достигающими здесь высот 5-6,5 тысячи м (сама цель лежала у подножия «отметки 6729 м» — высочайшего пика афганского Гиндукуша). Результативность удара толком установить не удалось.

Вновь дальняя авиация появилась над Афганистаном во время масштабной Панджшерской операции 1984 года. Два предыдущих года с Масудом действовало перемирие, по которому 40-я армия обязывалась даже оказывать ему «авиационную и артиллерийскую поддержку в случае вооруженных столкновений его отрядов с соперничающими формированиями». Особо оговаривалось обещание «не наносить авиационных ударов по Панджшеру». Персональную работу с Ахмад Шахом вел посланный к нему подполковник ГРУ, «знакомая его с советским образом жизни и произведениями классиков марксизма». Однако мир был зыбким: усиление влияния «панджшерского льва» вызывало ревность не только Кабула, но и многочисленного советнического аппарата, войной оправдывавшего свою роль.

Для избавления от этой «запозы» не привыкший размениваться по мелочам один из высокопоставленных сотрудников КГБ предложил радикальные меры: «Спланировать комплекс военно-тактических мероприятий (операцию) по группировке Ахмад Шаха, в том числе с использованием оружия особой мощности». Последнее подразумевало не только участие в руководстве операцией самого

Командующий дальней авиацией генерал-лейтенант П. Дейнекин. Мары-2, ноябрь 1988 г.

министра обороны С. Л. Соколова, но и небывало масштабное привлечение авиации.

Помимо ВВС 40-й армии, в налетах задействовали четыре полка фронтовой авиации с приграничных аэродромов, а для применения боеприпасов самых крупных калибров потребовалось участие «дальников». В начале апреля в Ханабад перебазировали эскадрилью бобруйского 200-го на Ту-16, способ-

ных доставить к цели сразу 9 т бомб, включая трех-, пяти- и девятитонные. На базу Мары-2 перелетели и шесть Ту-22М2 из 1225-го ТБАП с забайкальского аэродрома Белая под началом зам. командира полка подполковника В. Галанина. Объемы предстоящей работы были налицо: склады не могли вместить все завезенные боеприпасы, и повсюду — у стоянок, между ВПП и «рулежками» — громоздились бомбы всевозможных типов и калибров. Все эти запасы предстояло вывалить на Панджшер, где численность отрядов Масуда разведка к апрелю 1984 года оценивала в 3500 бойцов. Другими словами, на каждые 12-15 человек противника приходился один советский самолет или вертолет.

19 апреля в 4.00 бомбардировщики пошли на цели. Первыми поднялись Ту-16, затем — Ту-22М2, через полчаса вдогон им ушли 60 Су-24. Концентрация самолетов в небе над Панджшером была такой, что подходившим к месту удара «бортам» рекомендовали включать РСБН только с ближнего рубежа, иначе «захлебывалась» станция в Баграме, обладавшая пропускной способностью в 100 машин (большей плотности не встречается и в столичных аэропортах). «Дальники» заходили на цели выше остальных, сбрасывая бомбы с 9000-10000 м сквозь плотную облачность. Особенно впечатляющими были удары «двоек»: каждая из машин несла по 64 ОФАБ-250-270, вываливавшихся серией с горизонтального полета, после чего десятки гектаров внизу вскипали сплошным ковром разрывов.

Массированные удары продолжались три первых дня операции, но «тушки» из Ханабада и Мары выполняли лишь один вылет по утрам — после него цели затягивало пыльной пеленой, да и боевую работу ДА для скрытности было предписано вести в сумерках. Этим и ограничилось участие ДА в операции. Уже в мае ее машины покинули приграничные аэродромы.

Эффективность высотных бомбардировок оказалась невысокой. Одной из причин этого стал неподходящий характер применявшихся боеприпасов. Сотрясавшие землю тяжелые фугаски не достигали результата: выявлен-

ные разведкой немногочисленные заслоны на пути войск не задерживались на одном месте, вовремя уходя из-под ударов. Сами бомбы калибров 3000, 5000 и 9000 кг вообще не соответствовали задачам борьбы с живой силой и даже разрушения строений — при их создании совершенно не предполагалось применение по наземным целям! Тяжелые бомбы ФАБ появились в конце сороковых годов как единственное тог-

Эмблема на борту одного из «афганцев» 251-го полка.

да средство борьбы с крупными ко- раблями и с тех пор оставались на вооружении, хотя характеристики поражающего действия по другим объектам даже не оценивались (ис- ключением были «полторки», счи- тавшиеся приемлемыми для уда- ров по промышленным объектам, плотинам и подземным сооруже- ниям). Даже при бомбардировке «вра- жеских кишлаков», целиком сметав- шей дома и дувалы, реальный эф- фект был невелик.

Мощь внушительно выглядя- щих бомб расходовалась впустую: радиус летального поражения удар- ной волной ФАБ-3000 не превышал 39 м и даже для ФАБ-9000 оставался в пределах 57 метров. Выводящие из строя контузии с кровотечением из носа и ушей противник получал, соответственно, в 158 и 225 метров вокруг — результат, уступающий серии бомб «фронтального калибра», прицельно сброшенных со штур- мовика. Несмотря на все это, за несколько боевых выле- тов, нечастых в практике «дальников», командиры обеих групп получили ордена Боевого Красного Знамени.

Применение дальней авиации оказалось неэффе- ктивным в чисто противопартизанской афганской войне. Все необходимое моджахедам носил с собой, не нуждаясь в предусмотренной военной наукой опоре на инфраструкту- ру — укрепления, склады, штабы и казармы, привычно отыскиваемые разведкой. Даже сохранившиеся с давних времен крепости и пещеры, которые могли служить при- станищем моджахедам и выглядели «надежной мише- нью», тут же оставались привычными к кочевью бойца- ми, растворявшимися в горах и «зеленке». Когда самый большой урон наносили засады на дорогах и в селениях, мощь бомбардировщиков не находила применения.

Складывалась неловкая ситуация: противник про- должал набирать силу, расширяя сферу влияния, но не подходил для чересчур мощной авиации, буквально не замечавшей врага. Это в полной мере относилось к итогам «Большого Панджшера» 1984 года. Хотя тогдашний ко- мандующий 40-й армией генерал-лейтенант Л. Е. Генерал- тов и называл его «примером наиболее крупной и резуль- тативной операции», реальные успехи были более чем скромными. Панджшер пришлось оставить, и в него верну- лись избежавшие больших потерь отряды и сам Масуд. Заключение ГлавПУРа гласило: «Опыт подтвердил невы- сокую эффективность проведения крупных военных опе- раций именно с военной точки зрения, а иногда и их политический ущерб». Что же касается бомбовых ударов, то пехота высказывалась еще определеннее, упрекая авиа- торов, что те «даром свой шоколад едят».

И все же летом 1986 года советская дальняя авиация вновь была привлечена к бомбардиров- кам Афганистана: само наличие столь мощной силы требовало ее использования. В те месяцы гото- вился широко декларированный вывод части ОКСВ, в ходе которо- го страну должны были покинуть 6 полков (впрочем, параллельно шло пополнение армии), и даль- ним бомбардировщикам надлежа-

Командир отряда В. Бандюков. Мары-2, ноябрь 1988 г. Каждая звездочка на борту бомбардировщика означает боевой вылет.

ло воспрепятствовать передвиже- нию душманов и обстрелам уходя- щих колонн. Кроме того, намечался ряд операций на юге, нуждавшихся в авиаподдержке.

К этому времени помимо обыч- ных боевых действий по «чистке» провинций и возвращению их под власть Кабула — занятию столь же регулярному, как и безнадежному — вошли в обиход удары по базам и базовым районам, на которые стали опираться «полки» и «фронты», объединявшие под началом крупных полевых командиров прежние раз- розненные партизанские отряды («банды»).

Различались базы, служившие опорой одному фор- мированию, перевалочные базы и пункты, с которых шла отгрузка оружия и отправка караванов, и крупные базовые районы, включавшие штабы, склады, оружейные и па- тронные мастерские, узлы связи и учебные центры. Места- ми для них служили труднодоступные ущелья, затеря- ные в горах.

Характеризуя качественные перемены, аналитичес- кая записка Управления боевой подготовки Сухопутных войск еще в октябре 1984 года обращала внимание на появление объектов, которые «мятежники готовят к упор- ной обороне в инженерном отношении». Наиболее надеж- ным средством их поражения становилась авиация. Одна- ко «булавочные уколы» ВВС 40-й армии, вынужденных действовать на значительном удалении от баз, должного успеха не давали: на такое расстояние истребители и штурмовики Баграма могли, в лучшем случае, доставить пару бомб, причем из-за трудностей со снабжением время от времени штаб вынужден был даже вводить ограниче- ния, обязывая подвешивать «за раз» только по одной бомбе! (Впрочем, к тому времени весь боевой груз обычно сбрасывали в первом заходе, и результат удара больше зависел от его точности, чем от количества бомб.)

К тому же фугасной мощи предельных для них «пяти- соток» не хватало для разрушения укрытий, нередко вы- рубленных в цельной скале или залитых бетоном. Любо- пытно, что некоторые пещеры не удалось подорвать даже саперам — заложенные заряды не смогли обрушить сво- ды, и взрывы лишь «вычистили» их словно под метелку. Защищенные цели требовали должных мер воздействия, и тут подходящими оказались те самые авиабомбы круп- ных калибров. Фугасный удар сверху вызывал сотрясения, растрескивание и обрушение камня, заваливавшего пе- щеры, а обвалы засыпали их входы. Бомбометание по склонам давало впечатляющий эффект: сход сотен тонн камней хоронил устья пещер и подходы к ним, на дно ущелий валились карнизы, не- многочисленные дороги, и тропы упирались в нагромождения скальных глыб, и на поиск обход- ных путей противнику приходи- лось тратить недели. Чтобы мощь взрыва не расходовалась впус- тую на поверхности, взрыватели выставлялись на срабатывание с замедлением, дававшим бомбе углубиться и взорваться в толще горы.

Первыми из семейства «Бэкфайров» над Афганиста- ном появились ТУ-22М2.

Авиабомбы ФАБ-1500 реются в "зеленке".

...Боевые вылеты Ту-16 прикрывали МиГ-21бис 115-го гв. ИАП из Кокайты, с которыми оказался связан единственный за весь «заезд» инцидент. Кормовой стрелок одной из «тушек», прапорщик Н. Слипчук, известный в полку как романтик и поэт, вдруг принял догонявшие их истребители за вражеские и, не раздумывая, открыл огонь. Пальба длилась полминуты, которой хватило, чтобы одной длинной очередью высадить весь боекомплект в 1000 снарядов. Истребители шарахнулись в стороны от трасс, но подготовка стрелка, к счастью, оставляла желать лучшего, и весь ущерб свелся к замене «расстрелянных» пушечных стволов (нормальная по перегреву и износу очередь не должна превышать 200-300 патронов).

Наиболее масштабным стало использование советской дальней авиации «под занавес», в последние месяцы войны в Афганистане. За помощью к «дальникам» обратились в октябре 1988 года, с началом завершающего этапа вывода войск, когда ожидалась активизация действий противника: напоследок многие лидеры оппозиции угрожали особо болезненными ударами, не только в привычной манере бить в спину, но и набирая очки в преддверии будущей борьбы за власть. Другие же вожаки моджахедов видели в уходе советских войск возможность без помех «разобраться» с Кабулом, а заодно разрешить противоречия между собой, и они охотно шли на подписание «пактов о ненападении» с 40-й армией. Отголоском перемен стало появилось мало-помалу выходящее из употребления слово «мятежники», что подтверждало известное: «Мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе».

Мирные договоренности с моджахедами, в чем руководство ОКВС имело известный опыт, позволяли беспрепятственно выводить войска, однако «сверху» пути домой виделись иначе. И все же позиция штаба генерала Б. В. Громова и руководства оперативной группы МО СССР во главе с генералом армии В. И. Варенниковым ощутимо сказалась на организации вывода и работе привлеченных авиационных сил.

К осени 1988 года часть ВВС 40-й армии (до 45%) уже покинула ДРА. Для компенсации, наряду с другими силами, к концу октября была сформирована отдельная группа ДА, прикомандированная к ВВС САВО (ТуркВО к этому времени был ликвидирован, но штаб объединенного округа и КП ВВС разместились в Ташкенте).

Генерал-майор Л. Столяров (слева) и штурман Ю. Привалов. Мары-2, ноябрь 1988 г.

Основной задачей группы назначалось прикрытие выводимых частей и мест дислокации упреждающими ударами по районам развертывания огневых средств оппозиции, а также срыв обстрелов крупных городов, нанесение ударов по базам и складам, поддержка афганских войск в блокированных гарнизонах, призванная «исключить политические деформации в оставленных районах страны».

В группу включили самолеты и экипажи гвардейских частей ДА: эскадрилью Ту-16 251-го гв. ТБАП из Белой Церкви две и эскадрильи Ту-22МЗ из полтавского 185-го гв. ТБАП. Их разместили на двух близлежащих аэродромах Мары-1 и Мары-2 — единственных свободных к тому времени, пусть и лежащих дальше от цели, чем приграничные базы (для «дальников» разница в 200-300 км не была существенной). В Мары-1, где находилась 1521-я авиабаза истребителей МиГ-23 и МиГ-29, «подыгрывавших» за противника при подготовке летчиков, разместили 11 Ту-16 — три отряда и две машины группы управления. По другую сторону ВПП располагался местный аэропорт, что послужило еще одной причиной разделения группы ДА: Мары-1 задействовали для приема «транспортников» с выводившимися войсками, туда приглашены были представители ООН, и грозно выглядывшие «Бэкфайры» плохо вписывались в представления западных дипломатов о выполнении Женевских соглашений.

Ту-16, изо дня в день методично вырубивавшие на старт, привлекали меньше внимания, занимаясь «плановой боевой учебой».

Многие цели лежали в окрестностях Кандагара и Джелалабада, уже оставленных советскими войсками. Бомбардировки тут носили характер противовеса непрерывным обстрелам и вылазкам, тем более что надеяться на активные действия правительственных гарнизонов не приходилось. Это сказывалось и на характере работы «дальников», большей частью не представлявших себе объекты ударов, различая их лишь географически. По возвращении на вопросы о том, какие цели бомбили, отделялись словами: «Те, что указали».

Вылеты в «дальние углы» занимали 3,5-4 часа. Ввиду того что работать приходилось у самой пакистанской границы, а надеяться на собственное вооружение и средства пассивной обороны не приходилось (Ту-16 не оборудовались ИК-ловушками, обязательными в афганском небе, имея лишь «сеялки» дипольных ленточек для помех РЛС), каждый вылет сопровождался истребительным прикрытием, причем из-за продолжительности рейдов эскорт был сменным. Провожали и встречали группу соседские МиГ-29, иногда для этого привлекалось дежурное звено Су-17МЗ из Мары-2. Подтверждая свое отчасти истребительное назначение, Су-17 несли пару ракет Р-60 и баки ПТБ-800, позволявшие сопровождать бомбардировщики над севером ДРА. Ближе к цели эстафету принимали МиГ-23МЛД из 120-го ИАП в Баграме.

На бомбардировку постоянно направлялся один отряд из трех Ту-16. Вылеты обычно назначались с утра, причем к цели шли без использования радиоприцела РБП-4, «подслеповатого» и бесполезного над горами, где не было четких радиолокационных ориентиров (прибор тридцатилетнего возраста был способен в теории обнаружить объекты со 150-180 км, но лишь если они хорошо выделялись на фоне местности, и годился, как говорили, «чтобы заметить небоскребы и статую Свободы»). На маршруте обходились штурманским расчетом с использованием АРК-5 и ДИСС «Трасса», почти постоянным был и режим полета: высота 10-11 тыс. м и скорость 850 км/ч. С

выходом на цель бомбометание вел штурман, использовавший оптический прицел ОПБ-11 р.

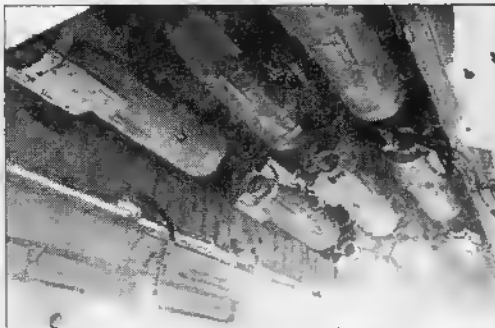
Иногда Ту-16 привлекали к ночным ударам, при этом местность подсвечивали САБ с Су-17. Однажды контролировать результаты удара послали вертолеты, но они не обнаружили и следов цели — мощный обвал похоронил не только сам объект, но и весь прежний рельеф. Другой раз «подчищать» район бомбежки в зеленой зоне вылетели десантники. По возвращении они докладывали: «Охоту воевать вы там надолго отбили».

Не обошлось и без промахов — неизбежных спутников высотного бомбометания, при котором нормальным считалось рассеивание порядка 300-500 м: разрывы «девятитонки» легли слишком близко к блокпосту под Кабулом и привели к контузиям дежуривших там бойцов, некоторые из которых лишились слуха. Всего за три месяца работы Ту-16 сбросили 289 бомб ФАБ-9000М-54.

31 октября состоялся очередной вылет. Как и в двух последующих, цели располагались у Кандагара — в горном массиве на севере и «зеленке» на юге вдоль реки Дори, где находились отряды, блокировавшие дороги к городу. 3 ноября бомбы легли в окрестностях кандагарской авиабазы, откуда велся ее обстрел. На следующий день целью стал городок Джалез, лежавший в выгодном для душманов месте — ущелье с выходом прямо к Кабулу. С ближайших гор открывалась панорама столицы, а рядом проходила трасса на юг.

Всю следующую неделю бомбардировки велись в северо-восточном секторе вокруг Кабула, где сосредотачивались пусковые установки, осыпавшие город ракетами. Без обстрелов обходился редкий день — Кабул оставался центром устремлений отрядов самой разной принадлежности, причем не только из тактических соображений, но больше как средство заявить о себе. Обстрелять столицу, выпустив в ее сторону хотя бы несколько снарядов, было делом престижа. Беспокоящий огонь поначалу не приносил особого вреда, но постепенно набирал силу: если за 1987 г. в городе упали 147 ракет, убив 14 жителей, то в 1988 г. число ракет возросло до 635, а жертв — до 233. Даже неприцельные пуски рано или поздно находили цели: 26 июня 1988 г. попадание одной ракеты по кабульскому аэропорту превратило в костер стоянку Су-25, оставив от 8 штурмовиков только обломки. 14 ноября под аккомпанемент разрывов пришлось взлетать Ту-154 с советской правительственной комиссией, этот же обстрел поразил жилой модуль авиаторов 50-го ОСАП, похоронив в нем 11 человек.

Для ответа привлекли «дальники», уже через полчаса вылетевших по тревоге. После вечерней бомбардировки удары по «душманскому кольцу» вокруг Кабула продолжались следующие две недели, приходясь преимущественно на окрестные горные плато и хребты, откуда с блокпостов

Авиабомбы ОФАБ-250 в грузополке "Бэкфайр". Афганистан, 1988 г.

отмечали пуски, а также по разведанным складам и хранилищам ракет. Охота за ракетчиками была не очень успешной: пусковые установки часто стояли на автомобилях и тут же меняли позиции, еще чаще использовались примитивные одноразовые направляющие с часовым механизмом. В итоге всей работы 185-го полка разведотдел 40-й армии на его счет отнес всего 6 машин, 4 ПУ и 340 реактивных снарядов.

В конце ноября выполнили два вылета на цели у Файзабада, вы-

делявшиеся на общем фоне, — бомбардировке вновь подверглись копи лазуритов и изумрудов во владениях Масуда (к слову, эти цели были единственными, которые с натяжкой можно отнести к оговоренным боевым уставом ДА как «оперативные и стратегические резервы»; всех прочих он попросту не предусматривал).

Окрестности Кабула изо дня в день обрабатывались и местной авиацией. Однажды вылеты ДА и штурмовиков Баграма совпали по времени и месту, и уже на боевом курсе в прицеле одного из бомбардировщиков вдруг обнаружился круживший внизу Су-25. Его успели отогнать по радио, ведь близкие разрывы мощных бомб могли задеть «грача» если не ударной волной, то осколками, разлетавшимися на двухкилометровую высоту и «парившими» в воздухе без малого минуту.

...Точность бомбометания достигалась впечатляющая: бывало, на спор штурманы укладывали бомбы в отдельное строение или дувал. Чаще, однако, разрывами накрывали указанный квадрат. Летчики не склонны были особо разбираться в типе цели — они получали задачи и выполняли работу, а пыльные грибы разрывов одинаково вспухали среди черточек дувалов, на дорогах и у безлюдных барханов. На вопросы заглянувшего в Мары столичного корреспондента, допытывавшегося об ощущениях при бомбардировках, летчики отвечали словами: «Если что не так — не наше дело, как говорится — Родина велела», а то и откровенно посылали его подальше.

Бомбы исправно сбрасывали, даже если в указанных районах на многие километры вокруг не просматривалось ни единого селения, в прицелах проплывали лишь горы и

пустыня. Сомнительно, чтобы такое расходование боеприпасов объяснялось промахами разведки — на фото-планшетах цели также отсутствовали. Одной из мотиваций подобных ударов был их предупредительный характер для окрестного населения: уходившая из-под ног земля и рушащиеся скалы наглядно показывали, что ожидает особо беспокорных. По доходящим слухам, штаб 40-й армии, подчиняясь продиктованным большой политикой приказам «сверху» не прекращать бомбардировки, таким образом все же отводил удары от «договорных» селений и группировок. Скорее всего, это касалось и Масуда, добросовестно соблюдавшего условия перемирия. Уже после войны генерал-лейтенант Громов произнес на первый взгляд удивив-

На Ту-22М3 (борт 74) боевые вылеты в Афганистане совершал Д.М. Дудаев, будущий президент Чечни.

тельные слова: «Даже в периоды жесткой конфронтации... мы не стремились разбить его банды, а самого Ахмад Шаха уничтожить физически». Однако все логично: после разгрома отрядов «панджшерского льва» их место заняли бы формирования «непримиримых».

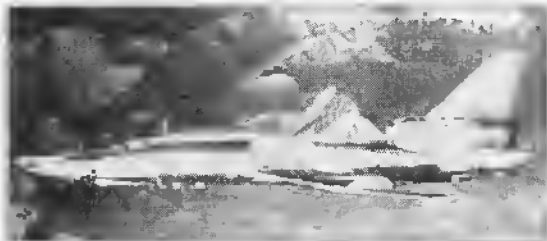
...Если и случались промахи, то из удаленных районов рекламаций не приходило. Лишь один из вылетов закончился скандалом, когда в ходе бомбардировки у Кандагара в декабре одна из сброшенных бомб упала рядом со штабом афганского 2-го армейского корпуса, а другая разорвалась прямо в жилом квартале, убив несколько десятков человек.

Генерал-губернатор провинции Н. Олюми прилетел с жалобой, и в Мары прибыла совместная комиссия генерала В. Афанасьева и афганца Кадыра. На душманский обстрел инцидент списать не удалось — на месте взрывов подобрали осколки тяжелых бомб, которыми там работали только «дальники» (хотя в деле фигурировали «бомбы двухтонного калибра», не существующие на вооружении). В конце концов историю замяли, не став доискиваться виноватых, отчасти и потому, что использование дальней авиации не афишировали и выдавали за бомбардировки афганской авиации.

В единичных случаях, помимо координат и квадратов, конкретно говорилось о характере цели. В субботу 7 января над ущельем Джанез у Кабула был сбит Су-25. с ним погиб и летчик (это была последняя потеря штурмовиков в афганской войне). В ответ тяжелыми бомбами был накрыт весь район вокруг места падения. Через месяц, 8 февраля, два афганских экипажа, захватив с собой семьи, улетели на своих Ми-8 в Панджшер. Охота за угнанными вертолетами, севшими после выработки топлива в одном из ущелий, продолжалась три дня. К ней привлекли и Ту-22М3, без особого успеха искавших вертолеты сквозь «окна» в облачности, но окончательно разбомбить их удалось только Су-25.

В одном из вылетов прямо под строем Ту-22М3 оказался рейсовый «Боинг», шедший куда-то на восток. По словам штурмана старшего лейтенанта С. А. Новикова, «мы обо всех их воздушных коридорах задумывались мало, соблюдая только эшелоны по высоте, чтобы не столкнуться. «Боинг» шел себе своим курсом, вылез прямо под нос на догоне и неспешно выплыл на экране ОПБ-15Т, когда уже открыты были створки грузоотсека. Кажется, это был индус — весь разукрашенный, огни горят, разноцветные, как на елке. Может, нарочно хотел поближе рассмотреть военных, но из-за него пришлось задержаться со сбросом — внизу все равно были горы, не по одной попадем, так по другой».

ОКСВ предстоял последний шаг домой, и этот путь вел через Чарикар и Саланг, контролируемые «армией Панджшера». 6 января налеты возобновились, а 10 числа в Афганистан прилетела советская правительственная группа, после чего поступил приказ осуществить операцию «Тайфун», ставшую последним аккордом войны. Особая заслуга в этом принадлежала Кабулу, по словам советников, «проявлявшему неустойчивую настойчивость» в стараниях нанести противнику урон силами уходящей армии. Играя в политику, Наджибулла убеждал Москву в намерениях Масуда «сдать северные провинции страны американцам».

Постановщики помех Ту-22ПД прикрывали ударные группы во время налетов на приграничные с Пакистаном районы

Рассчитанная на три дня операция должна была начинаться 24 января, но в последний момент было приказано «не тянуть», и удары начались на сутки раньше, причем политработникам ставилась задача «разоблачения преступной позиции, которую занял Ахмад Шах». Бомбардировки прошли по Панджшеру еще и в предыдущие дни, но во время операции они стали безостановочными.

Вывод войск был остановлен, чтобы артиллерия и бомбардировщики могли беспрепятственно работать по придорожным районам. Досталось и кишлакам, причем в те дни бомбардировщики не ограничивались одним вылетом в смену. Однако противник в который раз ушел из-под бомбежки. Ответного огня, по сути, не было, и за время «Тайфуна» потери ограничились тремя погибшими солдатами. С воздуха нельзя было оценить преподносившиеся в сводках успехи, но продолжившие путь к перевалу войска провожали сотни тел погибших мирных жителей, вынесенных к дороге.

Последний боевой вылет экипажей отдельной группы ДА пришлось на самый канун полного вывода войск. 14 февраля 1989 года, когда границу оставалось пересечь только генералу Грозову со своим сопровождением, «дальники» бомбили северные районы. Намечавшиеся на другой день удары по оппозиции на случай штурма Кабула не состоялись. Несмотря на уговоры афганских властей, настаивавших на продолжении бомбардировок как компенсации ухода 40-й армии из страны, на это не пошли.

Тем не менее, у границы Афганистана оставалась настоящая армия, готовая сделать «шаг назад». Помимо местных и прикомандированных авиационных сил, на аэродромах задержали всю выведенную группировку ВВС 40-й армии, и только через три недели готовность была снята. «Дальники» покинули Мары позже остальных — обладавшей наиболее «длинными руками» группе ДА дали «добро» на отлет домой только 13 марта 1989 года.

(публикуется в сокращении)

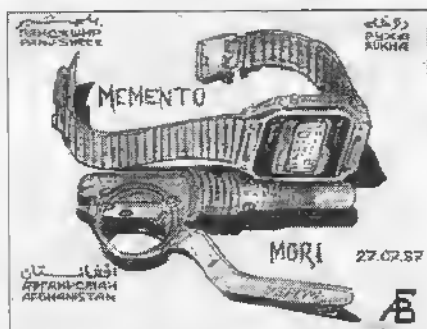
По материалам Web-cauma:
<http://www.sinopa.ee/davia/davia01.htm>

Сбитый советский вертолет. Афганистан

“АФГАНСКИЕ” ПЕСНИ

Пессимистический натюрморт. Июль 1987 г.

«Я - воин-интернационалист»

Я — воин. Интернационалист.
Но не в название дело, не в название —
Пусть назывался б даже я «расист»,
От этого не легче вам, душмане.

Мне надоело нервничать, ведь нервы не сучок,
Я нажимаю ласково на спусковой крючок,
И хладнокровно трассеры по воздуху летят,
И мы хотим того же, чего они хотят.

Душманин изогнулся и дыбом встала шерсть,
Вот их осталось пятеро, а раньше было шесть,
Потом четвертый, пятый, третий и второй упал,
А в первого мой Сашка-друг случайно так попал.

И падают душманы на землю, а потом
Мы складываем рядышком их ровненьким рядком,
Работаем на славу и Сашка-друг и я,
Нас где-то за кордоном зовут «Вьетнам Кремля».

К нам просто проявляют огромный интерес
Папаша их Бжезинский и дядя Сайрус Венс,
Ведь им война такая совсем не по нутру,
И бьются от этого агенты ЦРУ.

Но все же лезут сволочи сюда, в Афганистан,
Их просто плодоносит соседний Пакистан,
Винтовка М-16, китайский автомат,
Но нам ведь не сломаться, скажи,
не правда ль, брат?

Душманин, эта сволочь, в окно, бывало, влез —
Но здесь уж нам поможет родимый АКС,
Ведь он с плеча не слазит, сроднился он с плечом,
Тот от меча погибнет, кто к нам придет с мечом.

А где-то дома «шурави дохтар»,
Цветет сирень, в поход идут туристы,
А мы рассматриваем в триплекс Чарикар,
И очень тихо слушаем транзистор.

Вот прозвучал воинственный набат,
Мы в три минуты покидаем роту,
И нам опять лететь в Джелалабад,
Все так как надо — будто на работу...

«Сегодня ровно год...»

Сегодня ровно год, как я попал сюда —
В провинцию Кунар, в Асадабад,
И этот день я не забуду никогда,
И не забудет названный мой брат.

Ты помнишь, брат, как в марте
вышел нам приказ —
Вам надо ехать, мол, в Асадабад,
Но будьте осторожней, там сейчас как раз
Басмач Мулла Хусейн собрал отряд.

В отряде, то есть в банде этой
пушка есть, Два пулемета и один мулла,
Ну а душманов столько,
что совсем не счесть,
Какая нечисть там их развела.

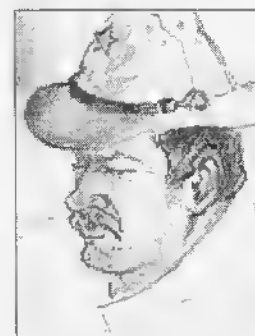
Ты помнишь, брат, в апреле было трудно нам,
Нас басмачи пытались разгромить,
В тех перестрелках мы делили пополам
На жизнь надежды тоненькую нить.

И каждый раз из окон прямо с пулемета
Отстреливались мы от басмачей,
Они всегда в таких лихих напетах
Теряют своих лучших сволочей.

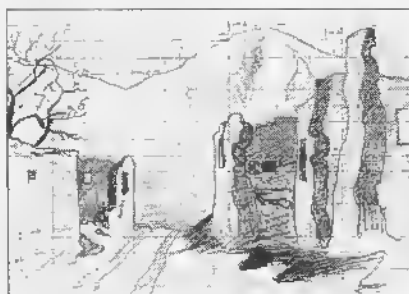
Но вот Мулле Хусейну надоело воевать,
Решил он в Пакистан перемахнуть.
На это нам, конечно, с братом напевать —
И мы не прочь немного отдохнуть.

Лейтенант Александр Чернышов. Ущелье Пьявушт (Панджшер). 1986 г.

Капитан Николай Мунтянов, замнач инженерно-саперной службы 682-го МСП. 1986 г.

Базарак в ущелье Панджшер. Выезд в сторону Рухи. 1986 г.

«Дорожная»

Через перевалы и долины,
Сквозь огонь снарядов и гранат
Мы вели машины, объезжая мины,
От Кундуза и на Файзабад.

Припев:

Эх, путь-дороги Афганистана,
Не страшны нам засады душманов,
А помирять нам рановато,
Есть у нас еще дома дела.

Путь до Файзабада,
между прочим,
Был, друзья,
не легкий и не скор,
Шли три дня
три ночи,
трудно было очень,
Но водитель не
глушил мотор.

Припев.

Может быть, в Союзе
неким людям
Эта песня будет невдомех,
Мы же позабудем,
если живы будем,
Тех афганских
выжженных дорог.

Припев.

Михаил Михайлов

БТР

Карбюратору, как легким,
Не хватает кислорода,
Нет ни моих, ни лошадиных сил,
Руль, обмотанный бинтами,
Рвет ладони — взял же моду,
Что взбесился? Я ж тебя просил.
С пылью пат со лба слезает,
Ест глаза и разъедает,
Камни шины разгрызают вдрызг,
Только не стони так тонко,
Ты же БэТэР, не девчонка,
Так держись, нельзя нам нынче вниз.

Припев:

Как пройдем, от пыли всю седую
Я тебя, родимая броня,
Крепко обниму и расцелую,
Точно морду мокрую коня.

Впереди, задохнувшись, заглохла
Чья-то броня и теперь там плохо.
Ну, молодчага, носом ее попер.
Только держаться, надо держаться,
На перевале дам отдышаться,
Ты же все можешь, бог, а не транспортер.
На верхотуре в тысячи метров
Все я забуду, и солнце и ветры,
Буду как мать возле твоих я ран.
К черту сухпай и воду и реку,
Ты не машина, как человек ты,
Выдержи рейс последний на Чокчаран.

Припев:

Может, за этим вот поваротом
Крепко откашлялась пулеметом
Эта вот молчаливая гора,
Бронежилета чуть не хватило,
Прямо под горло пуля прошила,
Кольку прошила с нашего двора.
Как он рискованно прыгал на моту,
В джинсах на танцы, что ни суббота
Слабо он, БэТэР, тебе, без забот, знаком.
Жили мы с Колькой ближе, чем братья,
И умирал он в твоих объятьях,
Фото ты носишь над смотровым щитком.

Припев:

Панджшор Разбитый дувал на фоне горы
Мала. 1986 г.

«Шестерка»

Он младше был, весеннего призыва,
И, что грешить, гоняли мы его,
Он за троих обслуживал машину,
Не доедал, не спал за одного.

Его мы принимали за «шестерку»,
Где ж сила в нем, лишь кожа да мослы,
Он в переделках становился ловким,
Но не дожил до следующей весны.

Был рейд, туман стекал по перевалу,
Скрывая белой мглой бетон.
И было нас в колонне слишком мало,
Всего один уставший батальон.

А мы зажаты где-то в серпантине,
Завалы, мины обрвали путь,
Стоим в колонке, будто на витрине,
Ну, грех по сумасшедшим не пальнуть.

Броня плыла в кумулятивной плавке
И не спасал уже бронежилет,
А кто-то меткий все вносил поправки,
Растягивая наш кровавый след.

Я не видал развязки этой бойни,
В момент отяжелел на девять грамм.
Вдруг уловил: «Держись, ты не покойник»,
И как в бреду я верил чудесам.

Кто нас спасал — десант или пехота,
Мне ж выбраться помог тот паренек,
Он на мгновение стал во плоти ДОТом,
Накрыв меня и расстреляв рожок.

Покрылись швы голубоватой коркой,
Дышу и надышаться не могу,
Лишь навсегда останусь я «шестеркой»,
У совести и памяти в долгу.

«За плечами рюкзак...»

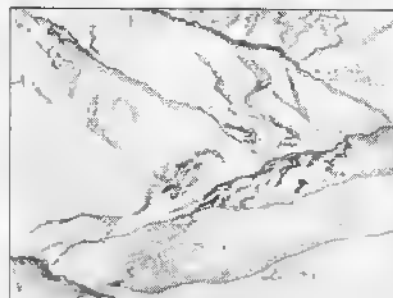
За плечами рюкзак, в нем боеприпасы,
Кружка, ложка и нож, пистолет в запасе,
А службу тащим мы, друзья, в Афганистане,
И поэтому мы живодерами стали.

Ты, солдат, не грусти, всем домой охота,
Только это пока — мечты идиота.
Здесь бабы ходят в ларандже,
мужики в галошах,
И баранов полно, и душманов тоже.

От начальства приказ — прочесать деревню,
Что к чему и зачем поняли мгновенно,
А впереди душман бежит, в руках ружьишко,
Стрельнул я по нему — и душману крышка.

С неба солнце печет, в горле пересохло,
А в ушах стоит звон — от стрельбы оглохли,
И легче пулю в лоб вогнать из пистолета,
Чем носиться вот так по деревне этой.

Скоро дембель придет, дембелями станем,
Кончим службу свою в Афганистане,
Мы будем водку пить и баб ласкать в Союзе,
И армейскую жизнь завяжем в узел.

Ущелье Пьявушт. Вид на Руху с одной
из вершин. Осень 1986 г.

«Внизу пехота залегла...»

Внизу пехота залегла,
Ребят прижали снайпера -
Прицельно бьют,
И мы который час в обход
Ползем под самый небосвод,
Нас там не ждут.

Хоть руки просятся стрелять,
Но права нет нам раскрывать
Себя пока.
И молча держит путь в обход
По скалам наш
десантный взвод.
Под облака.

И вот тот долгожданный миг,
«Вперед!» раздался
громкий крик,
«Коли! Стреляй!»
И мы пошли, примкнув штыки,
Душманам это не с руки,
Эх, наших знай!

Не ждали, гады, со спины
Такие вам не снились сны,
И мы пришли.
Врага сминая под собой,
Мы в праведный вступаем бой,
Стреляя, коли,
Врага коли!

Руха. Дежурная комната штаба
282-го МСП. Июль 1987 г.

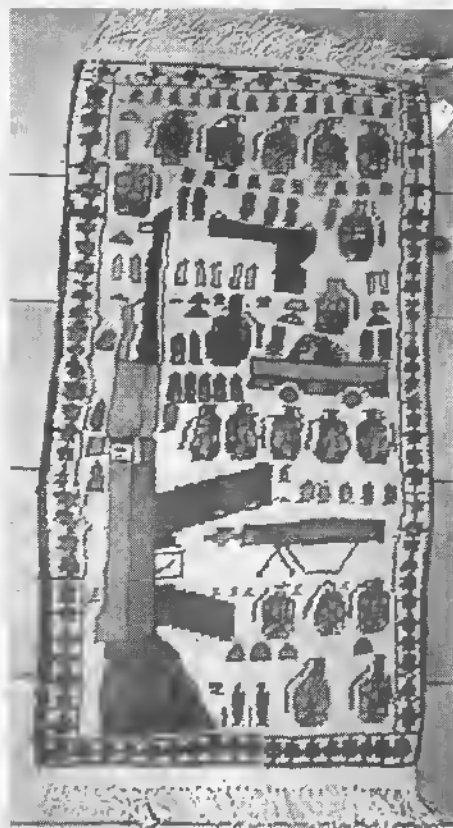
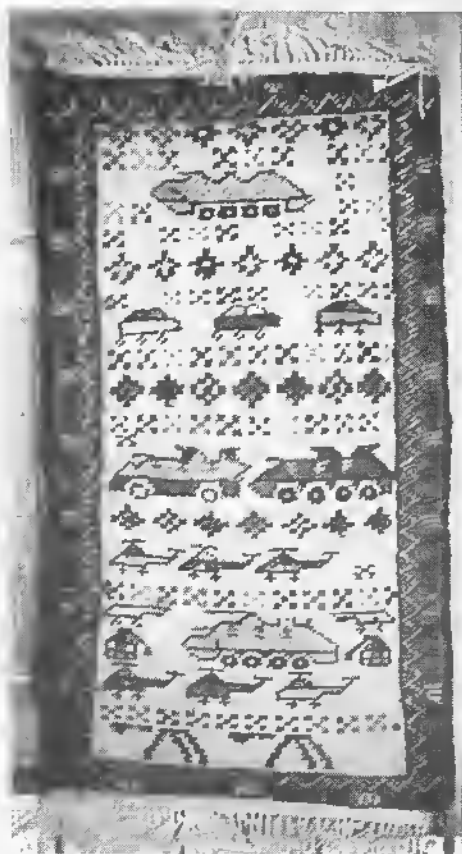
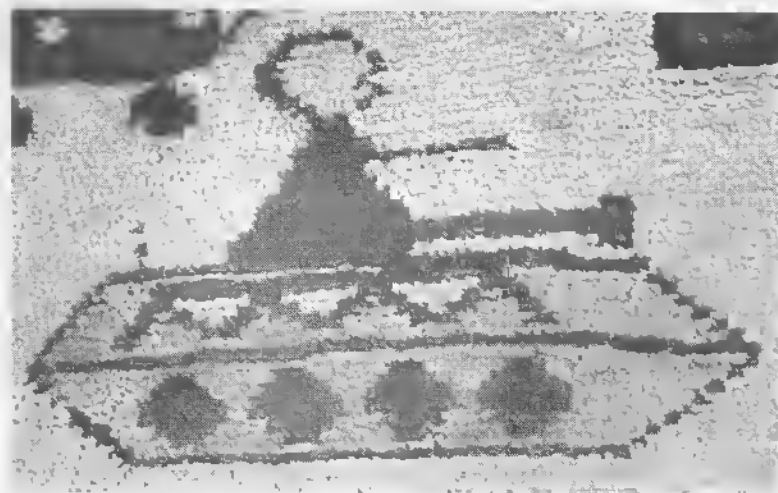
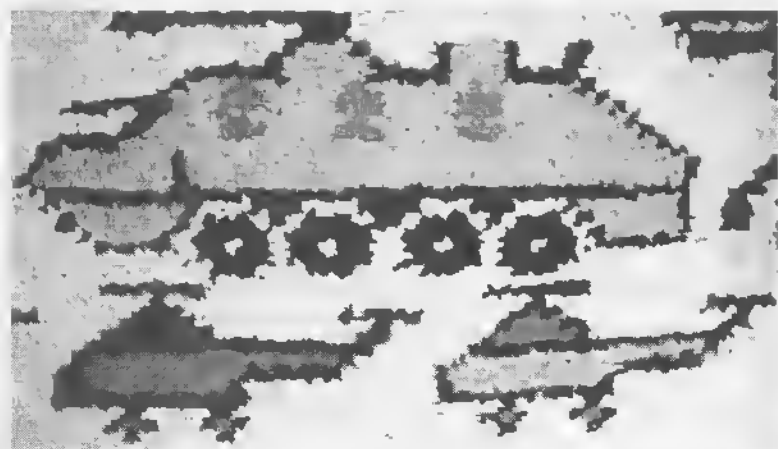
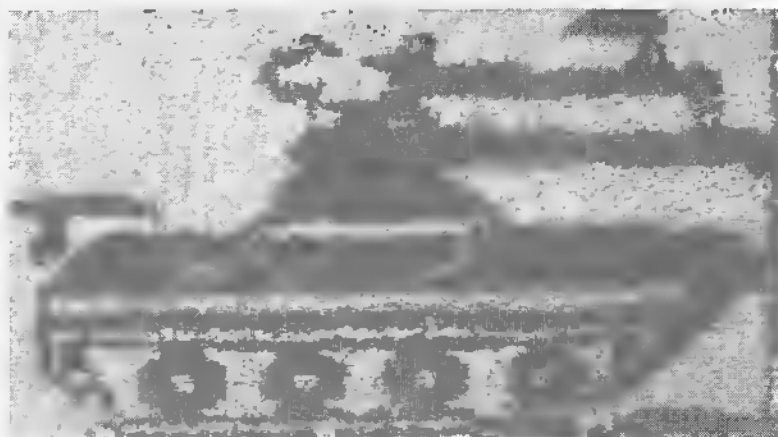
По материалам web-сайта "Афганская война":
www.afghanwar.spb.ru

Рисунки Владимира ГРИГОРЬЕВА

Афганские ковры

времен войны 1979-1989 годов

Антон ВЛАДИМИРСКИЙ

«В королевских конюшнях...»

*«В королевских конюшнях места нет для коня,
Медсестра раскладушку принесла для меня.
Отыскала местечко в самом дальнем углу —
Где десантник навечно задремал на полу.»*

...Вместе с очередной партией раненых прилетел какой-то вполне здоровенький майор. Он дотошно проследил за нашей работой, потом прямо в форме полез в «операционную», где на него начал орать Николаев. Майор поулыбался, сказал: «Работайте, товарищи, работайте!» — и так бочком полез в чум, где на койке отсыпался Олег. Майор ничего не сказал и вечером уехал, зато утром Олега арестовали и увезли в Кабул.

Через два дня Олег вернулся — бледный, злой и опять с сержантскими погонами. От трибунала его спасло только то, что зелья при нем не нашли. Олег получил выговор, был разжалован в сержанты и снабжен любопытным приказом...

— Ты куда собираешься? — я удивленно уставился на чехомоданчик, в который Олег нервно закинул свои пожитки.

— Тебе я тоже советую.

— Что?

— Барахло собирать.

— Зачем это?!

— Танцуй! — Олег скривился. — Домой полетим!

— Чего?

— Домой полетим! На самолете — у-у-у...

— Какой домой? Часть же на караване, кто ж ее отзывать-то будет?

— Часть нет, а мы — да! — Он вдруг как-то весь напрягся. — К «Тюльпану» нас приписали... Два рейса в неделю.

— Бреешь!

— Какого... мне брехать?! — взорвался он. — Вон приказ пришел! Пойди к капитану и почитай, если мне не веришь.

— Да ладно, ладно, не ори...

Вот так мы оказались в Кабуле...

...«Черный Тюльпан»... Конечных солдатских дорог...

Угрюмое местное строение рядом с военным аэродромом. Дюжина солдат, работающих на земле, еще шестеро в две смены летающих в Ташкент и двое молчаливых штатских, занимающихся какими-то бумагами... Первую неделю мы никуда не летали. Только вытаскивали из душных грузовиков смрадные брезентовые свертки и стучали молотками, заколачивая ящики.

Узкая комната с каменным, испачканным темным, полом, рядом, в комнате побольше, громоздятся металлические ящики. В комнате лежат ребята. Иногда хватает семи столов, поставленных здесь, иногда их кладут прямо на пол...

Тело-бирка, тело-бирка... Ящик-тело-бирка, ящик-тело-бирка...

Лучше не думать о том, что ты делаешь и что ты видишь...

Темноволосый парень с аккуратной, едва заметной, словно под орден, дырочкой слева на груди... Смуглый широкоскулый капмык с торчащими, как венцы, короны выломанными костями черепа... Обгорелая голова с ос-

татками грудной клетки и, почему-то, совершенно целой правой рукой...

Ящик-тело-бирка, ящик-тело-бирка, взяли-понесли, взяли-понесли...

...Через неделю нас с Олегом отправили в первый рейс. Третьим в нашей смене оказался какой-то прапорщик, которого все звали Саньч. Судя по неисправимому фатальному пессимизму и явному алкоголизму Саньч служил на «Тюльпане» уже давненько.

Втащив в темные люки две дюжины ящиков и получив какие-то мутные инструкции по поводу неразглашения от наших штатских, мы оказались запертыми в душном брюхе качающегося самолета.

Из темноты появился Саньч. Он подошел к нам и деловито пристроил на импровизированный столик из пустого перевернутого на бок ящика бутылку с порванной этикеткой и три стакана.

— Так, мужики.

Олег откинулся и почему-то захохотал.

— Эка его, — посочувствовал Саньч и протянул мне стакан. — Ну, давай...

...Глухо и заунывно гудели турбины. Саньч вытянул из кармана мятую пачку «Беломора» и со вкусом затянулся.

— Развезло-то как Олежку... Совсем слаб, — он грустно покачал головой. Олег уронил голову на скрещенные на столике руки и вырубился. На меня приступами накатывала дурнота, смешанная с ужасной духотой. Это уже третий транспорт, — балагурил Саньч. — Два уже сбили... Еще раньше. По второму разу все выгребали... Два часа, считай, лету, а как... Скоро дома будем... А какой дом?.. Одинокую сушь... Мой дом в Воронеже... Эх!..

...КАМАЗ подогнали к самому самолету. Из него вылезли двое солдат без оружия и надутый майор скрасивой коричневой папкой в руках.

Саньч пристроил на голове пилотку и, криво подтянувшись, отапортовал:

— Товарищ майор. Рейс девятнадцать-ноль-двенадцать — «Тюльпан» прибыл.

Майор пошмыгал носом, подозрительно оглядел меня (наверное, меня здорово качало) и спросил:

— Где третий?

— Прикачало впервой, товарищ майор. Прилег там, — Саньч нарочито глупо улыбнулся.

Майор ехидно похивал.

— Давайте бумаги. Приступить к разгрузке!

— Слушаюсь!

Сквозь духоту, хмель, тучи пыли и мелкого песка, которые гонял по взлетному полю ветер, поднятый турбинами, я еле различал ящики в темном брюхе транспорта.

— Ну и прикачало! — сехидничал один из солдат. — Вы че, на перегаре летели?

— Да ладно тебе! — вмешался подошедший Саньч. — Давай, давай! Приступай к разгрузке!..

...В Ташкенте мы были до вечера и из подвала здания аэропорта, куда мы сгрузили ящики, нас не выпустили. Транспорт дозаврали, и ночью мы снова болтались между землей и небом.

Олег наконец пришел в себя и, тупо уставившись куда-то в пустоту, тихо спросил:

— Еще летим?

— Уже летим, — прошамкал Саньч. — Назад, в Афган.

Олег помотал головой.

— Опять в Афган, — голос его сорвался. — А я думал, домой...

По материалам web-сайта "Афганская война":
www.afghanwar.spb.ru

Андрей БЛИНУШОВ

«Черный тюльпан»

За время своей армейской службы я столкнулся с Афганистаном дважды. Меня призвали в 1983 году. Из-за разных проблем, в том числе и с КГБ, мне пришлось перевестись на заочное отделение Рязанского педагогического института. И весной 83-го меня призвали и «бросили» в Казахстан в учебную часть, которая готовила специалистов по тропосферной связи, как нам пояснили, конкретно для службы в Афганистане. Там был довольно жесткий отбор, и когда привезли нашу команду из Рязани, состоялась очередная медицинская комиссия и многих людей забраковали. В основном — по зрению. Я уже тогда был довольно близоруким, хотя еще не носил очки. И нас отправили обратно в Рязань с майором одного из районных военкоматов, который беспробудно пил всю дорогу. Три забракованных бойца убежали по дороге в Рязань. Не знаю, какова была их судьба в дальнейшем. Ну а мы, человек пять, доехали благополучно до своего военкомата, и нас отпустили на некоторое время, пригрозив, что раз мы «такие дефективные», отправят нас в самые плохие воинские части. Я был, откровенно говоря, очень рад такому исходу событий. Мне совершенно не хотелось служить в Афганистане. Я и тогда не понимал определения «интернационального долга» в той далекой восточной

стране, не отдавал, может быть, себе полного отчета в происходящих событиях, но совершенно не верил во всю эту пропагандистскую шумиху.

Буквально через 3-4 недели меня призвали вновь, на Урал, в Ижевский гарнизон. Служил я в столице Удмуртии, городе Ижевске Уральского военного округа. По окончании «курсов молодого бойца» попал в специальное подразделение охраны Ижевского гарнизона. Наше отделение было прикомандировано к комендантскому взводу. Комендантский взвод — это что-то типа военной полиции (по западным стандартам). Конечно, не по всем параметрам, но схоже с ней во многих чертах.

Первой и, пожалуй, главной проблемой, с которой я столкнулся в армии, была «дедовщина». Надо сказать, что у нас «дедовщина» не была такой ожесточенной, не было такого зверства, как в других частях, о которых я слышал и читал. Но для меня и многих моих товарищей по несчастью, по службе, пришедших из институтов и университетов, это был довольно тяжелый психологический период. Ежедневное унижение, ежедневная борьба за выживание, ожесточенные драки. Но мы отстаивали свою физическую неприкосновенность, хотя вместе с тем попали под своеобразный «рабский» гнет. Мы должны были выполнять самую грязную и черную работу, так как мы категорически не соглашались, чтобы нас били. И поэтому все самое сложное доставалось нам в течение года, это был трудный для нас период.

И через некоторое время после начала службы я столкнулся с Афганистаном во второй раз. Столкнулся в довольно неожиданных обстоятельствах. Из разговоров старослужащих мы слышали о неких «ящиках», о «командировках», о «грузе 200». Тогда мы не очень представляли себе, в чем дело, а из попыток выяснить ничего не выходило, потому что нас старослужащие не любили. Как я уже говорил, мы не позволяли себя бить, не позволяли себя унижать и поэтому к нам относились соответственно. Нас было более 10 человек, мы себя умели защитить, но вынуждены были подчиняться «дедбельским закондам» старослужащих, которых было просто больше. И вот, в качестве наказания, в один прекрасный день, когда прибежал посыльный с контрольно-пропускного пункта нашего военного городка и сказал, что срочно на КПП необходимо послать несколько человек в командировку по «грузу 200», назвал фамилии нескольких старослужащих, которых вызывал офицер. Но старослужащие, развалившиеся на кроватях перед телевизором, переадресовали эту командировку нам, молодым солдатам, которых надо было наказать за строптивость. Так я в первый раз столкнулся с «Черным тюльпаном».

Мы сели в свой «ГАЗ-66», дежурную машину комендантского взвода, и приехали на аэродром города Ижевска. Это было глубоко полночь. Долгое время мы ждали, офицер бегал по каким-то службам с бумагами. Затем некий прапорщик приказал нам не высовываться из автомобиля. Поехали на взлетное поле к борту самолета АН-2, если мне не изменяет память. Это был «Черный тюльпан», как мы узнали потом. Я до самой последней минуты, как и мои коллеги — «салаги», как называли в армии солдат первого года службы, не знал, что происходит.

Открывшиеся створки самолета, конечно, привели нас в полный ужас, потому что грузовой транспортный борт военно-воздушных сил был заполнен огромными деревянными ящиками в три ряда. В самолете стоял ужасный трупный запах. Нам предстояло выгрузить целый ряд этих ящиков, которые предназначались для Ижевско-

го гарнизона. В самолете нас встретил пьяный прапорщик, а потом к нам подошли два пилота — хмурые ребята, которые поинтересовались, не из похоронной ли мы команды и почему у нас общевойсковые эмблемы на черных петлицах. Это была специфика наших частей, в основном это были строительные батальоны, связисты. Они все носили черный цвет петлиц. Комендантское подразделение, которое носило общевойсковые эмблемы... но это уже ненужные технические военные подробности.

Мы ответили, что мы не из похоронной команды, мы из Ижевского гарнизона. «Ну что ж», — буркнули пилоты и удалились. Пьяный прапорщик зачитывал нам фамилии и тыкал примерно в один из рядов этих деревянных ящиков. Эти ящики я до сих пор вижу перед глазами: сбитые из грубых, плохо пригнанных досок, а сверху корявым почерком химическим карандашом были написаны только фамилии. Мы долго перебирали очень тяжелые ящики и перегружали их в свой 66-ой, который был подогнан прямо к брюху этого военного транспортного.

Старший лейтенант, замполит комендантского взвода, был страшно подавлен, я никогда не видел его таким. Самоуверенный, с закрученными усами, нагловатый, циничный человек, надвинул фуражку на глаза, был очень суетлив и страшно нервничал. Я прямо спросил у него, что это за ящики — это гробы? Он выругался и сказал, что все объяснит потом. Дальше начиналось уж совсем невероятное. Поколесив по городу, мы приехали в городской морг. На наши звонки в дверь выскочило несколько человек. Как я понимаю — дежурный и какие-то практиканты из мединститута, такие молодые люди в белых халатах. Наш офицер оставил нас на улице, мы уже выгрузили эти страшные ящики. Он пошел с какими-то бумагами в морг, там зажглись окна и оттуда засланные люди с ужасом смотрели на нас.

Открылись двери, была дана команда заносить ящики в морг. Там было огромное количество трупов, а морг был совсем небольшим по размеру, ящики приходилось ставить в коридор, один на другой, рядом стояли каталки с телами. Не помню, сколько в тот раз было гробов.

Старлей долго ругался с принимающим. Из разговоров я понял, что существовала некая дикая процедура. Гробы с телами убитых в Афганистане солдат и офицеров должны были поступить сначала в морг, который выписывал справку о смерти. Я должен подчеркнуть, что морг — в Ижевске, в Удмуртской АССР. И после этого тела отда-

вались родным. Как вы понимаете, в морге не производилось никаких манипуляций с этими телами, но требовались такие формальности — должна быть получена справка из морга, и только после этого тела передавались для захоронения. Это было просто шоком для меня, это было так дико! Я никогда даже в мыслях себе не представлял, что так можно обойтись с солдатами, погибшими за рубежами нашего Отечества. Видимо, это представление было навеяно американскими фильмами, где привозят погибших, накрывают гроб государственным флагом, на него кладут медальку Конгресса, родственникам передают пилотку или форму погибшего, салют над могилой, прочувствованные слова от имени президента и так далее. У меня в голове была такая картинка, а в нашей жизни все оказалось грубее и жестче.

Но самое страшное нас ожидало впереди. Гробы нужно было передавать родственникам. Делалось это глубокой ночью, тайно, по-воровски. Тогда госбезопасность полагала, что надо скрывать от граждан, что наши солдаты и офицеры гибнут на территории чужого государства, в Афганистане, хотя о выполнении «интернационального долга» ежедневно говорили по телевидению.

Это был самый ужасный момент, когда глубоко после 12 ночи, а в первый раз это было, по-моему, после 2-х ночи, к дому привозили гроб, и, несмотря на «тайну», родственники и многие соседи выходили во двор встречать тело. Военкомат в последние часы сообщал им, что их муж, брат, сын погиб в армии при исполнении «служебного долга» и что тело будет доставлено для захоронения родственникам.

Процедура выглядела следующим образом. Подъезжал наш «ГАЗ-66», стояла небольшая стайка родственников и соседей, автомобиль старался их объехать и заехать куда-нибудь за угол дома, давалась команда быстро выгрузить гроб.

Это был огромный ящик более двух метров длиной и около полутора метров шириной, как я уже говорил, из грубо сколоченных досок с двумя поперечными ручками для переноски в торцах, а внутри, на деревянных распорках, был цинковый гроб с грубо проваренным швом, чаще всего без всяких надписей или обозначений.

Меня очень потрясли такие грубо, даже похабно сделанные гробы.

Из инструментов был один гвоздодер и солдатские сапоги, коими нам и было приказано разбивать деревянный ящик, который мы должны были забросить обратно в машину, а цинковый гроб уже нести в квартиру.

В первый раз это было сильнейшим психологическим шоком для меня. Я помню, как мы поднимали этот гроб на шестой или седьмой этаж девятиэтажного дома. Это был вертолетчик, лейтенант, моложе меня почти на год. У него дома была только молодая жена и грудной ребенок. Дверь открыла соседка. Из глубины комнаты на нас смотрели огромные, полные ужаса и слез глаза молодой женщины. Она прижимала к себе ребенка, была бледна, пыталась что-то кричать, но у нее не было голоса. Я до сих пор помню ее лицо, эти глаза из глубины комнаты. Это была колоссальная человеческая трагедия. Мы как-то суетливо занесли гроб в комнату. Жена погибшего не знала, что делать, она положила ребенка на диван, и соседка, такая пожилая женщина, поставила табурет, мы поставили гроб одним концом на табурет, а поставить другой конец было некуда. Соседка побежала на кухню за вторым табуретом, и в этот момент жена вертолетчика взяла ребенка отошла к противоположной стене и дико закричала.

Она кричала так страшно, что у нас всех просто дыхание перехватило. Мы не знали, что делать. Нужно заметить, что старлей наш «рассосался» где-то внизу, он не поднимался с нами. Мы не знали почему, но потом уже, обсуждая эти события, стали догадываться, что ему страшно было идти в такую квартиру.

Молодая женщина упала вместе с ребенком на пол, соседка подбежала к ней, буквально вырвала у нее ребенка и стала кричать кому-то в коридор, чтобы быстрее принесли ваперьянку.

Мы прилипли к стене. Жена кричала страшно, начала кататься по полу. К ней подбежала соседка, стала ее держать, уговаривать. По-моему, женщину звали Лена. И мы как-то боком-боком стали «просачиваться» в коридор дома и буквально выбежали по лестнице вниз. А старлей наш, оказывается, спрятался в кунг нашего автомобиля ГАЗ-66, затравленно сидел и покуривал в углу, на солдатской скамеечке.

Он не вышел из кунга, когда мы залезли в него, постучал водителю и сдавленно крикнул: «Трогай!» Машина пошла. Никто не разговаривал. Все переживали удивленное. Это был, конечно, ужасный эпизод. По приезде в подразделение я долго сидел в туалете, курил и думал только об одном — как бы мне забыть хотя бы когда-нибудь лицо и глаза этой женщины.

Этот парень, который был моложе меня и уже погиб... Я курил до тех пор, пока меня не выгнали старослужащие. Весь следующий день прошел как в тумане, только стари-

ки ехидно поглядывали на нас, молодых солдат, которые приняли участие в этой операции. И уже к вечеру кто-то из стариков сказал: «Ну что, салаги, сопли развесили? Все там будем.»

Наши встречи с «Черным тюльпаном» становились все чаще. Я не могу сейчас вспомнить, это было уже почти 15 лет назад, как много тел нам пришлось привозить в Ижевск, потом перевозить в другие города Урала.

Это было огромное количество трупов солдат и офицеров, но у меня лично чувство ужаса, чувство какой-то непонятной вины перед этими людьми не проходило.

А затем мы стали встречаться с сопровождающими. Сопровождающий — это офицер или прапорщик из части, где служил погибший, которого командование направило родственникам. Какая поняла, сопровождались чаще всего тела людей, которых наградили орденами. Вероятно, это была инициатива командиров тех частей, очевидно, нормальных людей, которые понимали, что родственникам необходимо узнать, как погибли близкие им люди, как они провели свои последние часы, какова была их служба.

С большинством сопровождающих удавалось наладить контакт. Мне хотелось узнать, что же на самом деле происходит в Афганистане, почему оттуда приходят эти страшные гробы, которые у нас назывались «груз 200». Я помню одного офицера, по-моему, капитана, молодого парня, вертолетчика, который привез своего товарища по эскадрилье.

Это была очень долгая командировка, мы часами ждали борта «Черный тюльпан» на аэродроме, потом борт почему-то очень долгое время не пускали под разгрузку. Уже глубокой ночью мы везли гробы в морг. Этот совершенно подавленный офицер, сопровождающий, попросил закурить. Мы с ним заговорили. Долгие часы мы стояли у морга, и этот капитан начал понемножку рассказывать мне о буднях службы вертолетчика в Афганистане.

Показал фотографии, которые он тайно вывез оттуда. Он первым рассказал мне, что из Афгана нельзя вывозить фотографии боевых действий и вообще фотографии на фоне афганской местности, но ему позволили привезти комбинезон и головной убор погибшего, и в карманах этой формы, покрытой толстым слоем афганской пыли, он вывез фотографии.

На снимках были brave ребята, одетые в удивительное смешение военной и гражданской формы, в каких-то платках на шее и голове — как рейнджеры из американских фильмов, обвешанные всевозможным

оружием, на фоне разбитых дувалов в кишлаках. Конечно, я поинтересовался, что это за руины, и капитан рассказал мне, что им приходится при уничтожении караванов и при разоружении так называемых «бандформирований» стрелять и по кишлакам.

Вертолетчик также рассказал мне, что часто они видят трупы женщин и детей, но не был уверен, что они погибли от их рук, что, может быть, их убили душманы. Я спросил, зачем душманам убивать своих родственников. Капитан не отвечал, долго курил, молчал. Но чувство страха, казалось, толкало его на разговор со мной. Он спрашивал, как часто нам приходится привозить тела, что при этом происходит, как на это реагируют родственники. И спрашивал у меня, «зеленого» солдата, как ему вести себя с ними — с родственниками.

Он не знал, что им сказать, он просто боялся. Наконец мы приехали к нужному дому. С нами был прапорщик Пузыркевич, старшина нашего подразделения, который, выйдя из кабины «бб-го», сразу получил удар в челюсть, его фуражка покатила в лужу.

У дома погибшего собрались родственники и соседи, мужчины были взвинчены, уже, похоже, пьяны. Женщины закричали: «Убийцы! Кого вы нам привезли? Где наш мальчик?» Прапорщика ударили еще раз, ногой. Он упал под колесо. Мы бросились, чтобы защитить его, сцепились руками и стали сдерживать эту даже не толпу, а небольшую, но очень агрессивную стайку людей. И говорили: «Не надо, пожалуйста, не трожьте его, он ни в чем не виноват.»

Сопровождающий капитан замер в кунге «бб-го», спрятавшись. По-моему, прапорщику тогда даже губы разбили, он сидел такой потерянный у колеса, утирал кровь. В нас тоже вцепились какие-то мужчины, женщины закричали: «Не надо, не трожьте солдатиков, они такие же несчастные, они ни в чем не виноваты!»

Наконец мужчин оттащили, они успокоились. Через некоторое время мы «развернули» ящик. Прапорщик от нас убежал, спрятался в кустах или в каком-то из подъездов. Были только солдаты и тот бедный капитан-сопровождающий, который боялся выглянуть из машины. В тот раз мы особенно аккуратно разбирали деревянный ящик, чувствуя на себе взгляды родственников погибшего.

Когда мы поднимали тело по лестнице, шли медленно, потому что гроб был очень тяжел. Нас догнал капитан. Родственники поднимались на лифте. Капитан сказал: «Ребята, пожалуйста, только не уходите сразу. Побудьте там со мной». Мне было очень жалко этого человека. Капитан втиснулся за нами в квартиру.

Мы разместили гроб в комнате, где было очень много родственников погибшего и соседей. Вся квартира была заполнена людьми. Почти все были в черном. Мужчины были «под газом», все зеркала — завешены, раздавался громкий плач.

Капитан стоял в прихожей и ожесточенно мямл свою фуражку. Я подошел, как мне показалось, к одной из родственниц погибшего и сказал: «Извините, но капитан прилетел из Афганистана, он служил с вашим... парнем». Женщина бросилась к нему и очень участливо, плача при этом, сказала: «Простите, пожалуйста, что так получилось, понимаете, он у нас единственный...» Капитан что-то забормотал, она тут же потащила его на кухню, загромила какими-то кастрюлями, холодильником. Он говорил: «Нет, не надо, пожалуйста, я не хочу есть!» Она: «Ну что вы, такая дальняя дорога... Садитесь, расскажите о нем», и слезы при этом текли у нее ручьями.

Капитан как-то так сиротливо, жалобно оборотаясь на табуретке, посмотрел на меня — мы уже толпились в коридоре, собирались уходить. Капитан попросил: «Ну пожалуйста, ну останься, попей хотя бы с нами чаю!» Я оглянулся на ребят.

Сержант пробормотал, что пора ехать. «Прости, но... — мы уже как-то к тому времени с капитаном стали на ты — нам надо уезжать.» Он вышел в коридор, попрощался со мной очень тепло и прошептал: «Как мне страшно оставаться здесь одному». Я не помню, что я пробормотал ему в ответ. Наверное, что-то типа: «Держись!»

По-моему, капитана звали Николай: «Держись, Николай! Все будет хорошо! До свидания!». И мы уехали.

Много было еще командировок, много гробов...

Потом я и мои приятели-колеги перешли в разряд старослужащих и просто перестали ездить на «груз 200», перестали летать на «Черном тюльпане» — это стало обязанностью молодых солдат.

Мне казалось, что все увиденное мною нельзя потерять, я старался записать все события, связанные с «Черным тюльпаном», даже попытался писать что-то вроде повести. Поделился с некоторыми бойцами моего призыва, кто-то из них «стукнул». Вскоре в бюро пропусков, начальником которого я тогда служил, появился некий тип из особого отдела. Меня «взяли» и я попал в руки чекистов капитана Мочалова и подполковника Примакова. Гэбисты изъяли все мои записи по Афганистану, все лисьма, которые потом уже не удалось вернуть. Но это уже, как говорится, совсем другая история...

Радослав (Радек) Сикорски родился в 1963 году в польском городе Быдгощ (Bydgoszcz). Был председателем школьного забастовочного комитета во время быдгощских событий в 1981 году. В 1982-м получил политическое убежище в Англии. В 1986-м закончил Оксфордский университет (философия и политические науки). В 1986-1989 был корреспондентом британских изданий в Афганистане, Анголе и Югославии. Получил награду World Press Photo (спортивные новости) за 1988 год. В польском правительстве Яна Ольшевского исполнял функции заместителя министра обороны. Пишет для Rzeczpospolitej, National Review, The Wall Street Journal, The Spectator, The Economist. Ведет программу польского телевидения «Интервью месяца».

Радек СИКОРСКИ

Прах святых

...Утром 11 августа я завтракал... когда Надир вбежал в мою комнату с криком: «Самолет, самолет!». «Шутит он, что ли?» — подумал я, и только когда выключил радио, услышал рев приближающегося самолета, такой, что задрожали стены.

Я бросился искать ботинки, успел схватить фотоаппарат. Выбежал из дома. Толстые жабы попрыгали из-под моих ног и спрятались в рисовом поле. Моим первым движением было — прочь из дома. Почему? Может, надо было остаться внутри? Если бомба упадет рядом, то так и так никого в живых не останется, а если нет — глиняные стены задержат осколки. Годом раньше в Нангархаре я попал под бомбежку «кассетными» бомбами. Они, взрываясь, распадутся на десятки меньших зарядов, которые, в свою очередь, рвутся на множество осколков. Если бы я тогда выбежал из дома, наверняка бы такой маленький (по размеру, но не по убойной силе) осколок достал меня, ибо двери нашего дома были ими утыканы.

В этот раз, однако, я удирал что было сил в ногах. Краем глаза заметил женщин из соседнего дома, они

«...Прямо над нами, на высоте примерно три четверти отвесной скалы в стену врезались огромные гроты и скальные полки...»

бежали в противоположном направлении. Амануллах уже нашел себе укрытие в отдалении, метров пятьдесят от дома: две невысокие глиняные стенки, отгораживающие тропинку, вдоль которой проходил высохший ирригационный канал, служивший дополнительным укрытием. Я всматривался в небо, стараясь увидеть самолеты. Четыре блестящие на солнце стрелы, предположительно СУ-17, летели высоко, около 3000 метров над нами, там, где их не достанут стингеры. Сбросили ли они уже бомбы? Обычно этого не узнаешь, пока бомбы не взорвутся. Сколько секунд еще осталось? Где они упадут? И в этот самый момент, прямо над моей головой, от машин оторвались искры и начали падать, увеличиваясь на глазах. Я вздохнул с облегчением — при таком направлении движения они должны пройти мимо нас, мы — в безопасности. Через минуту бомбы и самолеты исчезли из видимости, рев двигателей стих, не было слышно даже взрывов.

— Посмотри, посмотри! — Амануллах показывал рукой в направлении, куда должны были упасть бомбы. Над полосой деревьев медленно вырастали четыре огромных столба пыли. Вскоре ветер перемешал их, превратив в гигантский узел. Несколько парней, которые, как и мы, спрятались во рве, стояли теперь, задрев головы. Мне были видны их цветные вышитые шапочки, когда они, как замороженные, всматривались в этот дикий пейзаж. Женщины по другую сторону поля стояли молчаливой группой и, забывшись, опустив покрывала, смотрели. Туча пыли беззвучно росла, приобретая очертания огромного, вознесшегося над долиной гриба, и только через несколько минут начала рассыпаться. Частилки пыли опускались на землю тонким покрывалом, солнце выглядело как во время затмения. Чувствовалось, что происходит нечто страшное. Может быть, такой настрой задавал цвет пыли — это был цвет глиняных кирпичей, из которых здесь строят дома. Бомбы реались посреди деревни. Мы с Амануллахом смотрели в разные стороны, нам как будто было стыдно за то, что мы остались живы.

Мы нашли какие-то два мотоцикла и поехали к разбомбленной деревне. Первый раз за две недели я оказал-

ся вне нашего укрытия. Приятно было ехать межами среди полей спелой пшеницы и риса, широкими дорогами, обнесенными глиняными стенками и рядами деревьев, по деревянным мостам, перекинутым через ручьи и каналы... Деревня называлась Кошк-е Серван. На улицах не было ни души — все побежали на помощь. Какие-то дети показали нам направление. Мы поехали глубоким ущельем, склоны которого образовывали высокие, в несколько этажей, глиняные стены домов. Местами дорога проходила через тоннели, полные тени и прохлады. Разве можно было устоять перед искушением укрыться в таком тоннеле, который, казалось, защищают расположенные над ним этажи?

Когда мы приехали на место, более тридцати тел уже было найдено, и еще сорока человек жители деревни не досчитывались. Десятки людей раскапывали руины разрушенных взрывами домов. Среди обломков торчали куски стен, мелькали яркие сатиновые покрывала. В уцелевших углах были видны шкафы с посудой, кухонная утварь, поломанные рамки с фотографиями, матрацы, одеяла. Мы переходили от дома к дому, топчась по разному мусору, выступающему из щебня.

Вдруг раздался крик. Мужчина в белом тюрбане и с белой повязкой, закрывающей его рот, махал руками и кричал, что заметил среди обломков какое-то движение. Все бросились копать, поднялись клубы пыли. Толпа замерла в ожидании. Без сомнения, под кучей щебня был кто-то живой. Мы услышали тихий писк, что-то пошевелилось. Люди отбросили деревянные лопаты и стали выбирать землю руками. Раскидали пласт мелкого щебня, и показалось живое создание — кот. Весь какой-то измятый, смертельно напуганный, он фыркал и шурился от слепящего солнечного света.

Коту повезло больше, чем людям. Вместо того чтобы залечь во рвах, они попрятались в погребах своих домов и в тех самых «предательских» тоннелях, которые выглядели такими безопасными. Когда глину раскрошило взрывом, люди оказались в ловушке. Они задохнулись под тоннами пыли.

Я подошел к соседнему дому. Люди раскапывали то, что осталось от погреба, поднимая клубы пыли. Все кашляли. Я приблизился к ним. Вдруг обломки стены осели, и глазам собравшихся явился небывалый вид: в нише погреба, под аркой, которая каким-то чудом уцелела, на корточках сидела женщина, укрытая вуалью, и около нее — двое маленьких детей. Они вздымали руки к

«...Они лежали, не поврежденные, потемневшие и твердые, с вытянутыми руками, как манекены...»

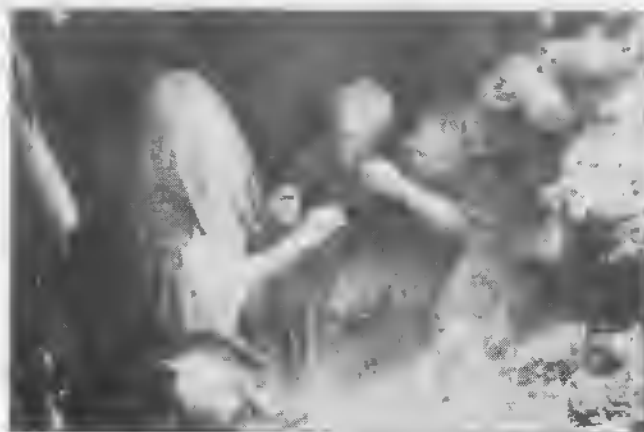
небу, как будто хотели вырваться из развалин и, одновременно, благодарили за спасение. Один из детей улыбался. Пыль не пригасила ярких красок шелка, которым были расшиты одежды женщины, складками спадающие на землю. Одежды детей, их лица, оголенные плечи были бледные, белые, словно присыпанные мукой. Никаких повреждений на них не было. Не было и следов крови. Все трое были мертвы.

Страдающее лицо женщины укрывала тонкая муслиновая вуаль, придавая ее облику удивительное величие. Зачем она укрывала лицо этой вуалью здесь, в собственном погребке? — спрашивал я сам себя. Когда дом над ними стал рушиться, пыль начала заполнять их укрытие и она поняла, что смерть близко, в моем представлении, она должна была лихорадочно хватать воздух. Неужели в последние минуты своей жизни она думала о том, чтобы, когда ее тело будет извлечено и предстанет глазам людей, выглядеть так, как предписывает обычай, и в последний раз закрыла лицо вуалью?

Тела женщины и ее сыновей извлекли из развалин, завернули в полотно и положили в мечети, рядом с уже лежащими там пятью или шестью телами. Это были тела детей, ни один из них не дожил до шести лет, все они родились уже во время войны. Теперь они лежали здесь, не поврежденные, потемневшие и твердые, с вытянутыми руками, как манекены. Какой-то старец наклонился над каждым по очереди и отирал им лица концом своего тюрбана.

Потом, в Лондоне, эту сцену, снятую на слайд, через увеличительное стекло рассматривали два художественных редактора. «М-м-м... Неплохо, неплохо...». — говорил один другому, одобрительно кивая головой.

Глядя через объектив фотоаппарата на эти сцены, я чувствовал себя так, будто за кем-то бесстыдно подглядываю. Нет ничего более интимного, чем минута смерти, и уходящий бессилён укрыться от чужих глаз. Щелчок фотоаппарата резал мне слух. Я чувствовал, что только тишина приличествует этому моменту, только тишина может почтить память умерших и уважить горе близких, но заставлял себя брать за фотоаппарат. Я понимал, это — единственный способ заставить весь остальной мир задуматься о судьбе этих людей. Мне казалось, что афганцы возносят к небу руки в безмолвном крике: «Посмотри, что с нами сделали! Иди и расскажи об этом каждому!»

«...Они вздымали руки к небу, как будто хотели вырваться из развалин и, одновременно, благодарили за спасение...»

... Каждую минуту мы могли наткнуться на профессиональных убийц: десантников или советских командос из отряда спецназа. Обычные солдаты-призывники — это другое дело. В большинстве своем это были запуганные своими офицерами, не желающие воевать ребята.

Несколько я знал лично.

Годом раньше в лагере Абдула Кадира я познакомился с тремя советскими солдатами, сбежавшими из оккупационных отрядов: Владиславом Наумовым, Сергеем Бузовым и Вадимом Плотниковым. Они рисковали жизнью, однако перешли на сторону повстанцев. Афганцы ловко использовали их для пропаганды и обучения.

Вадим приехал в Афганистан уже с мыслью о победе. У него был дядя в Бостоне, и он мечтал там осесть. Он намеренно оскорбил офицера в своей части, надеясь, что в наказание его пошлют в Афганистан. Через неделю после прибытия сюда он дезертировал.

Сергей не планировал побега. Когда мы познакомились, он был весьма этим всем измучен. Выкуривал одну или две пачки сигарет в день — в зависимости от частоты бомбежек. Каждый день мы взбирались на вершину прямо над нашим лагерем, таща с собой ракету «земля-воздух», которой собирались сбить один из пикирующих реактивных самолетов. Вой их двигателей вызывал у Сергея нервные судороги. Этот русский был родом из Перми. Только здесь, в Афганистане, из книжек, присланных ему русскими эмигрантскими организациями, он узнал о том, что вокруг его родного города существуют десятки лагерей принудительного труда. В Афганистане он был водителем бронетранспортера в Баграмской дивизии, расквартированной возле Кабула. Ему едва исполнилось девятнадцать, когда он дезертировал из страха перед террором «стариков» — солдат, прослуживших больше года. Однажды они избили его за то, что у него не оказалось иголок с белой и зеленой ниткой. «На следующий день мне снова досталось, потому что у меня было три иголки, а «старик» решил, что одна — лишняя». Другой раз Сергей уже лежал на своих нарах, когда двух «стариков» разобрало «состязаться». Один из них велел Сергею облить другого холодной водой. Он орал на него. А другой сказал: «Только попробуй — убью». В общем, что бы Сергей ни сделал, это был для «стариков» повод задать ему очередную трепку.

Солдаты голодали, потому что старики отнимали их пайки. С голоду некоторые рылись в мусорных баках,

«Молитва на рассвете».

искали объедки. «Но в письмах домой я писал, что все в порядке, питание хорошее, еды много. Почту в Россию перлюстрировали, и письма с жалобами просто уничтожали. И в тот день, когда я убежал, у меня в кармане было письмо к матери. Я снова писал ей, как нам тут хорошо, и чтобы не беспокоилась, что я не получаю достаточного питания». За все время моего пребывания в лагере Сергей ни разу не отказался от предложения поесть, даже если только что перед этим встал из-за стола.

Он убежал, когда кто-то украл части двигателя его транспортера. «В наказание меня могли убить». Один из «стариков» посоветовал ему украсть эти части у кого-нибудь другого, после чего отобрал у него автомат. Сергей украл три штыка и три полных магазина, чтобы было чем торговать по дороге в Пакистан, и убежал. За ним был послан патруль. Один раз на него едва не наткнулась колонна из нескольких десятков солдат, когда он, смертельно усталый, спал мертвым сном. Он бежал в направлении гор. Встретил двух пастухов, которые, к его изумлению, поняв, кто он такой, накормили его и отвели к партизанам.

Владислав был упрямым «диссидентом». Родился в Сталинграде-Волгограде, был сержантом 66-й бригады, размещавшейся в Джелалабаде. Рассказывал, что в его отряде один «старик» убил рекрута за то, что тот по ошибке надел не свой плащ. Владислав говорил: «Все это было ложью с самого начала. Когда садились в самолет, офицер сказал, что летим в Польшу. Боялись, что дезертирство начнется еще раньше, чем мы попадем в Афганистан. Представь себе наше отчаяние, когда мы обнаружили, что оказались в Кабуле. Мы были как заключенные на этой базе — кругом минные поля и колючая проволока...»

На посту около Джелалабада Владислав передал повстанцам немного оружия. Кто-то донес на него, и Владислав оказался в тюрьме. «Майор Макаров из КГБ приказал налить в мою камеру хлорированной воды. Стоял в ней по циклодке, а ядовитые пары жгли мне глаза, нос, горло. Целый месяц я получал 150 граммов хлеба в день, и каждый же день получал «в лоб». В конце концов я согласился проводить Макарова к своим «сообщникам», но сказал ему, что они приходят в деревню исключительно ночью. Ночью мы пошли, и когда меня освободили, чтобы найти людей, я, что было сил в ногах, рванул по улице, а потом переплыл реку. Патруль КГБ стрелял мне вслед, но у меня такое впечатление, что целились они выше моей головы».

Я им верил — все трое убежали в одно время независимо друг от друга. Случайно попали в одну и ту же партизанскую группу, их держали вместе. Когда я с ними познакомился, они уже два года воевали на стороне повстанцев. Первый год они провели в заключении в Пеша-

«Я убил этого русского. Вот его автомат.»

варе. Вырвались оттуда и более десяти часов убегали через город — трое русских среди тысяч афганцев. Партизаны настигли их уже у самой цели — перед консульством США. Удивительно, что, несмотря на побеги, эти русские солдаты заслужили доверие афганцев. Видимо то, что они стремились пробраться на Запад, а не вернуться в Советский Союз, и убедило командиров повстанцев, что эти трое — настоящие дезертиры.

Кажется мне, что Владиславу зашла мысль принять ислам. Они не знали даже основных молитв, только двигали губами, делая поклоны, которые они называли «зарядкой». Абдул Кабир, который был их командиром, похоже, понимал это, но не возражал. Караван, с которым я приехал в лагерь, привез несколько коробок сигарет Dunhill и видеокамеру. Днем Сергей снимал, а вечером мы смотрели результаты его усилий на экране маленького телевизора, притащенного сюда на ослином хребте и подключенного к лагерному генератору. К сожалению, наша «видеотека» состояла из единственного фильма — детектива Агаты Кристи, который мы пересматривали изо дня в день, до тошноты. Для афганцев Сергей, Владислав и Вадим были не дезертирами, а *русскими моджахедами*. Я говорил с ними по-русски. Партизаны не понимали этого языка, и, в сущности, могли принимать меня за русского, который вместе с земляками планирует побег. «Земляки», однако, радовались, что пользуются доверием партизан, о чем свидетельствовали три лучших автомата Калашникова, отданные им.

Опасности, которые мы делили целый месяц, сблизили нас. Ребята отличались великодушием и спонтанностью — чертами, которые так привлекают иностранцев в русских. Они опекали меня. Например, когда мы вместе ночевали на крыше дома Кабира, они клали меня в середину, где безопаснее. После двух лет службы в отряде они были в отличной физической форме и могли ходить намного быстрее, чем мог я. Когда после нападения на гарнизон мы уходили в горы, нас атаковали самолеты. Сергей и Владислав не вырвались вперед, чтобы быстрее спрятаться от опасности, а остались со мной, взяли часть моего груза, и мы вместе добрались до базы, прячась по дороге в пещерах.

Вопреки преобладающему мнению, поляки любят русских. В польской литературе, например, много русских персонажей — положительных героев. К сожалению, часто нам мешает политика. Наши интеллектуалы десятки лет мучаются проблемой польско-российских отношений. На самом же деле все довольно ясно: на протяжении двух последних веков российские режимы рассматривали угнетение поляков как цель своей внешней политики, многократно захватывали Польшу и самую последнюю сволочь навязывали нам в качестве правителей.

Я был рад, что мне довелось подружиться с этими ребятами и что история наших народов не стала у нас на пути. Мы были приблизительно в одном возрасте, и даже вместе вспоминали знаменитую польскую агитку — фильм «Четыре танкиста и собака», который имел известный успех в деле воспитания нас в духе коммунистических идеалов. Я и сейчас невольно улыбаюсь, когда вспоминаю моих советских друзей. Наверняка таких же ребят было много и по другую сторону — это не были мои враги.

Владислав, Сергей и Вадим приносили партизанам несомненную пользу. Я вспоминаю, как Сергей, буквально «приклеив» ухо к наушнику радиостанции, подслушивал переговоры вертолетчиков. Во время атак они монтировали тяжелые пусковые станки для ракет, наводили их

"Автомобиль был набит по самые борта оружием и амуницией, да еще нас двадцать человек..."

на цели и стреляли. Однажды Владислав выпалил в направлении атакующих бомбардировщиков и, похоже, сбил один из них. Я видел, как снаряд взорвался рядом с самолетом, а позднее сообщили, что самолет упал на землю.

Наши русские моджахеда хотели взорвать плотину в Соруби (Sorubi), откуда подавалось электричество в Кабул, но оказалось, что на это не хватило бы взрывчатки. Потом они начали планировать еще более «смачную» операцию — захват советского генерала. Они хорошо знали привычки коменданта гарнизона в Джелалабаде — он каждую пятницу напивался в компании медсестер в гарнизонном лазарете, откуда его пару километров везли на квартиру. Дорога вела через не охраняемую территорию, но генерал чувствовал себя в безопасности, потому что знал, что едет через окруженный многими постами участок, контролируемый правительственными силами. Наши россияне утверждали, что они смогут прокрасться под покровом ночи, переодевшись в форму советских солдат, взяв с собой нескольких партизан для прикрытия. Остальные

Зенитно-ракетный комплекс «Стингер».

группы должны в это время атаковать в другом месте, чтобы отвлечь на себя внимание противника. Они хотели, чтобы я пошел с ними и снимал на видео эту акцию. Такая добыча была бы неоценимой для афганцев. Русские никогда не признавали моджахедов *противниками*: захваченных в плен партизан они считали обыкновенными бандитами, а не военнопленными. Поэтому они категорически отказывались менять их на пойманных советских солдат. Генерал стоил бы, по меньшей мере, нескольких сотен афганцев. К сожалению, нашим русским моджахедам не хватило времени, чтобы претворить свой план в жизнь.

Все трое хотели перебраться на Запад. Афганцы не имели ничего против этого, но ни одно из западных государств не хотело их принять. Это происходило спустя месяца два после того, как несколько советских солдат «редезертировали» с Запада в Советский Союз, и атмосфера в этом смысле была явно не доброжелательная. О дезертирах, которые оказывались в Англии или в Соединенных Штатах, никто не заботился. После десяти месяцев в Афганистане в рядах Советской Армии, и вообще, целой жизни, проведенной за «железным занавесом», эти мальчишки вдруг оказывались в Лондоне или на Манхэттене. Вместо того чтобы помочь им изучить язык или получить какую-нибудь профессию, ответственные за это власти практически бросили их на произвол судьбы — вы теперь свободны, позаботьтесь о себе сами. Одни, без друзей, они становились легкой добычей советских «корреспондентов», которые передавали им письма от родных и уверяли, что им ничего не грозит, если они вернуться на родину. Отчаявшиеся дезертиры поддавались искушению.

Вадим, Сергей и Владислав каждый день слушали радио и знали такие истории. Они знали, что вернувшиеся в Советский Союз дезертиры были тотчас же загнаны в лагерь.

Президент Рейган, правда, обещал нашим трем россиянам, что они смогут поселиться в США, но после его обещания прошло уже шесть месяцев... Я сказал им, чтобы они обратились к госпоже Тэтчер. Специальное письмо увез в Лондон Санди Галл, журналист британского телевидения, однако ответа на него не было. Чиновник из Министерства иностранных дел, которому я передал их письмо, когда вернулся в Лондон, задавал мне вопросы, которые легко было предвидеть: знаю ли я, сколько это может стоить? Отдаю ли я себе отчет, что г-жа Тэтчер вскоре должна нанести визит в Москву? Или, может быть, я имею намерение испортить климат этого визита, чтобы

лишить британские фирмы многомиллионных прибылей? А что, если эти трое — наркоманы, с которыми потом хлопот не оберешься? И как вообще я могу гарантировать, что они — не агенты Кремля?

К счастью, пока я ругался с апатичными лондонскими чиновниками, способ вырвать моих друзей из Афганистана нашелся. Они вдруг появились на пресс-конференции в Торонто. Канада предоставила им политическое убежище...

...Дом, и расположенный неподалеку еще один — вот и все поселение. Выглядели они, однако, лучше, чем деревушка, в которой мы провели последние три дня. Тут протекал ручей, из которого поили скотину и поливали огороды. Первый раз за последние дни мы умылись; послужил нам для этого ирригационный канал, который протекал рядом с домом. Хозяин пригласил нас за стол. Мы уже сели есть, когда заметили, что у двери притаился напуганный мальчишка лет трех или четырех.

— Видите его? — хозяин показал на ребенка рукой. — Он играл в поле, а те стреляли в него, так просто, ради развлечения.

Если бы вертолет летел на высоте двести или больше метров, можно было бы подумать, что стрелки приняли ребенка за партизана, хотя в таком случае они бы уничтожили целое селение. Однако они летели не выше пятидесяти метров над землей, а с такой высоты цель различается во всех подробностях. Пули прошли в паре метров от мальчика.

Мне вспомнился рассказанный в Пешаваре случай, который произошел год или два назад в долине Панджшер. Во время наступления партизаны сбили вертолет. Пилот уцелел — выскочил из горящих обломков и пустился бежать в направлении гор. Через несколько шагов заметил, что со всех сторон к нему приближаются афганцы. Тогда он остановился, посмотрел вокруг, понял, что бежать некуда, развернулся и пошел обратно, в самое пекло.

Какой шанс уцелеть у него был? Может быть, пятьдесят процентов. Афганцы вообще предпочитали брать русских живыми, чтобы потом показывать их журналистам, если только азарт битвы не толкал их к обратному. Тот, однако, выбрал смерть, потому что был убежден, что его ожидают пытки. Впрочем, я думаю, что он только наполовину верил рассказам, которые распространяло советское командование, о зверствах партизан по отношению к военнопленным. Пилот реактивного самолета не в состоянии различать людей, а только долины и скопления домов; из кабины же вертолета отчетливо видно, что и кого ты атакуешь. Пока партизаны не достали стингеры, вертолеты часто кружили над деревнями, методично их уничтожая. Дети и женщины в ярких одеждах хорошо различались на фоне серой земли.

Потом, в Лондоне, я смотрел телепередачу, в которой показывали советских вертолетчиков. Они собрались на аэродроме, за ними были видны исполинские призраки вертолетов, которые вырубивали на свои позиции. Пилот был молодой, наверное, лет двадцати, не более, красивый, в шикарной кожаной куртке и зеленой полевой «афганке» на голове. На его лице появилась грусть, когда он рассказывал, что произошло с его товарищами: через сорок секунд после старта в вертолет попал стингер, который пробил боковую обшивку. Пилот погиб сразу, управление принял радист. Запись его последнего разговора с базой сейчас заглушало интервью.

Ночной Герат

Среди степей...

– 7501, что у вас? – спрашивает диспетчер.

– Прощайте, ребята! – откликается радист.

Он говорил что-то еще, но прием ослаб и его последние слова утонули в шуме, потом раздался треск, как если бы нажали выключатель, и контакт прервался.

– 7501, немедленно прыгайте! – кричит диспетчер, – 7501, слышишь меня?!

Ответа не было.

– Труднее всего примириться с потерей близких тебе людей, – говорил тот пилот с аэродрома. – Год мы прослужили вместе. Это были отличные парни...

Несколько солдат запели грустную песню под названием «Черный тюльпан». Так назывался самолет, которым из Кабула в СССР перевозили тела их погибших товарищей.

Отличные парни. Нет в их глазах фанатизма – они не радуются тому, что были в Афганистане. Так почему же они должны были сами умирать и убивать других «отличных парней» – своих афганских товарищей?

Поразительно, но, когда я смотрел в лицо человека, который мог меня убить, я не чувствовал к нему ненависти.

Почему они сражаются против афганцев, все время спрашивал я себя, пересматривая записанное на видео интервью? Почему они участвуют в этой грязной войне, если это вовсе не их война? Должны же они понимать, что воюют с обыкновенными афганцами, а не с мифическими наемниками из Китая и США. Спустя восемь лет войны это стало очевидным не только для солдат на фронте, но и для всех в Советском Союзе.

Известны случаи, когда уже в первые месяцы войны призывники из Узбекистана и Таджикистана отказывались идти в Афганистан; россияне же отбывали службу без всяких протестов. Некоторые родители пытались уберечь своих сыновей от Афганистана, подкупая офицеров в военкоматах. Но движения протеста против войны в СССР не было. Только Андрей Сахаров с самого начала резко выступал против.

Дальше в той телевизионной программе репортер, который брал интервью у пилота, разговаривает на московском кладбище с обычной русской женщиной. Средних лет, полная, загрубевшие от тяжелой работы руки, одета в яркое фиолетово-оранжево-зеленое платье, лет двадцать назад вышедшее из моды... Вместе с другими, такими же, как она, женщинами организовала неформальную группу «кладбищенских матерей». Каждая из них знала все о погибших сыновьях своих подруг. Знали и где они погибли, но слово «Афганистан» не могло быть написано на надгробьях. Только недавно власти позволили формулировку

«Погиб при исполнении интернационального долга».

– Всех их привезли в цинковых гробах, мы не могли на них посмотреть, не могли попрощаться, – рыдала женщина. Она говорила, стоя перед надгробным камнем из черного мрамора, на котором гордо сияла красная звезда.

– Я все время думаю о нем. Помню, какие письма писала ему каждый день, когда он пошел в армию. А с тех пор, как получила похоронку, все время виню себя в том, что мои письма были такими... патристичными. Помню, в одном письме я цитировала «Песнь о Соколе» Горького, где он говорит, что лучше прожить только двадцать лет, но пить свежую кровь, чем жить вечно, питаясь падалью. Вы понимаете? Может быть, если бы я его так не настраивала, мой сын был бы жив.

Мне трудно было искренне ей сочувствовать. Представляла ли она себе, за что на самом деле воюет ее сын, когда укрепляла в нем патристический дух? Едва ли, скорее всего, она бездумно «глотала» то, что преподносила официальная пропаганда. Думала ли она об афганских матерях, горе которых было результатом «патристизма» ее сына? Да, она права: она виновата в гибели своего сына. Она, как и миллионы россиян, считала, что ее патристический долг состоит в том, чтобы поддерживать свое правительство, когда оно решает вторгаться в чужие страны. Что ж, это самое правительство послало ее сына убивать сыновей других родителей...

Фрагменты.

Печатается по изданию: Radek Sikorski, «Prochy Śwentych. Podróż do Heratu w czas wojny». Wydawnictwo ALFA-WERO Sp. Zoo. Zam 1133/94
Фото: Радек Сикорски

Перевод с польского: Юлия Середа

"Здесь был мой дом..."

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ О СОВЕТСКИХ ПОТЕРЯХ В АФГАНИСТАНЕ

Источник: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование / Под ред. к.в.н. генерал-полковника Г. Ф. Кривошеина М.: Воениздат, 1993 г.

Численность личного состава войск и их потери

Срок пребывания военнослужащих в составе ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистане был установлен не более 2 лет — для офицеров и 1,5 года для сержантов и солдат.

Всего за период с 25 декабря 1979 года по 15 февраля 1989 года в войсках, находившихся на территории ДРА, прошло военную службу **620000** чел.

Из них:

в частях Советской Армии	525000 чел.
рабочих и служащих СА	21000 чел.
в пограничных и других	
подразделениях КГБ СССР	90000 чел.
в формированиях МВД СССР	5000 чел.

Ежегодная списочная численность войск СА составляла 80 - 104 тыс. военнослужащих и 5-7 тыс. рабочих и служащих.

Общие безвозвратные людские потери (убито, умерло от ран и болезней, погибло в катастрофах, в результате происшествий и несчастных случаев) **14453** чел.

В том числе:

Советская Армия	13833 чел.
КГБ	572 чел.
МВД	28 чел.
Госкино, Гостелерадио,	
Минстрой и др.	20 чел.

В числе погибших и умерших:

военных советников

(всех рангов)	190 чел.
генералов	4 чел.
офицеров	2129 чел.
прапорщиков	632 чел.
солдат и сержантов	11549 чел.
рабочих и служащих СА	139 чел.

Пропало без вести и попало в плен: **417** чел.

Были освобождены: **119** чел.

Из них:

возвращены на родину	97 чел.
находятся в других странах	22 чел.

Санитарные потери составили **469685** чел.

В том числе:

ранено, контужено, травмировано	53753 чел.
заболело	415932 чел.

В их числе:

офицеров и прапорщиков	10287 чел.
сержантов и солдат	447498 чел.
рабочих и служащих	11905 чел.

Из 11654 чел., уволенных из армии в связи с ранениями, увечьем и тяжелыми заболеваниями стали инвалидами: **10751** чел.

В том числе:

первой группы	672 чел.
второй группы	4216 чел.
третьей группы	5863 чел.

Потери техники и вооружения составили:

самолетов	118
вертолетов	333
танков	147
БМП, БМД, БТР	1314
орудий и минометов	433
радиостанций и командно-	
штабных машин	1138
инженерных машин	510
автомобилей бортовых и бензовозов	11369

Краткая справка о награжденных и о национальном составе погибших

Источник: Ляховский А. А., Забродин В. М. Тайны афганской войны. М.: Планета, 1991.

Награждено медалями и орденами СССР

200153 человека, из них **10955** человек — посмертно.

Звания Героя Советского Союза удостоены **71** человек, из них **25** — посмертно.

Среди награжденных — **110** тысяч солдат и сержантов, около **20** тысяч прапорщиков, более **65** тысяч офицеров и генералов, более **2,5** тысяч служащих СА, в том числе — **1350** женщин.

За 110 месяцев войны в Афганистане погибло:

Русские	6888 чел.	Балкарцы	9 чел.
Украинцы	2376 чел.	Башкиры	98 чел.
Белорусы	613 чел.	Буряты	4 чел.
Узбеки	1066 чел.	Евреи	7 чел.
Казахи	362 чел.	Ингуши	12 чел.
Туркмены	263 чел.	Кабардинцы	25 чел..
Таджики	236 чел.	Калмыки	22 чел.
Киргизы	102 чел.	Каракалпаки	5 чел.
Грузины	81 чел.	Карелы	6 чел.
Азербайджанцы	195 чел.	Коми	16 чел.
Армяне	95 чел.	Марийцы	49 чел.
Молдаване	194 чел..	Мордва	66 чел.
Литовцы	57 чел.	Народности	
Латыши	23 чел.	Дагестана	101 чел.
Эстонцы	15 чел..	Осетины	30 чел.
Абхазы	6 чел.	Татары	442 чел.

Тувинцы	4 чел.	Чуваши	125 чел.
Удмурты	22 чел.	Якуты	1 чел.
Чеченцы	35 чел.	Другие народы и национальности	168 чел.

Безвозвратные потери Советского Союза в Афганской войне

Данные Генштаба МО СССР (Источник: газета «Правда» от 17.08.1989 года)

1979 год	86 чел.	1985 год	1868 чел.
1980 год	1484 чел.	1986 год	1333 чел.
1981 год	1298 чел.	1987 год	1215 чел.
1982 год	1948 чел.	1988 год	759 чел.
1983 год	1446 чел.	1989 год	53 чел.
1984 год	2346 чел.		

Советские потери, согласно оценкам западных экспертов

Ряд западных экспертов оценивает безвозвратные потери СССР приблизительно в 40 000 человек. Документального подтверждения этих цифр на сегодняшний день нет.

ПОТЕРИ АФГАНСКОЙ СТОРОНЫ

(Источник: журнал «Новое время» № 17 1992 г.)

20 миллиардов долларов и миллион человеческих жизней (справка составлена в 1992 году).

Ущерб, нанесенный Афганистану 13-летней войной, оценивается в 20 миллиардов долларов. Согласно подсчетам афганского профессора Гани Гауси, читающего лекции в Гамбургском университете, эти потери распределяются следующим образом:

сельское хозяйство: 2,8 миллиарда долларов

промышленность: 274 миллиона долларов

энергетика: 350 миллионов долларов

коммуникации: 6 миллиардов долларов
жилой фонд: 3,4 миллиарда долларов
школы и больницы: 252 миллиона долларов.
Итого — 13,076 миллиарда долларов.
Остальное — военные затраты.

В результате войны погибло более миллиона афганцев.

От 5 до 6 миллионов эмигрировали из страны.

2 миллиона стали беженцами внутри страны.

Огромный ущерб нанесен культурным и историческим ценностям страны, которые были либо разрушены, либо вывезены в бывший Советский Союз.

Редакция выражает искреннюю благодарность Владимиру Григорьеву, основателю Web-сайта «Афганская война» (<http://www.afhanwar.spb.ru>), за помощь при подготовке материалов блока «Афганский альбом».

В материалах были использованы фотографии:

М. Суровцова, Э. Нагайцева, А. Минаева, Ю. Галкина, А. Васильева, П. Гордова, В. Корыткина, Н. Аведжиком, Н. Иванова, В. Григорьева, А. Сеннова, А. Каратецкого, Н. Шевелева, С. Лебедева, Д. Кожина.

ШКОЛЬНИКИ ОБ АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

Сочинения и рисунки учеников Петербургской школы-лицея № 265

Ирина Анатольевна Петухова, преподаватель:

Насилие — различные формы принуждения одних по отношению к другим...

Можно ли в период обучения в средней школе способствовать каким-то образом тому, чтобы насилие, как образ мышления при решении любого рода конфликтов был неприемлем Человеком? Чтобы у одних, уже наделенных соответствующими личностными качествами, подобный стереотип поведения не превратился бы в стиль жизни? А другие, «неспособные и мухи обидеть», никогда не позволили бы вовлечь себя в различного рода революционные преобразования, в так называемые межнациональные конфликты, в войны как способ изменения межгосударственных отношений?

Война — продолжение политики насильственными методами. Военные и государственные деятели, затевавшие войну, вместе с историками давно научились классифицировать войны по целям, масштабам, источникам и пр. Однако в достижении этих целей, используя все возможные на данный момент способы насилия, участвуют люди — совокупность совершенно конкретных в такой чрезвычайной ситуации людей — армия. Таким образом, в первую очередь именно в военных кампаниях человек из цели, свойственной любой рациональной деятельности, превращается в средство... Жизненно важно, чтобы некий вывод в конце концов все же был сделан. Ведь именно от этого вывода и будет зависеть решение, принятое в тот или иной момент времени в ответ на изложенные причины, обосновывающие необходимость ввода «ограниченного контингента» и развертывания новых военных действий в данной точке земного шара. От этого решения зависит начало очередного насилия.

Юля Клейман, 10-а класс:

Эта война породила много вопросов. Цели её не были понятны, каждый придумывал свои объяснения и оправдание бессмысленной бойне.

«Нельзя допустить, чтобы американцы через Афганистан подошли к нашим границам», — сказал Генсек Леонид Ильич Брежнев.

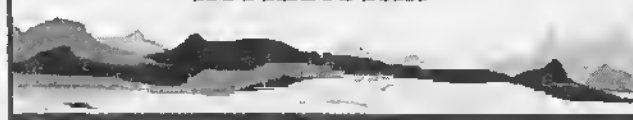
«Москва приступила к осуществлению своей давней мечты о прорыве к теплым морям», — припугнул мир президент США Джими Картер.

Действительно, от южной точки Афганистана до Аравийского залива оставалось каких-то 700-800 км. Министр обороны Д. Устинов, как говорят, особенно настаивал на вводе войск, так как считал, что это встряхнет армию, даст возможность проверить технику и людей в боевой обстановке, а заодно приструнит натовских генералов, решивших разместить в Европе ракеты средней дальности.

Председатель КГБ Ю. Андропов выдвигал свои аргументы. Он нацелился уничтожить и заменить Амина, хотя афганского лидера можно было убрать и без штурма дворца, т.к. его окружение было сплошь наши люди: советники, охранники, личный врач, повар. Но Андропову тоже, как утверждают, не терпелось проверить в деле подчиненные ему боевые группы спецназначения «Зенит» и «Гром».

АФГАНИСТАН

«Всё просто, как арбуз, — говаривал мидовский советник В. Смирнов, — Брежнев хотел отомстить Амину за убийство его предшественника Тараки, которому симпатизировал. Этим воспользовалось брежневское окружение...»

Возможно, из всех этих версий и складывается правильный ответ. Но главное не это. Каким бы убедительным ни был предлог для начала войны, цифры говорят сами за себя.

В период с 1979 г. по 15 февраля 1989 г. погибло 13833 военнослужащих, около 36 тысяч ранены. И это официальные данные, которые обычно занижаются. А пропавшие без вести, а пленные, а умершие от ранений и болезней после эвакуации из Афганистана, погибшие в авиа- и автокатастрофах? ЭТОМУ НЕТ ОПРАВДАНИЙ!

Паша Березин, 10-а класс:

Я плохо отношусь к Афганской войне. Потому что эта война велась без всеобщей огласки. Солдаты, которых туда посылали, не знали, куда их везут до последней минуты. Матери, отправлявшие своих детей в армию, не знали, что они не вернуться.

Ира Главацкая, 10-а класс:

Война со всеми ее бедами и ужасами коснулась многих русских семей. Сколько матерей плакало по сыновьям, а жен — по мужьям. Хотя этот кошмар кончился, но все равно он еще долго будет возвращаться в снах, еще долго будут слышны стоны и крики людей, проснувшихся среди ночи. Множество детей осталось сиротами. Война унесла жизни тысяч людей. Но уцелевшие и выжившие в этом аду вернулись домой. И что же?.. О них забывают. Мы не должны допустить того, чтобы их имена исчезли во тьме.

Лена Мастюгина, 10-в класс:

Афганская война — это страшная война, унесшая более 15 тыс. человек. Эта война — величайшая ошибка.

Андрей Павлов, 10-в класс:

Я считаю, что война в Афганистане была бессмысленной для русских солдат. В Афганистан посылали очень молодых и необученных ребят, которые там гибли. Наше правительство совершило преступление. В Афганистане ребята жили в жутких условиях: страшная антисанитария, а порой и голод поджидали их. Много солдат погибло от болезней, неизвестных нам. Никаких прививок и рекомендаций не было им сделано перед отправкой ТУДА.

Ира Зажигаева, 10-б класс:

Я не могла раньше написать свое точное отношение к этой войне, так как была еще слишком мала и о войне говорилось очень мало. Но когда я узнала об Афганской

войне больше, я поняла свое отношение к ней. Мое отношение к войне — отрицательно, т.к. ее можно было избежать. Война началась из-за того, что наше правительство захотело власти и в Афганистане. И для этого она ввела в страну войска. Но из этого ничего не вышло, т.к. афганский народ был против вторжения войск Советской Армии. И я хочу понять, за что там гибли наши молодые парни? Их матерям не возместить никакими средствами потерю родного человека.

Наташа Черненко, 10-б класс:

Ввод советских войск в Афганистан не был положительно оценен русским народом, т.к. его сыновья, мужья, братья гибли не за свой народ, не на своей земле, защищая неизвестно чьи интересы. Мне кажется — это была ошибка нашего правительства!

За время многих лет войны в Афганистане советские войска потеряли большое количество офицеров, солдат. Хотя многие воины и отличились храбростью, отвагой, получили медали, но после возвращения из Афганистана во многих городах Советского Союза их заслуги не очень то признавались.

Стас Задираев, 10-в класс:

Афганистан — страна черных моджахедов и жестоких янычаров, страна Востока, не объяснимая с точки зрения европейца. Сколько раз войска СССР и Великобритании пытались сделать из нее нормальное государство, похожее на те, что находятся на Западе. Но, видно, исламисты предпочитают феодализм. И если так, то зачем им мешать, ведь ярая вера делает человека зверем, готовым убить каждого на своем пути. Тем более если людьми управляют бездарные генералы.

Маша Федосеева, 10-в класс:

Они не знали, куда едут и зачем. Каждый надеялся, что возвратится и увидит своих любимых и родных... Пройдут года, но никогда не забудется то, что случилось, и никогда не забудутся имена тех, кто погиб.

Артем Окинин, 10-в класс:

Мне жалко ребят, которые умирали в Афгане. Они участвовали в войне, которая была бессмысленной. В Афганистане выживали единицы ребят, и те возвращались домой инвалидами. Эти инвалиды никому не нужны. Президент забыл о них!

Боря Максимов, 10-в класс:

Я отношусь к Афганской войне с большим сожалением, поскольку наше правительство могло избежать этой кровавой, безжалостной войны. Также мне жаль молодых ребят, которых отправляли на эту войну. Почти все молодые люди возвращались с этой войны в сильном шоке.

Эта война намного изменила их жизнь и оставила в их памяти жуткие воспоминания.

Инга Беляева, 10-б класс:

Война в Афганистане унесла много жизней ни в чем неповинных людей, и за ошибку нескольких человек расплачиваться пришлось тысячам. Самым несправедливым оказалось то, что все это было в тайне и многие не знали об этой войне, не знали

об опасностях, подстерегавших их на чужой земле. А родные и близкие молодых солдат не подозревали о войне, и, как далекое эхо, стало доноситься к ним горе в виде повесток о «пропавших без вести».

Мне кажется, что эта война вообще не нужна, т.к. кроме огромного числа погибших она ничего не принесла.

И. Леонова, 10-в класс:

Афганская война была начата для поддержания коммунистической партии. Наши войска были введены в страну с целью предотвращения контрреволюции. После 10 лет войны она была признана политической ошибкой. Это величайшая трагедия, которая совершилась в наше столетие, оплаченная жизнями тысяч беззаветно погибших солдат!

М. Морозов, 10-в класс:

Зачем нужна была эта страшная война?! Много ребят погибло в этой ненужной войне. Афганистан — это ад!

Саша Протопопов, 10-в класс:

Ненужная война — зачем она была!

И столько мирных жизней кому-то прервала.

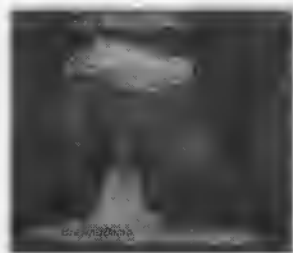
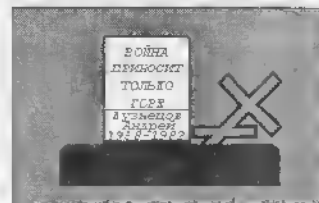
В Афган шли сильные здоровые ребята, а возвращались злые калеки-солдаты.

Карина Смирнова, 10-б класс:

Несмотря на то, что внимание мирового сообщества в большей степени обращено к другим региональным вооруженным конфликтам, афганская проблема до сих пор остается одной из наиболее острых во всем мире.

Однако при более глубоком рассмотрении афганская проблема затрагивает интересы не только жителей этой страны, но и России и всех стран Содружества Независимых Государств и, возможно, всего мира в целом. Проблемность ситуации вокруг Афганистана для государств-членов содружества сводится в основном к трем моментам. Во-первых, на территории этой страны проживает большое количество туркмен, узбеков и таджиков, что весьма тревожит бывшие среднеазиатские государства СССР. Во-вторых, это проблема военнопленных. Лидеры афганской оппозиции неоднократно заявляли, что проблема военнопленных будет решена сразу и только после того, как СССР прекратит поставку оружия в Кабул. Но эти обязательства не были выполнены, т.е., продолжая удерживать военнопленных, моджахеды будут и в дальнейшем обладать рычагами давления на страны содружества. Особенно в области выделения средств на восстановление разрушенных советско-афганской войной экономики.

Истоки кризиса. Вторжение советских войск в Афганистан в конце декабря 1979 года потрясло мировое сообщество. Западная пресса писала, что в 1978 году в Афганистане произошел государственный переворот под руководством коммунистической партии при несомненном пособничестве СССР. В результате к власти пришел просоветский режим во главе с Нуром Мухамедом Тараки и, позже, Хаджимуллой Амином. Советский Союз снабжал новых правителей технической и военной помощью и советниками для борьбы с приобретающим все большую силу оппозиционным движением. Американские и европейские историки-аналитики относили причины возникновения кризиса в Афганистане к апрельской революции

ЦИНКОВЫЕ

МАЛЬЧИКИ

1978 года, и большинство из них отрицало существование реальных социально-экономических предпосылок революционной ситуации, а произошедшее событие связывалось с советским влиянием и с деятельностью Народной Демократической партии Афганистана (НДПА). Таким образом, по мнению западных специалистов

кризис был вызван, с одной стороны, внутренним фактором — непродуманной и подогнанной под марксистские догмы модернизацией афганской социально-политической и экономической структур, и, с другой — внешним и наиболее важным фактором — вводом советских войск в декабре 1979 года.

Политические маневры советского руководства не убедили общественность капиталистического мира в его искренности, и, хотя на Западе по-разному оценивали цели СССР в этой войне, все прекрасно понимали ее агрессивный характер. Одни видели в ней желание сверхдержавы изменить баланс сил в регионе... и продемонстрировать всему миру мощь и волю СССР. Другие, не отрицая в основном всего этого, перенесли центр тяжести на то, что Советский Союз просто не мог оставить без помощи коммунистический режим в стране, где его неизбежно ожидали хаос и поражение.

По словам М. Гариева, в 1979 г. — заместителя начальника управления Генерального штаба, ... ввод советских войск был непродуманным, политически ошибочным шагом, нанесящим огромный урон нашей стране и афганскому народу.

Реакция мирового сообщества на ввод советских войск в Афганистан. Война в Афганистане, по оценке западной прессы, «резко обострила отношения между Востоком и Западом ... в связи с новым и более трезвым взглядом на ту опасность, которую политика СССР представляет для глобальной стабильности и международного мира».

Реакцией западного мира было противодействие советской агрессии, что толкало капиталистические страны на сближение. Исключительное место в этом формальном и неформальном союзе занимали США, еще более утвердившиеся в своем положении сверхдержавы.

Еще один удар по СССР нанесли страны третьего мира. Например, конференция исламских стран в Исламабаде, большинством голосов осудила действия Советского Союза, как агрессивные, несмотря на оказанную им длительную помощь многим из этих стран. ...

ООН и ситуация вокруг Афганистана. В начале 1980 г. США взяли на себя инициативу выступления перед Советом Безопасности ООН, который квалифицировал акцию Советского Союза как открытое применение вооруженной силы за пределами своих границ и военную интервенцию.

14 апреля 1988 г. было принято совместное советско-американское соглашение «О взаимосвязи для урегулирования положения, относящегося к Афганистану». Соглашение устанавливало крайние сроки вывода советских войск из страны: половина ограниченного контингента выводилась 15 августа 1988 года и все подразделения еще через шесть месяцев, то есть к 15 февраля 1989 г. Это соглашение было в точности выполнено советской стороной.

Оксана Зажигаева, 10-б класс:

К афганской войне я отношусь отрицательно, потому что сама Россия была виновата в этой войне. Советское правительство звело войска на афганскую землю, показывая тем самым свою власть, ведь афганский народ не хотел находиться под властью СССР. Советский Союз

потерял слишком много своих солдат, а матери своих сыновей. А стоило ли нам воевать?..

Марина Борисова, 10-б класс:

Война — это всегда страх и ужас. Особенно если в ходе нее погибает много народу. От войны страдает мирное население. Сыновья призываются в армию, и, увы, никто не может сказать, вернутся ли они домой.

Афганская война не была официально объявлена. Долгое время население не знало о ней. Началась она тихо и не была быстрой. Напротив, война была затяжная и, как и во многих подобных случаях, очень жестокая. В Афганистан посылали молодых людей, которые даже не знали, что их ожидает. Война была осложнена партизанским движением. Многие погибали именно от этих внезапных нападений.

Солдатские ряды скашивали и многочисленные эпидемии. Солдаты заражались и умирали от таких болезней, как, например, брюшной тиф или гелатит. Помимо погибших в бою умирали и в госпиталях от болезней.

Это была священная война против неверующих. В Афганистане религия — ислам. Мусульмане преследовали наших солдат, захватывали их в плен и пытали из-за отрицания своей религии. Многие взрывались на минах, подло вложенных в безобидные игрушки. Это еще раз подтверждает жестокость войны.

Обо всех этих событиях ничего не сообщалось. Телевидение, газеты молчали. Таким образом, матери не могли даже узнать о судьбе своих сыновей.

Последствия очень тяжелые: 15 тысяч человек было убито, 35 тысяч ранены и искалечены, после чего большинство не смогло вернуться к полноценной жизни. 300 человек пропали без вести. За что они отдали свою жизнь? За мир. Это «потерянное поколение» боролось за жизнь будущих поколений. И поэтому мы чтим их память и всегда будем восхищаться их мужеством!

Женя Тарасюк, 10-в класс:

Война в Афганистане унесла много жизней. Самое трагичное — погибло множество молодых парней. Политические разборки — вот причина войны на земле. Сколько рыдающих матерей, сколько героев, которых мы никогда не узнаем!

Сейчас это уже в прошлом, все забыто, но семьи, потерявшие близких в этой войне, до сих пор скорбят и ненавидят эту войну!

Нadia Скобицкая, 10-а класс:

Война... При одном только слове многие содрогаются от ужаса. Во время войн от нас уходят наши отцы, братья, сыновья, мужья, никто не знает, увидит ли когда-нибудь их еще. Но всегда все наши заступники, стражи страны знали, ради чего они идут на смерть — ради своих семей, детей, матерей, ради Родины!

Афганистан — кровавая война, унесшая сотни жизней. Эта война для многих была бессмысленной. «Цари» объявили войну, а молодые парни умерли не ради возвышенных чувств, а по приказу.

Подробнее с работами преподавателей и учащихся школы-лицея № 265 можно познакомиться на Web-сайте:

<http://www.sch265.spb.ru/afghanistan/afg.htm>

Санкт-Петербург

«ПРОЦЕСС ЧЕТЫРЁХ»

С 8 по 12 января 1968 г. в Мосгорсуде состоялся процесс над Юрием Галансковым, Александром Гинзбургом, Алексеем Добровольским и Верой Лашковой. Всех четверых арестовали почти за год до этого; всем четверым было предъявлено обвинение в «антисоветской агитации и пропаганде» (Галансков, сверх того, обвинили ещё и в незаконных валютных операциях). Центральным пунктом обвинения, выдвинутого против Гинзбурга, было составление им т.н. «Белой книги» — документального сборника материалов о деле А.Синявского и Ю.Даниэля; Галанскову ставили в вину, главным образом, составление им машинописного общественно-политического и литературно-философского альманаха «Феникс-66»; Добровольскому — авторство одного из текстов, помещённых в «Феникс-66»; Лашковой — техническую помощь в перепечатке обоих сборников. Кроме того, подсудимым инкриминировалась «преступная связь» с эмигрантской антисоветской организацией «Народно-трудовой союз». Во время суда, когда была развернута широкая кампания в советской прессе, в публикациях особо акцентировалась именно эта часть обвинения.

Юрий Галансков был приговорен к 7 годам лагеря, Александр Гинзбург — к 5 годам, Алексей Добровольский, активно сотрудничавший со следствием и обвинением, — к 2 годам. Вера Лашкова получила 1 год лишения свободы и была освобождена из-под стражи через несколько дней после суда.

Последние слова на суде Гинзбурга и Галанскова, не признавших себя виновными, и защитительная речь Б.Золотухина (адвоката Гинзбурга) получили широкое хождение в самиздате.

«Дело четырёх», как его стали называть впоследствии, стало одним из самых громких политических процессов 1960-1980-х гг. и имело далеко идущие последствия. Сам факт очередного уголовного преследования по очевидно политическим мотивам, ставшие широко известными многочисленные процессуальные нарушения в ходе следствия и судебного разбирательства, суровость приговоров, вынесенных Галанскову и Гинзбургу, отчетливо прослеживавшаяся связь этого дела с предыдущей судебной расправой над писателями Синявским и Даниэлем, — все это вызвало волну протестов, масштабы которой не были превзойдены в течение всего периода существования в СССР диссидентского сопротивления.

Петиционная кампания в защиту Гинзбурга и Галанскова началась еще до слушания дела в Мосгорсуде; под некоторыми обращениями в официальные органы были собраны сотни подписей, среди которых было немало известных имен.

Протесты не ограничивались одними петициями: 22 января 1967 г., сразу после ареста Галанскова, Добровольского и Лашковой, но еще до

ареста Гинзбурга, на Пушкинской площади в Москве был устроен митинг протеста. Несколько участников митинга было, в свою очередь, арестовано и осуждено еще до окончания следствия по «делу четырёх».

Самым драматическим эпизодом протестной кампании стало обращение Ларисы Богораз и Павла Литвинова «К мировой общественности», открыто переданное авторами иностранным журналистам на третий день процесса, около здания суда на Каланчёвке. Обращение, в тот же вечер многократно переданное всеми зарубежными радиостанциями, вещающими на Советский Союз, произвело колоссальное впечатление, не столько своим содержанием, сколько формой: впервые граждане СССР, протестуя против судебного произвола, решились апеллировать не к официальным инстанциям, а непосредственно к своим согражданам и к мировому общественному мнению. Обращение инициировало новую волну протестов — уже не только против суда и приговора, но и вообще против политических преследований инакомыслящих и других тенденций, расценивавшихся как попытки возрождения сталинизма.

Вызванная «процессом четырёх» «эпистолярная революция», как ее иногда называли, привела к консолидации протестной активности в стране. Именно тогда возникло то, что впоследствии назовут правозащитным движением в СССР. Вскоре эта консолидация нашла свое материальное воплощение: в апреле 1968 г. был выпущен первый номер «Хроники текущих событий» — самиздатского информационного бюллетеня правозащитников.

Литература:

Процесс четырёх. Сборник документов о суде над А.Гинзбургом, Ю.Галансковым, А.Добровольским, В.Лашковой /Сост. П.М.Литвинов. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1968.

Последнее слово Галанскова 12 января 1968 г.

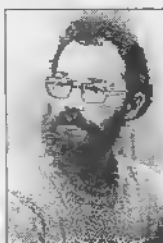
Я хочу начать свое последнее слово с заявления о том, что в части обвинения, касающейся статьи 88 ч. 1 УК РСФСР, я себя виновным не признаю.

Существует магнитофонная запись моего разговора со следователем. Во время этого разговора я поправил следователя, сказавшего, что я продал доллары. Я сказал ему тогда и утверждаю сейчас, что я хотел не продать, а обменять доллары официальным путем. Между прочим, и

в показаниях Ентина и Борисовой говорится, что я лично не испытывал никакой потребности в обмене долларов, — Ентин сам предложил мне сделать это. Так как я не истратил денег, полученных в результате обмена,

Юрий
Галансков

Александр
Гинзбург

Алексей
Добровольский

Вера
Лашкова

даже пятнадцати копеек себе на пирожок, а отдал их все Добровольскому, я не признаю себя виновным по статье 88.

В части обвинения по статье 70 УК РСФСР, касающейся связи с антисоветской эмигрантской организацией НТС, я также не признаю себя виновным. Ни из моих показаний, ни из показаний Добровольского, положенных в основу этого обвинения, никак не следует, что я в этом виновен. Так я считал и так я буду считать.

Обвинение предоставило здесь много ценных и ранее никому не известных данных об НТС. Я понимаю, что для органов КГБ эта информация представляет большой интерес. Мне тоже было интересно услышать все это. Но, по моему мнению, первая часть выступления прокурора, посвященная рассмотрению этого вопроса, не имеет существенного отношения к делу и, я надеюсь, не способна значительно повлиять на решение суда.

Мне предъявлено обвинение, которое является угрожающим по своему социально-политическому комплексу. Но меня запугать трудно.

Действительно, мое имя известно на Западе давно. Меня знают как поэта, а также в связи с моей демонстрацией у американского посольства по поводу агрессии США в Доминиканской республике. Но, во-первых, я не тщеславен и никогда к этой известности не стремился, а во-вторых, этот факт сам по себе не свидетельствует о каких бы то ни было связях с какой бы то ни было зарубежной антисоветской организацией.

Меня трудно запугать, потому что правовые нормы в нашей стране интенсивно принимают свой правомерный характер. Марксистский потенциал партии все более восстанавливается. Октябрьская революция, пережившая, подобно всякой другой революции, период диктатуры, оказалась достаточно сильной для того, чтобы не быть побежденной этим периодом и сохранить свою революционную пролетарскую сущность.

Что касается чисто правовых моментов дела, то жизнь и следствие научили меня правильно распределять свои силы. Я не вижу сейчас причин доказывать свою невиновность в плане предъявленного мне обвинения, так как большая часть его абсолютно не обоснованна и не соответствует действительности. Я призываю суд к сдержанности в своих решениях, касающихся Добровольского, меня и Лашковой. Что касается Гинзбурга, то его невиновность настолько ясна, что решение суда по этому поводу не может вызывать сомнений. В заключение я хотел бы сказать о социальной проблематике журнала «Феникс». Первоначально «Феникс» был задуман мной как пацифистский журнал, и в том, что впоследствии мои намерения изменились, решающую роль сыграл процесс Синявского и Даниэля.

В материалах, которые я просил приобщить к делу, представлена моя точка зрения относительно хода этого процесса. Я просил их передать в ЦК КПСС и в Идеологическую комиссию. Я думаю, что вышеуказанные организации заинтересуются этими материалами и что это окажет определенное влияние на дальнейшую судьбу Синявского и Даниэля.

Я считаю, что пересмотр этого дела сыграет большую роль в доказательстве того, что моральный потенциал социализма огромен.

Последнее слово Гинзбурга 12 января 1968 г.

Я хочу начать свое последнее слово с выражения признательности за то, что с меня снято обвинение в

личной нечестности — обвинение в том, что я, написав Косыгину письмо, в котором выражалась моя точка зрения на процесс Синявского и Даниэля, не отправил это письмо по адресу. Это обвинение было оскорбительным.

Затем, на суде много говорилось об НТС. Я думаю, что мнение государственного обвинителя по поводу этой антисоветской эмигрантской организации никем не оспаривается. Я только хочу поблагодарить государственного обвинителя за то, что он все же отделил нас от тех, кто во время войны убивал, резал, истреблял евреев, за то, что эти обвинения не были направлены прямо по нашему адресу. Теперь я перейду к делу.

На этом процессе 9 января я уже пытался рассказать о своих взглядах и о мотивах, побудивших меня к созданию сборника материалов по делу Синявского и Даниэля. Сейчас я не буду повторять всего этого. Я хочу только еще раз коротко рассказать об общественной реакции на суд над Синявским и Даниэлем, об обстановке, в какой я составлял свой сборник, положенный ныне в основу обвинения против меня.

Когда 9 января я попробовал говорить об этом и сравнил общественную реакцию во всем мире на процесс над Синявским и Даниэлем с реакцией на преследования греческих демократов, в зале раздался смех, больше похожий на рычание. Тем не менее, я снова буду говорить об этом. Прокурор здесь долго убеждал нас в том, что НТС не выступает против агрессии во Вьетнаме. Какое это имеет отношение к сборнику материалов по делу Синявского и Даниэля? Я могу сослаться на первые 90 страниц лежащего перед вами сборника. Там есть, например, протест, подписанный в числе других Норманом, который лежит сейчас со штыковыми ранениями, полученными у Пентагона во время демонстрации против американской агрессии во Вьетнаме. В этом же сборнике есть протесты, подписанные многими другими прогрессивными деятелями мира. Государственный обвинитель, быть может, и прав, когда говорит об отношении НТС к войне во Вьетнаме. Но это ни в какой степени не связано со сборником, в котором я собрал все доступные мне материалы по делу Синявского и Даниэля для того, чтобы объективно представить картину этого суда, реакцию мировой общественности и просить о пересмотре этого дела.

Меня обвиняют в том, что я включил в свой сборник материалы, которые суд считает антисоветскими. Я говорю о листовке, подписанной «Сопrotивление», и о «Письме старому другу». Защитники не ставили своей целью опровергнуть эти доводы обвинения. Я вынужден говорить об этом, потому что если суд признает эти документы криминальными, то в дальнейшем они не могут быть никем защищены, как это получилось со статьей Синявского «Что такое социалистический реализм». Именно поэтому я как составитель этого сборника считаю своей обязанностью говорить об этих двух документах.

Сначала о листовке «Сопrotивление». О чем в ней идет речь, суду известно. Факты, изложенные в ней, соответствуют действительности, что подтвердили свидетели, например Кушев. Не было ни одного свидетельского показания о том, что эти факты — выдумка или клевета. В ходе судебного разбирательства неоднократно цитировалась эта листовка, в частности, слова: «Свирепость псов только подчеркивает наклонности дрессировщиков». В этой листовке речь идет не о советской власти в целом. В ней говорится лишь о тех сотрудниках органов КГБ, которые разогнали митинг гласности, а затем исключили из университета сорок студентов, принимавших участие в этом митинге.

СУДЬЯ прерывает Гинзбурга, требуя, чтобы он не критиковал действия представителей органов госбезопасности.

ГИНЗБУРГ. Эти действия мне кажутся незаконными. Если суд находит их правомерными, за это несет ответственность суд. Я уже давал по этому поводу объяснения и говорил, что с моей точки зрения митинг в защиту Синявского и Даниэля был совершенно законен и исключать из университета его участников никто не имел права. При этом все действия сотрудников КГБ совершались в грубой и недопустимой форме, и они темным пятном ложатся на репутацию этой почтенной организации.

СУДЬЯ вновь делает замечание Гинзбургу.

ГИНЗБУРГ. Таким образом я считаю, что эта листовка, может быть, резка по форме, но не направлена против советской власти, а лишь против действий отдельных работников КГБ. Кроме того, в этой листовке не содержится никакой клеветы, нет искажения фактов, в ней лишь ставится упрек представителям власти за одно конкретное действие. Я прошу суд исключить этот документ из числа антисоветских.

Теперь о «Письме старому другу». Я уже говорил, что не знаю, кто его автор. Но думаю, что это человек, переживший ужасы сталинских концлагерей. Он пишет: «И ты, и я — мы знаем сталинское время». И об этом времени автор говорит в резкой форме. Но это недостаточное основание для объявления этого документа антисоветским. В речи председателя КГБ Андропова, посвященной 50-летию КГБ, говорится: «Мы не должны забывать то время, когда к руководству нашими органами пробрались политические авантюристы». К тому же призывает автор «Письма старому другу». Здесь приводилась и другая цитата из этого письма: «Горький выдвинул людоедский лозунг: если враг не сдается, его уничтожают». Во-первых, это относится к тому времени, о котором я только что говорил. Во-вторых, критика одного, даже крупного писателя не является критикой всей власти. Человек, переживший ужасы того страшного времени, не может не волноваться, когда ему вдруг кажется, что в теперешней жизни он видит рецидивы прошлого, и тогда выражение этого беспокойства в резкой форме вполне правомерно. Я утверждаю, что в «Письме старому другу» не содержится клеветы на советский строй и призыва к его свержению, и прошу суд не квалифицировать это произведение как антисоветское.

По поводу пункта обвинения, связанного с передачей мною Губанову нескольких газетных вырезок антисоветского содержания, моим адвокатом была приведена полная и основательная аргументация, и я не буду ее повторять.

По поводу того, что сборник материалов по делу Синявского и Даниэля, составленный мной, был с моего ведома передан Галансковым в НТС, тоже достаточно убедительно и аргументированно доказано, что эта версия не только не подтвердилась, но и противоречит фактам, выявленным в ходе судебного следствия.

Итак, меня обвиняют в том, что я составил тенденциозный сборник по делу Синявского и Даниэля. Я не признаю себя виновным. Я поступил так потому, что убежден в своей правоте. Мой адвокат просил для меня оправдательного приговора. Я знаю, что вы меня осудите, потому что ни один человек, обвинявшийся по статье 70, еще не был оправдан. Я спокойно отправлюсь в лагерь отбывать свой срок. Вы можете посадить меня в тюрьму, отправить в лагерь, но я уверен, что никто из честных людей меня не осудит. Я прошу суд об одном: дать мне срок не меньший, чем Галанскову. (В зале смех, крики: «Больше, больше!»)

Протокол обыска Гор. Москва, 17 января 1967 г.

Ст. следователь следственного отдела УКГБ при СМ СССР по г. Москве и Московской области капитан Смелов и сотрудники того же управления ст. л-т Забалуев, л-т Барышев, Гутанов, Семашкин и эксперт Хоринов с участием понятых: Кирягиной Анны Федоровны и Денисова Кузьмы Сергеевича, проживающих по адресу г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 11/14, кв. 25, и в присутствии Гинзбург Людмилы Ильиничны, с соблюдением требований ст. ст. 169-171, 176 и 177 УПК РСФСР произвели обыск в квартире № 25 дома № 11/14 по ул. Большая Полянка у Гинзбурга Александра Ильича с целью отыскания и изъятия антисоветских рукописей, а также других предметов, имеющих значение для дела.

Вышеперечисленным лицам разъяснено их право присутствовать при всех действиях следователя и делать заявления по поводу тех или иных его действий. Понятым, кроме того, разъяснена на основании ст. 135 УПК РСФСР их обязанность удостоверять факт, содержание и результаты обыска.

Обыск начат в 13 час. 30 мин., окончен в 20 час. 15 мин.

Перед началом обыска следователем было предъявлено постановление об этом от 17 января 1967 года, после чего Гинзбург Л.И. (мать Гинзбурга А. И.) было предложено выдать указанные в постановлении рукописи и литературу, на что Гинзбург Л. И. заявила, что она о таких документах ничего не знает. В 14.00 в квартиру возвратился Гинзбург Александр Ильич, который также был ознакомлен с постановлением на обыск, после чего заявил, что рукописей и литературы антисоветского характера у него нет.

При обыске обнаружено и изъято для доставления в УКГБ по г. Москве и МО:

1. Стандартный лист белой бумаги с записями: «Москва М-461, Херсон. Д. 4, кв. 38, авт. 101 до Херсонская 1, АВ 9-31-30 (34), 481, Ковенадский, АД 1-14-54».

2. Стихотворный текст на листе белой нелинованной бумаги, адресован А. Агину, начинается со слов: «О, душа, не улетай из тела...» — заканчивается: «Прямо в звезды поднимает нас».

3. Тот же, что и в п. 2, стихотворный текст под названием «Плебейский романс».

4. Машинописный стихотворный текст на 6 листах, сброшюрованный. Сверху на первом листе от руки красными чернилами написано: «Оставшись летом в Москве, подражаю китайским авторам (Поэма в 30 четверостишиях)». Машинописный текст заканчивается словами: «Старый хранитель с седой головой спит, прикорнувши на книгах».

5. «Антология советской патологии» — стихотворный машинописный сборник «Ленинград СхС 1962», на тридцати листах. На последней странице: «Объединенное издательство Капа и Бэта».

6. Машинописный текст на листе белой нелинованной бумаги, начинающийся словами: «В политбюро ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР, Сессии Верховного Совета РСФСР, Сессии Верховного Совета СССР. Уважаемые товарищи! Мы, группа советских граждан, считаем своим долгом...» — и заканчивается: «... может стать препятствием к осуществлению свобод, гарантированных Конституцией СССР».

7. Машинописный сборник «Феникс» под редакцией Ю. Галанскова, Москва, 1966 год, на 379 (трехстах семидесяти девяти) листах в картонном переплете. Содержание сборника: «Можете начинать» (редакционная статья) '85

8. 29 (двадцать девять) листов белой нелинованной бумаги с машинописными текстами. На 1-м: «Цитаты восстановить не удалось...» На 2-м текст начинается со слов: «За все время у меня был только Володька Маргулис...» и заканчивается: «И так далее в обычном духе». На 4-м: «Писатель Аркадий Васильев ...» и заканчивается: «Вот что показало сравнение». На 5-й: «В Одессе блатные ...» и заканчивается: «Один советский писатель». На 6-й: «См. цитату-сноску к стр.». На 7-й: «Меня сбили с ног ...» и заканчивается: «Света, вы понимаете?» На 9-й: «Цитаты восстановить не удалось». На 10-й: «Приказано нам было» и заканчивается: «То же самое еще раз». На 11-й: «Иду; а сам в мечтах ...» и заканчивается: «Советскую республику порушит». На 12-й: «Цитаты восстановить не удалось». На 13-й: «См. цитату-сноску к стр.» На 14-й то же самое. На 15-й: «Цитаты из рукописи «Точка отечества невосстановимы». На 16-й: «См. цитату-сноску к стр.» На 17-й: «Известно же человеческий зародыш ...» и заканчивается: «Париж, 1961». На 18-й: «Что вы смеетесь» и заканчивается: «Которыми оперировал суд ...» На 19-й: «Это и не классицизм ...» и заканчивается: «Смысл нашей жизни ...» На 20-й: «Ленин слишком похож ...» и заканчивается: «Чтобы стать богом бессмертия ...» На 21-й: «Он свесился через перила ...» и заканчивается: «Большого воображения ...» На 22-й: «Пьянство — наш коренной ...» и заканчивается: «Вашингтон, 1965». На 24-й: «Сыщик Виталий Кочетов ...» и заканчивается: «Нашей изумленной публикой ...» На 25-й: «Давайте совместными усилиями ...» и заканчивается: «Кровоточащей гиперболой ...» На 26-й: «Чтобы навсегда исчезали ...» и заканчивается: «Всеми нечистотами мира». На 27-й: «Если призовут меня ...» и заканчивается: «Но я невиновен ...» На 28-й: «Ныне же я возлагаю ...» и заканчивается: «Абсурда и фантазии ...» На 29-й: «Кабы нам годик ...» и заканчивается: «Борьбы и достижений».

9. Записная книжка в сером картонном переплете, на первой странице запись: «Б 8-77-34, Гинзбург Али», на последней: «Екатерина Ник. Д 1-17-72».

10. Машинописный текст на листах белой нелинованной бумаги: «Анна Ахматова. Листы из дневника» на 8 (восьми) листах. Текст начинается со слов: «И смерть Лозинского ...» Заканчивается: «Фонтанный двор, 1937».

11. Литературный альманах № 1, июль 1961 года, Москва; машинописные тексты на 49 (сорока девяти) листах.

12. Литературный альманах № 2, июнь 1962 г., Москва, машинописные тексты на 60 (шестидесяти) листах.

13. Машинописный сборник «Русское слово, новое издание, № 2-3 (91-92), август-сентябрь 1966, клуб Рылева, Москва» на 46 (сорока шести) листах, на последнем из них указано: «редактор Хохлов».

14. Роман В. Набокова «Приглашение на казнь», издание парижское на русском языке, 218 стр.

15. Машинописный текст на листе белой бумаги «Песня фракционера Молотова», начинается со слов: «Антипартийный был я человек ...» и заканчивается: «... айда опохмелимся».

16. Машинописный текст на листе белой бумаги «Свадебная лесбийская», начинается со слов: «Пусть на вахте ...» и заканчивается: «... Белову люблю».

17. Машинописный текст на листе белой бумаги, начинающийся со слов: «Смотрю на небо ...» и заканчивается: «... воистину воскрес».

18. Машинописный текст на листе белой бумаги «Песня свободы», начинается со слов: «Птицы не летали ...» и заканчивается: «Моих холодных губ».

19. Машинописный текст на 4 (четыре) листах под названием «Человеческий манифест», начинается со слов: «Все чаще и чаще ...» и заканчивающийся: «... На мраморе тела крест».

20. Машинописный текст на 8 (восьми) листах. На первом текст: «Александр Гинзбург. Трагикомедия. Горячие пирожки». Текст заканчивается: «выкрики разносчики под закрывающийся занавес. 22-23. 5. 64».

21. Машинописный текст на 6 листах: «Г. Сапгир. Псалмы Давида. 1-й псалом, 55-й и 101-й».

22. Лист бумаги с записью: «В 7-40-67, Юрий Алексеевич».

23. Четыре листа бумаги в клетку с рукописными текстами. На первом текст начинается со слов: «А Тито оказался ...» и заканчивается: «Любовь свою крутишь». На втором соответственно: «Советская пасхальная» и «Рухавичкой вы мне по губам». На третьем: «Песня свободы» и «Под плащом ярко-желтой березы». На четвертом: «То дождь, то снег» и «Обострение классово-борьбы».

24. Блокнот в коричневом картонном переплете, 47 листов, бумага в клетку, с рукописными записями. На первой странице текст начинается со слов: «Душа моя парила», на последней странице карандашная запись: «Лазаретный, 4, кв. 19, Гольштейн Г.»

25. 102 (сто два) листа черной копировальной бумаги с машинописными текстами. Копировка находилась в картонной коробке вместе со стандартными листами белой нелинованной бумаги. Копировальная бумага уложена в конверт и опечатана сургучной печатью (гербовой).

26. 30 (тридцать) листов белой нелинованной бумаги стандартного размера, находившиеся в той же коробке, что и копировка. Опечатаны в конверте вместе с копировальной бумагой (п. 25).

27. Машинописный текст: «Виктор Мамонов. Обыкновенные праздники. Издательство Алхимия, Ленинград-Москва, 1962», на 27 листах.

28. Отснятые фотопленки типа ФЭД и обработанные 25 (двадцать пять) штук, 7 фотопленок ФЭД необработанных и одна кассета с пленкой «Киев-Вега». Все указанные фотопленки уложены в три конверта и опечатаны сургучной печатью (гербовой).

29. Магнитофонные пленки на кассетах, всего 27 (двадцать семь) штук, из них в кассетах на 250 м — 19 (девятнадцать), в кассетах на 180 м — 6 (шесть) и в кассетах на 100 м — 2 (две). Все пленки упакованы в мешок и опечатаны гербовой сургучной печатью.

В 15 ч. 20 м. в квартиру Гинзбурга А. И. пришли его друзья: Литвинов Павел Михайлович, 1940 г. рожд., прож. Москва '85 и Некрасова Татьяна Михайловна, 1938 года рождения, прож. Москва '85, которые были задержаны в квартире до окончания обыска. У Некрасовой было проверено содержимое имевшегося при ней портфеля, изъято ничего не было.

По окончании обыска в 20 ч. 30 м. к Гинзбургу А. И. пришла Жолковская Ирина Сергеевна, 1937 г. рождения, прож. Москва '85.

Помимо занимаемой Гинзбургом в настоящее время комнаты, обыск был произведен также в двух принадлежащих ему комнатах, где идет ремонт, в сарае, а также в коридоре квартиры, где находятся вещи Гинзбурга.

Со стороны Гинзбург Л. И. поступило заявление, что указанные в п. 9 и п. 22 записная книжка и запись телефона на листе бумаги принадлежат ей.

Каких-либо других заявлений и замечаний не поступило. Протокол следователем прочитан. Записано все правильно.

Поняты: Денисов, Кирягина.

Присутствовавшие: А. Гинзбург, Л. Гинзбург.

Следователь: Смелов.

Сотрудники: Забалуев, Барышев, Гуганов, Семашкин, Хоринов.

Копию протокола получил.

А. Гинзбург.

состоянии невменяемости, играют важную роль в обвинительном заключении. Басилову вытолкали из зала суда под окрики судьи и вой публики, заглушавшие ее слова.

П. Григоренко подал заявление о том, что он просит допустить его в качестве свидетеля, так как он может объяснить суду происхождение денег, найденных у Добровольского (по словам Добровольского, их дал ему Галансков). Заявление Григоренко отклонили под тем предлогом, что он якобы психически болен (это неправда).

Свидетельнице А. Топешкиной не дали сделать заявление суду — она хотела сообщить суду факты, обнаруживающие лживость показаний Добровольского. Топешкину, беременную женщину, пинками выгнали из зала под улюлюканье публики.

Свидетельницу Л. Кац «комендант суда» полковник КГБ Циркуненко не пустил в зал после перерыва, заявив ей: «Дали бы вы иные показания, вам разрешили бы остаться».

Никому из свидетелей не разрешают остаться в зале после дачи показаний, хотя советское законодательство даже обязывает их к этому. Ссылки свидетелей на статью 283 УПК РСФСР пропускались мимо ушей, а свидетелю В. Виноградову судья прямо заявил: «Зот по 283 статье и уходите из зала».

Зал наполнен специально отобранной публикой, сотрудниками КГБ, дружинниками, создающими видимость открытого, гласного судопроизводства. Эта публика шумит, гогочет, оскорбляет подсудимых, оскорбляет свидетелей.

Судья Миронов не пытается прекратить нарушения порядка. Ни один бесчинствующий нарушитель не удален из зала. В этой накаленной атмосфере не может быть и речи о какой-либо объективности суда, ни о какой справедливости и законности. Обвинительный приговор предпринят с самого начала. Мы обращаемся к мировой общественности и в первую очередь — к советской.

Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости.

Требуйте публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс — пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судей — требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили. Сегодня в опасности не только судьба трех подсудимых — процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться.

Мы передаем это обращение в западную прогрессивную печать и просим как можно скорее опубликовать его и передать по радио — мы не обращаемся с этой просьбой в советские газеты, так как это бесполезно.

Лариса Богораз-Даниэль,

Москва В-261, Ленинский просп., 85, кв. 3

Павел Литвинов,

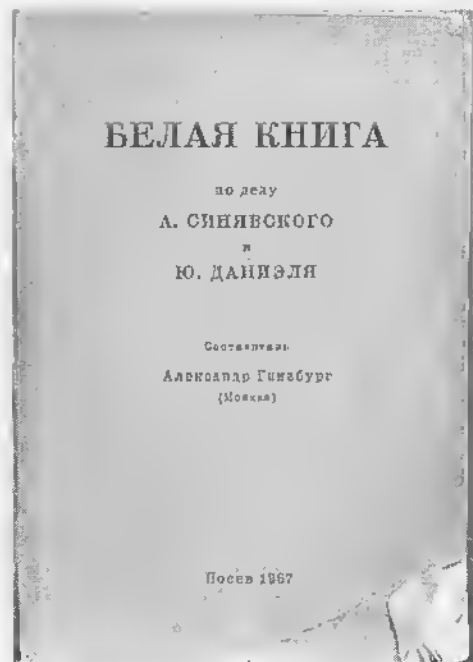
Москва К-1, ул. Алексея Толстого, 8, кв. 78

11 января 1968 г.

В тот же день обращение было передано на русском и английском языках радиостанцией Би-Би-Си из Лондона и встретило широкий отклик как у советских граждан, так и у прогрессивной общественности Запада.

12 января, когда ожидался приговор, возле суда с утра начала собираться толпа, которая к середине дня возросла примерно до 200 человек. По инициативе А. С. Есенина-Вольпина, была сделана еще одна попытка обратиться к председателю суда с просьбой пустить друзей подсудимых на слушание приговора. Под письмом было собрано около 50 подписей, и оно было передано в суд, однако никакого ответа на него не последовало. Поскольку письмо было написано в одном экземпляре, который был передан в канцелярию суда, у составителя настоящего сборника нет его текста.

Когда стало известно, что суд приступил к чтению приговора, все ожидавшие собрались перед главным входом. После оглашения приговора сначала стала выходить публика, присутствовавшая в зале. На вопросы, какие сроки получили подсудимые, многие отвечали: «Мало! Мало!» — и с озлобленными лицами пробегали через толпу к машинам. Некоторые были в форме КГБ. Затем появились родственники и вслед за ними защитники подсудимых, которым были преподнесены букеты красных гвоздик. Часам к шести толпа разошлась.

Владимир ШАЙДУРОВ

Российские немцы: сто лет в условиях национального конфликта

Владимир Шайдуков окончил исторический факультет Алтайского государственного университета по специальности «история», специализировался по кафедре «отечественная история» (с древнейших времен до 1917 года). Защитил дипломную работу по теме «Проблемы социально-экономического развития немецкой диаспоры на Алтае (конец XIX — начало XX века)». Аспирант исторического факультета АГУ, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

исторического факультета АГУ, член Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев.

В течение последних десяти-пятнадцати лет историки, политологи, социологи и прочие специалисты уделяют все больше внимания проблемам национальных меньшинств. Новая волна интереса к данной проблеме была вызвана в Европе, в частности, чередой национальных конфликтов, например, в бывшем Советском Союзе и на территории экс-Югославии, которые переросли в стадию вооруженных.

В советское время считалось, что в СССР национальной проблемы не существует, а потому исследователи не обращали на ее изучение должного внимания. И опять же, интерес общественного мнения к открытым и латентным национальным и региональным конфликтам возникает лишь тогда, когда они перерастают в вооруженное противостояние.

Давно было подмечено, что полиэтническое общество характеризуется время от времени возникающими национальными конфликтами. Чаще всего обращали внимание на те столкновения, которые обретали наиболее активные формы. Примером могут служить, скажем, польские выступления в царской России середины прошлого века. В стороне от внимания оставались скрытые конфликты, хотя они приносили не меньше страданий этническому меньшинству.

К середине XVIII века Россия оформилась уже как многонациональное государство. Худо-бедно, но разрабатывалась и проводилась национальная политика. Ее проявления достаточно отчетливо прослеживаются на примере российских немцев-колонистов, массовое переселение которых в Россию продолжалось на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX вв. Именно в период царствования Екатерины II, Павла I, Александра I в отношении российских немцев проводилась открытая протекционистская политика, которая выражалась в предоставлении различных налоговых послаблений и т.д.

Середина прошлого века в истории России характеризуется началом буржуазной унификации во всех областях общественной жизни. Особенно отчетливо это прослеживается на примере реформ периода правления Александра II. Либеральные реформы, несомненно, имели положительное значение для последующего развития российской государственности. Однако проводившиеся в те годы мероприятия имели негативные последствия для определенных групп населения, в том числе и российских немцев.

Нарушение сложившегося между данной группой и государством равновесия привело к возникновению особого рода национального конфликта. Он основывался на несовместимости интересов сторон, вовлеченных в противостояние. Но этот процесс разворачивался не совсем обычно — немецкое население отвечало на меры, принимаемые по отношению к нему (имеется в виду реформа немецкой колонии по закону 4 июля 1871 года, введение всеобщей воинской повинности в 1874 году и др.), началом массовой эмиграции за пределы Российской империи.

Основными местами нового поселения российских немцев (Ruslanddeutschen, german russian) стали Северная и Южная Америка. По данным Богиней, в течение 70-80-х гг. прошлого века только в США поселилось около 10 тыс. выходцев из поволжских и южно-российских колоний [1]. В Канаду же в течение только последней трети XIX в. выехало около 75 тыс. меннонитов, 10 тыс. лютеран и католиков, более 5 тыс. представителей прочих исповеданий, которые составили около 40 % эмигрантов-немцев на Среднем Западе [2]. В 1870-е гг. возникают немецкие колонии также в ряде стран Южной Америки, куда выехало немало вчерашних колонистов из России. Какие последствия имела эта акция для экономики и культуры, объяснять не приходится.

Наступление на немецкие поселения на этом не окончилось. В 90-е гг. XIX века оно получило свое продолжение, но несколько в ином направлении. Теперь власти обратились к общественной жизни поселян-собственников, а именно к образованию. 24 февраля 1897 года, например, мнением Государственного Совета, Министерству народного просвещения было предписано колонистам вводить преподавание на русском языке в школах, бывших иностранных, сводя изучение «природного языка и Закона Божьего их исповедания при числе уроков, необходимом для надлежащего усвоения этих предметов». С одной стороны, данный шаг был направлен на введение единой с русскими школами программы образования, что давало бы возможность немцам продолжать обучение в учебных заведениях последующих ступеней, вплоть до университетов. Но это было и давлением на национальную школу. Немцы опасались, что их лишат возможности обучать своих детей на родном языке. Это вызвало новую волну эмиграции из России за океан.

События начала XX века не обошли стороной немецкое население России. Сначала правительство Столыпина инициировало кампанию по ограничению гражданских прав иностранных граждан, в том числе немецких колонистов, в вопросах землевладения в трех губерниях Западного края (Киевской, Волынской и Подольской). Однако внесенный в Государственную Думу в 1910 году законопроект вызвал недовольство у думского большинства, а потому правительство в мае 1911 года вынуждено было забрать его «на доработку». Но уже в 1912 году он был повторно внесен в Думу с некоторыми поправками и на этот раз был принят. Согласно новому закону, немецкие колонисты, принявшие российское подданство после 1888 года, ограничивались в праве приобретения земельной собственности. К упоминавшимся ранее губерниям на этот раз была добавлена Бессарабская.

1914 год ... С этой датой связана еще одна трагедия немецкого народа. Первая мировая война дала повод шовинистически настроенной части общества начать антинемецкую кампанию в России. Она нашла свое выражение, в первую очередь, в депортации немецкого населения из стокилометровой приграничной с Австро-Венгрией и Германией зоны, погромах в крупнейших городах, в том числе Петрограде и Москве, а также введении в действие так называемых «ликвидационных законов». Все это открыто продемонстрировало двойственность положения немцев в России, с одной стороны, и положение их как разменной карты в большой политике, с другой.

Вышеназванные шаги правительства, поддержанные, а иногда и инициированные, общественным мнением в лице депутатов Государственной Думы, государственных чиновников, представителей предпринимательских кругов, шовинистически настроенной частью интеллигенции и простого народа, вызвали к жизни новый этап национального конфликта. Немцы нашли два выхода из создавшегося положения: эмиграция за рубеж и миграция на окраины России, как можно дальше от политического центра. Говорить о численном соотношении этих вариантов достаточно сложно, но число мигрировавших в Сибирь, Центральную Азию и на Дальний Восток превысило численность эмигрантов.

1917 год. Большевики уже в первые послевоенные годы при ЦК РКП (б) образовали бюро национальных секций для работы с национальными меньшинствами. Главная задача этих образований сводилась к тому, чтобы облегчить проникновение большевизма в национальную среду, в том числе в немецкое население, осветив его, поставив, тем самым, под жесткий контроль нового политического режима.

Однако эта «политическая работа» среди немцев не давала ожидаемой отдачи. Об этом свидетельствуют, например, следующие данные. В Западно-сибирском крае в первой половине 20-х гг. проживало 86759 немцев, из которых лишь 214 состояли в партии, 215 — в комсомоле, а 182 были пионерами [3]. В работе крестьянских комитетов принимало участие всего 6 % немецкого населения региона. Все это указывает на то, как неохотно немцы принимали новые политические реалии. При этом следует помнить, что часть немцев-активистов была либо прислана на места из центра, либо еще вчера находилась в качестве военнопленных в лагерях.

В целях усиления работы с национальными меньшинствами в 1923 году партийные и советские власти пошли на создание национальных сельских советов. К 1925 году в Сибирском крае было создано 56 немецких и 30 смешан-

ных сельсоветов. Однако и эти шаги не принесли должных результатов. Решили принимать более радикальные меры, а потому уже в середине 1925 года заговорили о возможном создании национальных районов, в частности немецких.

Немцы оказались «между двух властей», которые не могли мирно сосуществовать. С одной стороны стояли достаточно сильные в экономическом и организационном плане меннонитские сообщества, не терпевшие вмешательства в свои дела извне, а с другой стороны — партийные и советские органы, стремившиеся к полному контролю за всеми сферами жизни общества. И именно создание немецких национальных районов, по замыслу властей, должно было сначала ослабить, а затем и вовсе исключить меннонитские организации из общественной жизни немецкого населения.

4 июля 1927 года ВЦИК принял решение: «Выделить в Славгородском округе Немецкий район с центром в селе Гальбштадт». Созданная сверху квазиавтономия имела перед собой конкретную задачу — привлечь экономические и людские ресурсы для построения социализма в отдельно взятой стране, который построить нельзя, но строить можно. К тому же эти районы должны были стать механизмом советизации деревни, население которой, по мнению властей, было «сплошь кулацким» [4].

Каково было отношение рядовых немцев к данной акции? Сегодня говорить об этом достаточно трудно. Наверное, многие из них связывали свои надежды с тем, что в рамках национального района у них появится возможность сохранить традиционную культуру, язык, верования и в целом привычный жизненный уклад. Являясь консерваторами по натуре, они надеялись остаться в стороне от тех событий, которые проходили в СССР. У российских немцев в течение более ста лет выработалась «аллергия» к большой политике и привычка безропотно, по крайней мере, на взгляд стороннего наблюдателя, переносить тяготы, выпадающие на долю их народа по вине власти предрекающих. Однако на этот раз события развернулись весьма драматически.

Ужесточение политического курса не замедлило сказаться на всех сторонах жизни советского общества. Экономические дискуссии закончились победой Сталина и сторонников ускоренной индустриализации советской экономики. Необходимо было выжать все средства из деревни. «Новый курс» в сельском хозяйстве после кризиса хлебозаготовок 1918–29 гг. был нацелен на коллективизацию индивидуальных крестьянских хозяйств.

Немецкие крестьяне в Сибири традиционно были достаточно зажиточными. Достаточно сказать, что доля средне- и крупнокапиталистических хозяйств составляла до 60-ти % [5]. Немецкая деревня являлась на тот момент одной из самых обеспеченных машинами и механизмами, главным образом американского производства. Она имела одно серьезное преимущество перед российской деревней вообще. Заключалось оно в высокой степени кооперированности частных немецких хозяйств. Еще накануне 1917 года этот показатель для кредитной кооперации достигал 60-70-ти %, а местами он составлял 100 % [6].

Это была не извращенная кооперация, навязываемая коммунистическим режимом, а подлинная кооперация свободных крестьян на истинно добровольных началах. Крестьянам были понятны и близки выгоды от такой кооперации. А потому, полагая, что они имеют уже достаточно высокую степень коллективизации, немцы не проявляли рвения в осуществлении планов «большого скачка».

Как известно, насильственная коллективизация вызвала упорное сопротивление крестьян по всей стране. В немецкой деревне эта акция вызвала также недовольство, которое нашло свой выход в открытой и латентной формах. Например, в Гальбштадте в 1930 году произошли вооруженные выступления населения. Наибольшую известность получило эмиграционное движение 1929-1930 гг. как одна из форм скрытого сопротивления укрепляющемуся в СССР тоталитарному режиму. Эта форма протеста являлась для немецкого населения, несогласного с политикой партии и правительства, выходом из продолжающегося национального конфликта.

Было несколько основных причин противостояния российских немцев и советской власти: коллективизация и раскулачивание; пятилетка; индивидуальное налогообложение, большие налоги и высокий уровень хлебозаготовок; антирелигиозная пропаганда; призывы юношей-мennonитов в армию; насильственное внедрение русского языка в немецких национальных школах.

Широкое участие в антисоветских выступлениях не только «кулаков», но также середняков и бедняцкой части населения свидетельствует о том, что требования недовольных носили действительно общенародный характер.

К сожалению, немцы не смогли повлиять каким-то образом на проводимые акции властей. Видя это, они прибегли к уже ставшей привычной для них форме неповиновения — эмиграции за пределы Советского Союза.

О том, насколько массовым было эмиграционное движение на этот раз, говорит тот факт, что только в Славгородском округе эмигранты составили 25,6 % немецкого населения, из которых 29 % — зажиточные хозяйства, 56,4 % — середняки и 14,6 % — бедняки и батраки [7].

Еще более наглядно о массовости эмиграции свидетельствует следующий факт: осенью 1929 года она охватила 1477 хозяйств. Далеко не всем желающим удалось покинуть СССР, многие вынуждены были вернуться на прежнее место жительства.

«Немецкий кулак, сопротивляясь нашему наступлению, не стал стрелять из обреза, но дал политический бой, который куда сильнее по своему действию, чем тяжелая утрата отдельных активистов деревни от кулацкого обреза... Кулацкий террор — чепуха по сравнению с такой политической кампанией, которую провел немецкий кулак... ведь организовать и повести за собой в Америку на 13 году существования Советской власти бедняцко-середняцкие массы куда сложнее и эффективнее, нежели пристрелить темной ночью одиночку-активиста», — писали в своих сводках тех дней партийные деятели [8].

Вот как выглядели последствия эмиграционной кампании 1929-1930 гг. в экономике:

Экономическое состояние немецкой деревни

	было в феврале 1929 г.	стало в марте 1930 г.
лошадей рабочих	4327	1990
лошадей нерабочих	2043	730
коров дойных	5045	1571
плугов	1217	535
молотилок	169	65

Источник: Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 38. Оп. 7. Д. 37. Л. 96.

И это данные только по одному Немецкому району Алтая.

Какова была реакция властей, чем они ответили на выступления немецкого населения? В первую очередь,

власти сделали все возможное, чтобы из страны выехало как можно меньшее число желающих. Из 1477 хозяйств Немецкого района, пожелавших эмигрировать, 1034 вынуждены были под давлением вернуться в Сибирь.

После водворения немцев на места прежнего проживания поначалу были предприняты шаги по сглаживанию противоречий: была оказана финансовая и материальная помощь для восстановления порушенного хозяйства и т.д. Однако в этих условиях показного «либерализма» партийные и советские органы проводили мероприятия по усиленной идеологической обработке населения.

Эти меры сочетались с прямыми репрессиями. По мнению партийных вождей, необходимо было оторвать массы от идеологов эмигрантского движения, которыми, на их взгляд, являлись религиозные проповедники. Власти не нашли ничего лучшего, как арестовать последних. Недаром секретарь Славгородского РК ВКП (б) отмечал, что «одни меры воспитательного порядка — убеждения, без сочетания с административно-судебным воздействием являются бессильными» [9].

В 1934 году началось новое наступление режима. Вновь вспомнили и о немцах, об их желании эмигрировать, экономическом уроне, нанесенном этим желанием, о том, что они до сих пор получают денежные переводы из-за границы и не передают их в МОПР. Реакция на все это была однозначной — развернулась кампания по чистке партийных ячеек, — старались выявить как можно больше «кулацких и прочих социально чуждых элементов» как среди рядовых колхозников, так и на более высоком уровне. В 1934-35 гг. по Немецкому району прокатилась волна репрессий (дело Гальбштадтской МТС, дело контрреволюционной фашистской организации и т.д.).

Массовые репрессии 1937-38 гг. и военных лет утопили в крови стремление немецкого народа к независимости и самостоятельности. С этого момента он окончательно вошел в общий котел под названием «советский народ».

Относительное потепление в отношениях между российскими немцами и властями наблюдается в годы хрущевской «оттепели». В это время с немцев были сняты обвинения, приписанные им в годы войны, начали восстанавливаться институты национальной немецкой культуры. Но потепление это было лишь кажущимся, ибо позволено было сделать лишь то, что «не противоречило политике партии», да и то без лишней самостоятельности и под контролем «старшего брата». Однако многие немцы во второй половине 50-х гг. этого недопоняли, приняв стремление государственных структур реабилитировать немцев за чистую монету. И за это многие из них поплатились. В первую очередь, это коснулось тех, кто заговорил о восстановлении автономии немцев в Поволжье как кульминации реабилитационных мероприятий. Но это не входило в партийную программу, а потому было пресечено самым суровым образом.

Перестройка во внутренней и внешней политике СССР в корне изменила устоявшуюся ситуацию. Получив право говорить, немцы заявили о том, что в условиях существующего политического режима у них нет возможности сохраниться как самостоятельной национальной группой, т.е. развивать национальную культуру и язык. Начался новый этап эмиграции немецкого населения из республик Союза. Только за период с 1987 по 1990 год СССР покинуло 1056 тыс. немцев [10].

Столь высокие темпы эмиграции заставляли властные круги задуматься: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в СССР проживало 2.035.807 нем-

цев [11], при имеющихся темпах выезда на постоянное место жительства в ФРГ к началу XXI века субнациональная немецкая группа могла просто исчезнуть.

Нужна была идея, которая могла бы удержать немцев в СССР. И эта идея была вскоре найдена — в очередной раз, но уже в совершенно иных политических условиях, заговорили о восстановлении немецких автономий, которые были ликвидированы в годы сталинизма. В ряде исследований последних лет основная заслуга в инициировании и реализации данной идеи приписывается исключительно обществу «Wiedergeburt» («Возрождение») [12], хотя участие в этом партийных и советских органов не вызывает сомнений.

Уже при поверхностном изучении документов в глаза бросается то, что собственно идея восстановления Немецкого района, например, на Алтае для рядовых немцев и краевых властей была наполнена различным содержанием. Если население, воспринимая идею возрождения национального района, подразумевало под ним, в первую очередь, создание механизмов возрождения и сохранения немецкого языка и культуры, то представители краевых органов, поддерживая стремление немецкого населения, говорили прежде всего об экономических выгодах, которые принесет данное мероприятие. Для большей иллюстративности позволим себе привести два высказывания, сделанных на сельских сходах. Первое принадлежит сельскому учителю, второе же — представителю номенклатуры края тех лет.

«Неважно, что мы будем иметь от немецкого района в экономическом плане, а давайте подумаем о своей культуре, о своих детях...» [13].

«Край тоже за район. Мы отлично видим экономическую выгоду от создания немецкого района...» [14].

Ожидания немцев, связанные с восстановлением национальной автономии, не были оправданы. Поэтому процесс эмиграции продолжился. Прибывающие же немцы из республик Центральной Азии не в состоянии принять идеи национальной культуры в силу высокой степени их ассимилированности. Все это объясняет по сути провал в работе по сохранению культуры и языка немцев в России, с одной стороны, и сокращению темпов эмиграции, с другой.

Таким образом, уже в течение более чем ста лет немцы России — СССР — России живут в состоянии латентного национального конфликта, основа которого кроется, в первую очередь, в непонимании государством стремлений немецкого народа. Различие интересов данной диалектической пары отражается в периодических волнах эмиграции.

К сожалению, до сих пор государство все стремится решить за население, сохраняя отношения диктата. А выход из сложившейся ситуации необходимо искать сообща, т.е. идти к достижению одной цели одной дорогой.

Примечания:

1. Богина Ш. А. Иммигрантское население США. Л.: Наука, 1976. С. 24.
2. Stumpp Karl. Das Russlanddeutschtum in Bibersee // Heimatbuch der Deutschen aus Russland. 1966. Stuttgart, 1966. S. 12.
3. Бруль В.И. Немцы в Западной Сибири. В 2-х частях. Часть 1. Топчиха, 1995. С. 25.
4. Краткий отчет ВЦИКу о положении немецкого крестьянства в Сибири члена ВЦИК, заместителя наркома просвещения РСФСР В.А. Курца // Новое время. Neue Zeit. Славгород. N 35 от 22 марта 1994 г.
5. Центр хранения архивных фондов Алтайского края. Ф. 233. Оп. 1. ДД. 799 - 803, 805, 808, 810, 812. Подсчет.
6. Там же. Подсчет.
7. Там же. Ф. 38. Оп. 7. Д. 37. Л.96.
8. Там же. Д. 41. Л. 1.
9. Там же. Оп. 6. Д. 57. Л. 9.
10. Deutschland: Rockgang des Zuzugs von Ausländern // S. 2.
11. Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты) / Под ред. Подберезкина А.И. М.: Агентство «Обозреватель». 1994. С. 33.
12. Шлейхер И.И. К вопросу о восстановлении Немецкого района на Алтае// Немцы Сибири: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 17-19 апреля 1996 г. Омск: Омский филиал ОИИИФ СО РАН, 1997. С. 44.
13. Текущий архив Немецкого национального района Алтайского края. Ф.8. Оп. 1. Д. 282.
14. Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 276.

Публикуется в сокращении.
Впервые материал опубликован в Интернет: <http://hist.dcn-asu.ru/german/stat.html>

ГЕТТЕ Якоб Иванович
р. 4.12.1935. Арестован
10.1.1984. 4,5 года общего
режима. Ст. 191-1, ч.2
(Демонстрация перед
посольством ФРГ в
Москве с требованием
репатриации).

ПРЕЦКАУ Вальтер Августович
р. 5.6.1949. Арестован в июне 1983,
4 года общего режима. Ст. ст.
198, 209, 227(?). Добивался эмигра-
ции в ФРГ. Арестован повторно в
лагере, 3 года строгого режима +
неотбытый срок по предыдущему
приговору.

ШМИДТ Андрей
р. 30.11.1952, кочегар. Аресто-
ван 23.6.1983. 5 лет общего
режима. Ст. ст. 198, 209,
227(?). Добивался эмиграции в
ФРГ.

ТИПЛЬ Александр, арестован
в декабре 1981 г. "за клевету
на советский строй." Он и
Владимир РАЙЗНЕР собирали
подписи под требованием
поставить памятник
немцам, погибшим в трудар-
мии в годы войны.

Виктор ФУКС

Восемь трудармейских лет

Что такое трудармия? Красноярец Виктор Генрихович Фукс, в предвоенные годы старший лейтенант ВВС, провел 8 лет за колючей проволокой этой самой трудовой армии. Ему слово.

В 1938 году меня арестовали как шпиона. В Брянске продержали несколько месяцев в камере пыток. В это время сменилось руководство НКВД. Чтобы выгородить себя, Сталин свалил вину за бесчисленные незакония на Ежова, назвав его подлецом. Ежова расстреляли. Сменивший Ежова Берия в подтверждение якобы справедливости сталинских слов выпустил из заключения многих, в том числе меня. Против меня не было никакого компромата. А ведь по всему Союзу в воинских частях прошла облава на представителей национальных меньшинств — их пересажали как шпионов. В нашей части были арестованы летчики Шнайдер, Бамбергер и я — все трое немцы, а также грек, еврей, поляк и литовец. Якобы за шпионаж. Одного все-таки расстреляли.

Меня выпустили, но демобилизовали из армии по причине ареста. Добился восстановления и примерно через год был уже на фронте. Командуя эскадрилей истребителей, участвовал в боях с немецкой авиацией, а в конце 1941 года по приказу Сталина был снят с фронта. Командир моего полка Родин и комдив не хотели меня отпускать. Родин дал задание вылететь в тыл врага и провести там рекогносцировку и обстрел. Приказ я выполнил. А после этого услышал от Родина: «Виктор Генрихович, это был последний ваш полет. Я получил третье предупреждение из штаба армии — всех немцев немедленно отправить в тыл. Пытался возражать, но пригрозили строгим наказанием. Если не отправлю. В частности Фукса».

Я оказался в Магнитогорске. Там, в начале 1942 года, сделал попытку вернуться в авиацию, но в штабе округа заявили, что это невозможно — приказ Сталина. Прошло месяца два, и меня мобилизовали в так называемую трудармию.

За Челябинском на огромном пустыре предстояло строить металлургический завод. Лагерь трудармейцев занимал несколько десятков гектаров. 65 тысяч немцев были свезены сюда и поделены на 15 отрядов. Каждый отряд оцеплен колючей проволокой. Сторожевые вышки вокруг, собаки. Доставив нас, человек семь, к лагерю, сопровождавший вернулся в Челябинск. Увидев колючую проволоку, я захотел удрать. Но потом сообразил: куда? При мне партбилет, удостоверение. Сразу поймут, кто такой и откуда. Повели нас в баню, которая находилась вне ограждения. Прибывшие со мной рядовые дали себя остричь наголо и побрить, а я заявил, что не дамся. Банщики-немцы сказали, что их тогда накажут. Рядовые вступились за меня — все-таки командир эскадрильи! Тогда банщики сдались и попросили натянуть поглубже пилотку, иначе на пропускном пункте задержат.

На территорию трудармии я ступил, не сняв с гимнастерки знаков различия. Ко мне сразу подошли охранники

и потребовали снять. Я отказался, попросил приказ наркома о моем увольнении из армии. В ответ услышал: «У нас есть распоряжение Берии. Мы подчиняемся только ему, а не наркому обороны». Я настаивал на своем и не снял знаков. Позже политрук отряда, из милицеских, прогуливаясь со мной, стал уговаривать: надо, мол, подчиниться, все равно заставят. За пределами отрядной территории находился особист, его называли «кумом», и он мог применить силу. Но я продолжал носить знаки различия.

Отряды между собой связи не имели, занимались на определенном участке работы. Один строил каменный цех, другой — электролизный. Жили мы в землянках. Под самой крышей окошко и общие нары. Наш отряд только из мужчин. На работу выводили под винтовкой, всякий раз звучало: «Шаг влево, шаг вправо — стреляю без предупреждения!»

Дали мне бригаду из 12 человек. На работу шел первым в своей форме. За мной строем следовала бригада. В конце немец с гармошкой (с ней он прибыл в отряд). Замыкал шествие вооруженный охранник. Надо сказать, что охранники и иная «обслуга» называли нас не иначе как фрицами и фашистами. Особенно часто мы выслушивали такие оскорбления при входе и выходе с территории отряда. Циников и нахалов там хватало.

С первых же дней на пропускном пункте один охранник все приставал: «Слушай, летчик. Отдай мне свою портупею. Здесь она тебе не положена». — «Нет уж!» — говорю. — «Мне никто не запрещал ее носить». — «Смотри, еще попомнишь...»

В качестве новоиспеченного бригадира бондарного цеха привожу в цех людей. Начальник цеха, младший лейтенант милиции, спрашивает: «Здесь будете работать? А знаете, как бочки делать?» — «Как же! — отвечаю, в полете я «бочки» двойные и какие угодно выполнял». Он понял шутку и рассмеялся. А потом посерьезнел и не скрыл недоумения, что меня сняли с фронта и привезли сюда делать тару. «Неправильно это, не должно так быть». И такие люди нам попадались. Не все были безмозглыми исполнителями воли «отца народов».

Я быстро избавился от бондарничества. Устроился электриком по наружной цепи. А затем попросил перевести в шоферы и работал внутри лагеря. Прав у меня не было. Но вышший начальник разрешил, я же летчик, стало быть, смогу водить автомобиль. Таким образом, за восемь лет сменил несколько отрядов, но все в пределах «Челяблага».

На работе за одно-единственное нарушение могли послать в каменный карьер. А там люди подолгу не выживали. Рабочий день трудармейцев длился по 12 часов, иногда больше. Во всяком случае, меньше 10 часов не работали. В неделю полагался один выходной. Его проводили в землянке на нарах. Так выматывались за неделю, что ни до чего уже не было охоты. Да нам ничего и не предлагали — ни кино, ни книг. Из газет была одна «Правда».

Письма писать разрешалось, но они часто не доходили ни к нам, ни к нашим адресатам. Иногда получал письма с тщательно вымаранными строками.

Все эти мучительные годы я оставался членом партии

и, естественно, присутствовал на партсобраниях. На них водили из бараков строем. Среди охранников тоже были коммунисты. На собраниях они занимали первые ряды перед президиумом, а трудармейцы садились подальше. В президиуме обязательно восседали начальник и политрук лагеря. В докладах задавалось общее направление, чтобы мы не заходили в своих мыслях «куда не надо».

По соседству размещался женский отряд. В нем содержались уголовницы. Однажды, когда я уже переселился на территорию строящегося завода, они пробрались в мою комнату и вытащили книги и гимнастерку с партбилетом в кармане. Случилось это, кажется, в 1946 году. «Зэчки» подбросили партбилет с учебником английского языка назад. Билет был передан в парторганизацию и мне вкатили выговор за то, что плохо храню партийный документ. Выговор сопровождался назиданием: великий вождь Сталин так много делает блага для всех наций, в том числе и для нас, немцев, и мы должны это ценить. Впрочем, подобные речи приходилось выслушивать на каждом партсобрании.

В каждом отряде «Челяблага» ежедневно умирало по 8-10-15 человек. От непомерного истощения. Кроме того, многие лопали с юга и не вынесли смены климата, морозов. Трупы складировали за территорией отряда и потом свозили в общую яму, где было погребено в общей сложности примерно 15 тысяч трудармейцев.

Про пищу вспоминать страшно. В 6 утра нас поднимали и вели в так называемую столовую — на улицу к месту, где были сбиты столы. Даже элементарного навеса не имелось на случай дождя или снега. Подходишь к столу со своим котелком и ложкой. Тебе наливают один черпак жижицы, в которой плавают хвостики мелких рыбешек и кости. Это шло за мясное. В обед иногда давали на второе чуть-чуть пшена, а летом зелени. На ужин — хлеб, еслиго вам удавалось сохранить. Хлеб выдавали утром сразу дневную норму — 400 граммов. Поначалу пробовали оставлять часть на вечер, но его нередко воровали. Находились и такие среди немцев.

Каждый месяц по несколько раз нам устраивали обыски. Считали, что запасаемся оружием и возможны

какие-либо диверсии, а то и восстание. Нас выгоняли из землянок независимо от погоды — и в грязь, и в стужу. Группа охранников копалась в наших вещах, перерывала нары. По два часа торчали мы на улице в ожидании, когда закончат унижительную процедуру. Однажды при таком обыске охранник взял мой учебник английского языка, раскрыл и при мне начал листать. Наткнувшись на карту полушарий, вырвал ее. «Зачем?» — не удержался и воскликнул я. — «Здесь запрещено иметь карты». — «Да разве по этой уйдешь куда?» — «Ты — летчик, сможешь и по этой уйти.» И разорвал лист.

В наш лагерь ближе к концу войны стали прибывать германские военнопленные. Они размещались отдельно от нас, носили военную форму. Командный состав содержался отдельно от рядовых и тоже был в форме. Общаться с нами им было строго запрещено. Еще позже прибыли румынские военнопленные. Наконец мы увидели в «Челяблага» финнов, чеченцев, латышей...

Трудармия для меня закончилась в 1950 году. Меня отпустили, и я уехал в Канск к своим родителям, которые были сосланы туда. На тот момент оставался членом ВКП (б), но воинского звания был лишен. Еще в трудармии по «милости» Берии.

Годы, проведенные в «Челяблага», вошли теперь в трудовой стаж по принципу: один за два. Слабое, откровенно говоря, утешение.

Редакция выражает признательность Красноярскому обществу «Мемориал» за предоставленный материал: <http://www-win.memorial.krsk.ru>

Рихард ФИНК

С разрешения коменданта

Лично меня трудармия не коснулась. По возрасту не подходил для «призыва». Но туда попали отец, старший брат (на пять лет старше меня), а примерно год спустя, когда начали мобилизовывать женщин и девушек от 16-ти лет и старше, в трудармию была призвана моя сестра...

Папа был бухгалтером. Брат учился в машиностроительном техникуме, сестра — в педучилище. Жили мы в г. Маркштадте, в Республике немцев Поволжья. Внезапно немецкое население сорвали с места и вывезли в Сибирь, якобы на временное поселение, 2 октября 1941 года прибыли мы в Ирбейский район. Мне было 13 лет. Встретили нас на станции, расспросили, кто кем работал, и развезли по деревням на подводах. Нашу семью определили в село Талое: «Там в МТС нужен бухгалтер». Туда же привезли еще семей пятнадцать. Поселили в общежитие для механизаторов. Брат устроился в мастерские, и сестра (на три года старше меня) начала работать. А я пошел в школу, по

совету директора повторно в пятый класс, поскольку до этого учился в немецкой школе, а здесь была русская.

Уже в январе 1942 года отца и брата мобилизовали. Мужчин брали в трудармию поголовно — от 16 до 60 лет. Они попали в «Краслаг» — почтовый ящик 265, где содержались заключенные. Такое вышло соседство. Наши немцы тоже работали на лесозаготовках, а весной сплавляли лес по таежным рекам в Канск. Жили они отдельно в пос. Жедорбе, всего километрах в сорока от Талого, глубоко в тайге.

Район таежный, лагеря были разбросаны друг от друга примерно на 5 километров. Наши первое время работали без конвоя. А когда на фронте дела стали плохо, условия содержания трудармейцев ужесточились.

Мне это известно, потому что часто ходил туда с передачами. Раз в месяц обязательно. Надо было подерживать родных — кормили их плохо. Брат с отцом

оказались в одном лагере. Мы собирали дома все, что можно из вещей, и меняли по деревням на муку и другие продукты. Мама испечет пару булочек хлеба, я отнесу. Таким образом они в лагере и выжили. А хлеб какой пекли — 20 процентов муки, остальное — картошка. У всех был такой. В морозы, бывало, женщины на саночках везут передачу своим трудармейцам, а у самих ноги подкашиваются от голода. Лишнего куска ни у кого не было... Года через два папу и брата отправили в Нижнюю Пойму.

Где-то перед концом войны папу отпустили по болезни: замучил ревматизм. В придорожном бараке, где почтальоны обменивались почтой — из райцентра в село и обратно, — встретил меня мой друг и сказал, что видел, как ковыляет домой мой отец. «Беги встречай. Он едва ноги переставляет. Подводу найди». Я тут же к матери — «Ищи подводу или просто лошадей!», а сам побежал навстречу отцу.

Встретил и сердце сжалось: он еле шел. Взял я у него небольшую чехмоданчик, папа кое-как преодолел еще с полкилометра и вконец обессилел. Подсадил его к себе на плечи и потихоньку преодолели так 6 километров до соседней деревни. Пришли туда ночью и в дождь. А утром мама встретила нас с лошадей. Посадили папу верхом и довезли до дому.

А власти не оставляли его в покое. Несколько раз вызывали на комиссию. В итоге признали непригодным к труду, и он остался дома...

В нашем селе была только восьмилетка, ее я закончил успешно. Хотя и работал одновременно, порой до глубокой ночи. Чтобы учиться дальше, надо было ехать в райцентр. А комендант не пускает — работать некому. Женщин ведь тоже забрали в трудармию. Правда, маму не взяли по здоровью. Когда провожали женщин, завхоз предложил маме взять меня к себе на работу (я тогда еще учился в школе): «Иначе будете голодать. А тут рабочий паяк. У вас корова, сеном и дровами поможем». Мы согласились.

МТС имела свое большое хозяйство, в том числе 12 лошадей. Меня приставили к ним. Возил дрова, сено. Пришло время — посадил в сани сестру и повез в Канск, в трудармию. Мороз стоял такой, что думал — не доберемся, замерзнем в пути. Хорошо, что догадался захватить много сена. Зарылись в него, тем и спаслись.

Из возниц я скоро переквалифицировался в слесари. Слесарничать-то некому было — все на фронте да в трудармии. Токарем был у нас калека. С первым заданием провозил всю ночь, а утром побежал в школу. Дело было

поставлено так: пока не выполнишь задание, из цеха уходить нельзя. Вот и приходилось частенько одному работать по ночам. Так продолжалось с год. Выдержал.

Как рабочему человеку мне давали 800 граммов хлеба, а маме — 200-500 как иждивенцу. Тем и жили. Еще и умудрялись подкармливать своих, меняя вещи.

Сестра попала в Бурят-Монголию. Работала в шахтах нормировщицей. Когда кончилась война, отряд, где оставался брат, расформировали, а трудармейцев разослали во все концы Союза. Брата отправили в Среднюю Азию. Продолжительное время работал там в шахтах.

Официально не объявлялось о распуске трудармии. Сопавших в нее людей стали постепенно переводить в вольнонаемных рабочих и некоторых увольнять. Основную же массу не отпускали, так как они все равно не имели права покидать места, к которому были приписаны. Их уже не охраняли, но свобода передвижения ограничивалась пределами административного района приписки.

Только в середине пятидесятих годов отменили этот порядок. Жутко вспомнить: ведь немцам-спецпоселенцам запрещалось без разрешения комендатуры (в которой мы ежемесячно отмечались) уходить за пределы населенного пункта далее трех или пяти километров. Иначе это считалось побегом и подлежало наказанию сроком в 20 лет каторги. Независимо от возраста нарушителя.

Средняя школа была в Ирбейском, в 30-ти километрах от Талого. Вот комендант и заявил мне, нагнав по дороге в райцентр: «Сиди дома. Никаких тебе школ. Не то арестую и получишь 20 лет каторги». Но я все-таки, правдами-неправдами, настоял на своем и стал учиться. Комендант пожалел меня, никуда не сообщил о моем свесвоении. Мы остались с ним в хороших отношениях.

Старший брат вернулся к нам по семейным обстоятельствам в 1958 году. Сестра с дочерью приехала к нам уже в Красноярск. А я перебрался в Красноярск, с разрешения коменданта, еще в 1947 году — учиться. Окончив в Ирбейском десятилетку, поступил в Сибирский лесотехнический институт — теперь технологический университет. Стал инженером-технологом, имею ученую степень кандидата технических наук. В настоящее время нахожусь на пенсии.

Конечно, брату, сестре и мне не такой молодости хотелось, но... из песни слова не выкинешь.

Редакция выражает признательность Красноярскому обществу «Мемориал» за предоставленный материал: <http://www.win.memorial.krsk.ru>

Ирина ОНИ

«Красный барак»

— Что, записываете всё за мной? — без улыбки спрашивает Александр Петрович. — Не для НКВД? Да там-то про меня всё известно!

Человек он оригинальный, веселый, слушать его немного неправильную, с приятным акцентом русскую речь невероятно интересно. У Александра Петровича Берша — артистическая натура, живые умные глаза и отнюдь не старческая осанка. Он не просто рассказывает, а всё показывает, изображает. С ним не соскучишься.

— Когда родился? — улыбается. — Жизнь-то вроде долгая была. А на самом-то деле такая короткая! Мне 75 лет. А кажется, и не жил совсем. Я жить хочу, картины писать, а шиш получается — глаза уже плохо видят.

На стене висят его картины, которые многое могут рассказать о нём, о его жизни, о его светлой молодой душе.

Вот маленький пейзаж, щемящий, грустный: зима, ночь, холодная, равнодушная луна; тусклый её свет слабо

освещает маленькую согнутую фигуру человека, который с опущенной головой идёт по снегу к буровой вышке. Как символична эта неброская, казалось бы, картина — человек в плену судьбы, скованный жёсткими обстоятельствами.

А вот «красный» барак, где Александр Петрович остался жить после освобождения. Вот его лежанка за занавеской и мама, которую он написал безмятежно спящей...

— Устроили мне здесь в Германии выставку. Я рад был, спасибо. Но какой я художник? — говорит Александр Петрович. — Я железнодорожник, я шахтёр, я маляр! Я немцем родился — вот моя вина-то! — и поэтому на художника выучиться мне не удалось. Не до того было. А когда в 78-м году паспорт мне меняли, предложили вдруг: «Хочешь быть русским?» А я им на это: «Нет уж, не надо!» А мне снова: «Может, всё-таки хочешь?» — «Нет, спасибо, я немцем родился, немцем и помру».

Родился он в 1923 году в немецкой деревне Мариенталь в беспокойное время. В 29-м году семью «раскулачили», забрали 3 мешка зерна, которого хватило бы до нового урожая. Да Бог с ними, с мешками! Главное, папу тогда забрали, он исчез навсегда. Когда Саше Бершу исполнилось 18, он поехал на заработки на железную дорогу в Сортавалу, в Карело-финскую республику. Это был 1941 год.

По-русски он тогда не знал ни слова.

— Выхожу в первый день на работу, — вспоминает Александр Петрович, — бригадир положил все инструменты на дороге: домкрат, «лапку», кирку, французский топор и метлу с черенком. «Повтори, — говорит, — как они называются». Я кое-как повторил. «Если завтра не повторишь, — грозит, — я тебя этой вот метлой огрею». Я всё и без слов понял.

Так начал Саша работать железнодорожником и понемногу освоил русский язык — может, потому, что метла так напугала? Был там настоящий интернационал — и русские, и украинцы, и татарин, и немец. Все — молодые, сильные. И было весело.

«Саша, ты зачем объявил нам войну?»

— И вот 22 июня мы работаем на железной дороге, — рассказывает Александр Петрович. — И вдруг видим: два самолёта летают, и зенитки бьют... Мы ничего не сообразили, но один, который в финскую войну воевал, сказал, что стреляют боевыми.

Когда Саша пришёл в столовую, там уже все собрались, и у них были мрачные лица. Один из ребят подскочил к нему, схватил его за грудки и закричал: «Саша, ты зачем объявил нам войну?!» «Иди отсюда, дурак, — отогнали его другие. — Чем Сашка-то виноват?»

Вскоре всех железнодорожников военизировали. Жизнь была тогда «цыганская», их перебрасывали с места на место. Он не сразу смог послать домой свой адрес. И ответ получил не скоро. Где мама? Что с ней случилось? Наконец в ноябре 42-го дождался весточки. Пришла она почему-то не из волжской деревни Мариенталь, а из Алтайского края. Случилось страшное: всех жителей родной деревни выселили за то, что они немцы, а значит, «фашисты и враги». Кого — в Казахстан, кого — на Алтай. Прощай, Мариенталь, прощай навсегда!

Тогда же на Онеге призвали Александра Петровича в армию, признали годным, несмотря на раны, которые он уже успел получить. «Ничего, на мясо сойдёт», — весело заметил кто-то из комиссии. Но и «на мясо» не сгодился молодой немец, который рвался воевать с фашистами —

с теми, кто покусился на его родину и из-за кого он оказался чужим среди своих. Годен? Вот так именины сердца! Но тут явился комиссар из НКВД и приказал одним отправляться в часть, а другим, как потом стало ясно — немцам, карело-финнам и прочим «неблагонадежным», — идти за ним.

Прощай, свободная стихия!

Дали каждому по буханке хлеба, по три селедки и по десять кусочков сахара и отправили в Архангельск. Там Саша впервые увидел море — Белое, незамерзающее. По морю плыли большие белые корабли, и душа Саши возрадовалась. Но ненадолго. «Прощай, свободная стихия!» — мог бы он повторить за Пушкиным, да ещё добавить: «Прощай, свобода!» Но тогда он не понимал, что его вместе с другими «врагами» отправляют в лагерь.

В тесный вагон с «буржуйкой» и «парашей» конвойные «засунули» 121 человека.

— Засовы — вжик, намертво! И повезли, — рассказывает Александр Петрович. Пршрое занимает его много больше настоящего, и с годами оно становится всё отчётливей и ближе. — Мы беспокоились, не понимали: куда нас везут, зачем? Почему под конвоем? Почему не кормят?

В Свердловске дали по буханке хлеба на двоих, поломил Саша этот хлеб с парнишкой — карело-финном. А в Челябинске всех «опасных» для советской власти карело-финнов увели куда-то. Немцев же — «врагов» — погнали этапом в южноуральские шахты, в Копейск. Стоял мороз 45 градусов, голодуха, а Саша в комбинезоне и в ботинках. Сухари, что он на свои 200 рублей в Челябинске купил, давно уже были съедены. Как в Копейск притащились, подневольные «шахтёры» сразу принялись за работу.

— Вот она, моя шахта 205. Да уж я её и так бы не забыл, — показывает Александр Петрович печальное «воспоминание в масле». — Так и стал я в 42-м году шахтёром, бойцом трудармии. Вот она — реальность. Какие тут художества?

— После адской работы в забое возвращались в лагерь, еле волоча ноги. В бараке крыша была дырявая, плиты убогие, трубы не выложены. Деревянных узких нар на всех не хватило. Спали по двое, спина к спине, прямо на голом дереве без матрацев. Но до 43-го года мало кто дожил, мертвецов увозили по ночам и закапывали в ямы. Зато нар стало больше, и Саша теперь располагался на них один, и тому был рад.

Скоро заболел он туберкулёзом, но никто его лечить не собирался. А в 48-м, когда уж совсем худо стало, пришёл он в больничку при шахте, и медсестра — добрая душа — дала ему направление в тубдиспансер. На это она права не имела, ведь Саша был «под комендатурой», но жалость к нему поборола страх. Туберкулёз оказался запущенным. Сашу оперировали. Во время операции не хватило новокаина. «Сынок, выдержишь?» — спросила хирург-фронтоничка. Выдержал он, он уже всё мог бы выдержать. Рана ещё кровоточила — а его уже выписали и вернули в лагерь, на шахту. Допрашивали, орали на него: «Кто тебе дал направление в тубдиспансер? Это запрещено!». «Никто», — отвечал Саша.

Любовь нечаянно нагрянет

В больнице в Кыштыме 26-летний Саша влюбился в медсестру Катю. Он спросил её: «Хочешь ты мне стать женою?» Она ответила честно: «Нет, увы, никак не могу».

Когда я подумаю, как вас держат...» Саше стало очень больно от этих слов, но в глубине души он был согласен с Катей. Долго носил он её фото на сердце.

Потом он ещё раз влюбился в челябинскую швейницу Марию, и они дружили 5 лет. О браке, конечно, Саша и не помышлял, но вдруг девушка сама сказала ему: «Давай сойдёмся, время-то уходит».

— И тогда я поехал к ней, знакомиться с семьёй, — Александр Петрович и теперь волнуется, вспоминая эту историю. — Мы сидим за столом, и папа её говорит: «Против немцев ничего не имею. Я с немцами работал. Немец плохому не научит». Договорились о свадьбе. И вдруг она мне рассказывает: «Саша, не сердись, но мой брат вернулся с военной службы в ГДР и говорит: «Нельзя за него замуж. Есть разница между нами и немцами». А я ей: «Скажи своему брату, что он — дурак. Когда есть любовь, нет ни границ, ни национальностей».

Потом она ему письма писала, просила вернуться, но он ответил: «Ты свой выбор сделала».

— Как-то комендант меня спрашивает: «Почему не женишься?» Я ему и говорю: «Я — раб. А за что? В чём я виновен? Почти полтора года на фронте был, работал, а меня за это в лагерь. Рабу семью заводить не стоит. Вот подрастёт у меня дитё, стукнет ему 16. И тоже у тебя отмечаться станет. Не хочу я этого». «Это так, Саша, — отвечает, — но это не от меня зависит — сверху указ».

Женился Александр Петрович только тогда, когда в 56-м году «комендатуру» сняли. Знакомый немец, односельчанин, познакомил его со своей сестрой Фридой. Так они и живут вместе с тех пор. Семья у них большая, дружная, четыре дочери.

Старый этюдник

В 49-м году шахтёр Саша Берш пошёл в кино в клуб 205-й шахты. И тут открылась дверь в одну из комнат, а там — чудо! — картины висят и художник краски мешает, делает копию с «Охотников на привале». С лёгкой руки этого художника по фамилии Колмогорцев Саша и начал

писать. Колмогорцев тоже был ссыльным, из Москвы, жил с матерью в землянке. Спросил Сашу: «Хочешь рисовать?», и шахтёр ответил честно: «Хочу». Ведь это была его мечта. Саша получил от Колмогорцева холст, карандаш и задание — сделать копию с Шишкина. Работали до поздней ночи молча, и только в конце Колмогорцев слегка подправил карандашом фигуру медведицы. На следующий день он дал Саше кисть, краски, баночку с олифой и скупко объяснил: «Видишь — небо, лес? Тут тона холодные, тут тёплые. Давай, работай».

Стали они ходить вместе на этюды, писали печальные и светлые пейзажи, которыми теперь украшена стена в квартире Александра Петровича. Как-то Колмогорцев сказал: «Саша, у тебя исключительное эстетическое чувство, тебе учиться надо», и дал ему адрес заочного художественного института в Москве. Но Александру Петровичу учиться было некогда. Ему надо было кормить маму и сестру, которых ему удалось разыскать и вызвать к себе, в «красный» барак. Был он и маляром, и лозунги писал, и красные уголки оформлял. А художником в душе остался.

Александр Петрович показывает мне старенький замызганный этюдник. Он его в 1950 году за 100 рублей купил и никогда с ним не расставался, вот и два года назад привёз в Германию.

В Германию он ехать не хотел. «Лучше бы, — говорит, — немцам Поволжье снова отдали». Душой остался там, на родине, а ещё — в Копейске, где были его 205-я шахта, его «красный» барак, уральская природа.

— Природа живёт и разговаривает красками, звуками. Подойду к дереву, обниму его и долго так стою, прислушиваюсь. Ворона каркает, а я соображаю: что она мне сказать хочет?

Гамбург

Впервые опубликовано:

<http://www.telegraf.de/OstExpress/1999/57/99571309.html>

Мамед ДЖАФАРЛИ

«Крутой маршрут» братьев Гуммель

трагедия немцев Азербайджана

Злой рок не обошел стороной и так называемых «кавказских» немцев: в такого рода масштабных «мероприятиях», как народоубийство, сталинская карательная машина сбоев не давала.

После презентации в Германии моей монографии о трагической истории немецких поселений в Азербайджане я получил немало откликов — от исследовательских и культурных центров, от частных лиц. Особо ценны для меня письма потомков азербайджанских немцев, живущих сегодня в разных странах мира — от Центральной Азии до

Европы и Америки. Немало их живет и на исторической родине, в Германии. Их предки строили дома и дороги, сооружали объекты промышленности и сельского хозяйства, считая для себя родной азербайджанскую землю, на которую переселились их отцы и деды в первой половине XIX века. Они уезжали на учебу в Германию, их выселяли в годы первой мировой войны, но при первой же возможности они возвращались домой.

Уничтожая их как этнокультуру, советский режим хотел лишить потомков азербайджанских немцев памяти о

своих корнях. Но это большевикам не удалось. Письма людей, основную часть своей сознательной жизни проведших вне Азербайджана, в которых содержится немало теплых слов об этой стране, дают основания утверждать: депортированные немцы немало рассказали детям, родившимся далеко от Азербайджана, о родном Еленендорфе (Ханларе), Анненфельде (Шямкире), Георгсфельде (Чинарлахе) или маленькой Елизаветинке (Хатаи)...

Они рассказывали им все, что только могли знать. Но многие детали жизни их близких родственников остались неизвестными: карательные органы скрывали правду о массовых расстрелах немцев в тюрьмах НКВД. Но жены и дети погибших даже десятилетия спустя не прекращали наводить справки о них. Правдивую историю своих предков продолжают восстанавливать и родившиеся далеко за пределами Азербайджана последующие поколения азербайджанских немцев.

Среди тех, кто ищет правду о родных, есть и потомки рода Гуммелей. Автор этих строк познакомился в Германии с одним из них. Эта семья, как и многие другие немцы, волей злого рока проделала большой путь из Азербайджана в Сибирь и Казахстан. После долгих и тяжелейших годов выживания им удалось в последние десятилетия эмигрировать в Германию.

Потомки наших соотечественников рассказали мне о долгих поисках правды о представителях рода Гуммелей, оставшихся в советском Азербайджане.

Когда-то Гуммели были одними из главных посредников немецкой культуры в Азербайджане. Им принадлежит заслуга в создании архитектурных сооружений и коммуникаций в северо-западной части нынешнего Азербайджана. Жители Ханлара, Шямкира или Чинарлов и сегодня используют питьевую воду из водопровода, построенного на средства Гуммелей и других немецких колонистов. Взрослые жители этих городов используют гуммелевские подземные сооружения-подвалы как вместительные холодильники, а дети учатся в школе, построенной в свое время для колонистов, причем о начале и конце уроков в товузской школе и сегодня извещает колокольчик, установленный немцами еще в начале века.

Особенно велика роль Гуммелей в развитии виноделия. В 1882 г. они основали фирму «Братья Гуммель». Уже через год ими были построены около Гянджи винный завод и ряд подвалов. В 1895 г. появился коньячный завод в Еленендорфе.

К периоду оккупации Азербайджана Россией в апреле 1920 года здесь жили около 400 представителей рода Гуммелей. В 1921-1923 гг. примерно 40 из них удалось эмигрировать в Германию, некоторым — в США, Южную Америку, Афганистан, Иран, Турцию. Остальные были репрессированы большевистским режимом: сосланы в лагеря НКВД, расстреляны, депортированы в Сибирь.

Землю и предприятия, принадлежащие Гуммелям, национализировали. Несмотря на это, в сложных условиях советской действительности они продолжали созидательную деятельность. Видя угрозу разрушения немецких хозяйств, Гуммели вместе с состоятельными семьями Форер, Бек и другими, создали виноградо-винодельческое объединение, названное позже «Конкордия», и передали ему свои средства. Имущество Гуммелей оценивалось в 202767 рублей, что составило половину всего основного капитала «Конкордии». Предприимчивость, профессионализм Гуммелей и трудолюбие колонистов позволили «Конкордии» достичь большого успеха. Обладая 6% площади виноградников республики, «Конкордия»

давала половину всей виноградной продукции Азербайджана. Как и в досоветский период, немалую часть доходов она выделяла на образование, культуру, строительство.

В 20-х годах Гуммели работают в «Конкордии» как «советские служащие» и занимают ряд ответственных должностей на предприятии, при участии которого в первые годы советской власти был построен ряд вино-водочных, лимонадных и коньячных заводов (часть из них сохранилась в Ханларе, Шямкире, Товузе и Акстафе). Около 200 специализированных магазинов «Конкордии» открываются в Грузии, Украине, России и Узбекистане. Гуммели руководят представительствами «Конкордии» в различных городах СССР и Германии.

Отто работал в центральном правлении в Еленендорфе. Теодор до 1924 года являлся представителем «Конкордии» в Берлине, Альберт работал в Москве (1921-1924) и Ленинграде (1924-1929), Вернер с 1922 по 1929 гг. руководил московским представительством. Эрнст с 1921 по 1924 гг. — тифлисским. В Саратове «Конкордию» представлял Карл Гуммель.

С приходом советской власти для семьи начались тяжкие годы выживания. Фамилия Гуммелей, которой они так гордились, приносила им только страдания. Власть с особой жестокостью преследует их как представителей состоятельного класса и бывших владельцев виноградников в Гянджинском уезде.

В 1925 году органы ГПУ арестовали одного из основателей «Конкордии» Готлоба Гуммеля. На судебном процессе, проходившем в Баку, его вместе с другими руководителями «Конкордии» обвинили в антисоветской деятельности, «сохранении кулацких капиталов под прикрытием кооператива и воспитании немецкой молодежи в германском духе».

В этот же период Гуммелей под давлением советских органов отстраняют от работы в руководящих звеньях «Конкордии». В 1929 году многих представителей мужской части Гуммелей лишили избирательных прав. Среди них — семья Эдуарда Гуммеля. На ее представителях и остановимся подробнее.

Из всех детей Эдуарда Гуммеля эмигрировать в Германию удалось только дочери Элле. В бакинских архивах сведения о ней скудные. Ее братья Вильгельм и Карл в застенках НКВД на вопросы следователей о местопребывании сестры отвечали по-разному. Вильгельм утверждал, что она являлась женой бургомистра г.Бремена. Карл же говорил, что его «сестра Элла Люкен, будучи девицей, в 1925 году выехала на учебу в Германию в город Люксембург. В 1928 году окончила учебу. В 1930 или 1931 гг. вышла замуж за художника Люкен, с которым проживала в Эмдене, где работала учительницей. Имеет двух детей».

Причиной отъезда девушки, как и многих других представителей рода Гуммелей, было стремление спастись от советской действительности. Жителям Еленендорфа было известно: Элла выехала «нелегально, по подложным документам». Сначала Карл вывез ее в Саратов, а уже оттуда она была отправлена в Германию.

Кроме Эллы, в Германии жил и руководитель диаспоры азербайджанских немцев Теодор Гуммель, являвшийся также одним из руководителей Союза немцев-эмигрантов Южного Кавказа. До эмиграции он поддерживал дружеские отношения с представителями национального правительства Азербайджанской Демократической Республики. В Германии жил и племянник Эдуарда, Отто Гуммель. Другой близкий родственник, Герман Гуммель, жил в Америке. Такое количество родственников за границей

представляло для семьи Гуммеля еще один фактор, усложняющий ее положение. Переписка между родственниками расценивалась как «связь с границей» и «шпионаж». Поэтому власти, информированные о том, что семья Эдуарда осведомлена о жизни Эллы, пытались разузнать о формах связи с ней.

После конфискации у семьи Э. Гуммеля остались в Еленендорфе дом, построенный в 1910 г., и 2 га земли с виноградниками. Этот дом и небольшое хозяйство после смерти отца (на допросе Вильгельм Гуммель указал датой его смерти 1922 год, хотя в протоколах свидетельских показаний значится 1931 год) переходит в наследство сыновьям Вильгельму и Карлу. Имя третьего брата в

материалах почти не фигурирует. Вероятно, это связано с тем, что Фридрих Гуммель к тому времени переехал на жительство в населенный азербайджанцами регион Грузии, где работал агрономом на железной дороге ст.Сандар (Джандар) Борчалинского района. К сожалению, собрать больше информации о Фридрихе нам пока не удалось. В Еленендорфе близкими родственниками семьи Эдуарда являлись Готлиб Фрик, Герман Фрик, Вилли Фрик, Георг Фоттелер и Эрнст Гуммель.

Публикуется в сокращении.

Впервые опубликовано: <http://www.telegraf.de/OstExpress/1999/67/99672308.html>

Лео БИЛЬ

«Правда о великой лжи»

Писатель Лео Герман живет в тихом районе Берлина — Целендорфе. Плотный крепкий мужчина с седыми усами и пристальным взглядом чуть прищуренных глаз принял меня в своём кабинете, уставленном стеллажами с книгами. Человек он уже немолодой, разменял седьмой десяток, многое повидал в жизни.

До войны семья Герман жила на Украине, недалеко от города Мариуполь. В годы войны Германы попали под оккупацию, и их вывезли в Германию. В самом конце войны его, семнадцатилетнего, призвали в немецкую армию. Потом были депортация, лагерь на севере Урала. После освобождения он вернулся к родителям в Казахстан и тут же был мобилизован в трудовую армию. Попал в Караганду, работал на шахте. Позже закончил там заочно горный техникум и стал маркшейдером. Побывал и на целине, работая землеустроителем в Кустанайской области. Закончил институт, опять заочно, работал в различных строительных организациях Темир-Тау и других городах Казахстана и Киргизии.

Еще в 60-е годы, будучи в Темир-Тау, он сделал свои первые шаги в литературе. Но жесточайшая цензура не пропускала правдивые произведения, да еще и автора с немецкой фамилией. С большим трудом ему удалось опубликовать несколько рассказов. Позже, уже живя в Киргизии, он задумал свою первую документальную повесть о жизни и судьбе заключенных в советских лагерях «Смилуйся, Господи!». Материал для неё он собирал в Челябинске, где, как известно, находится металлургический комбинат. Вокруг него во время и после войны было расположено 18 лагерей, в которых содержали безвинных людей разных национальностей, в том числе и много советских немцев. Он беседовал с очевидцами, побывал на Баландинском кладбище, где покоятся останки более 200 тысяч узников. Очевидцы рассказывали, как в день умирали сотни заключенных, как по весне, когда оттаивала земля, в вырытые экскаватором ямы сбрасывали тысячи трупов и ровняли захоронения с землей, чтобы скрыть следы преступления.

О том, что Герман собирает какой-то материал, делают записи, узнали в местном отделении КГБ. Его арестовали, отобрали все записи и фотоленты. Выпустили через двое суток, вдогонку послали соответствующую «характеристику» по месту жительства. Вернувшись домой, Герман, обвиненный в неблагонадежности, был вынужден уволиться с работы. Но в мыслях его уже сформировался документально-художественный роман «Правда о великой лжи».

Над этой книгой Лео Герман работал многие годы. Первая ее рукопись была изъята и уничтожена органами госбезопасности. Пришлось всё восстанавливать. В основу повествования легла жизнь самого автора, а вместе с ней — и жизнь народа бывшего СССР. Работая над книгой, он просмотрел сотни архивных документов. В его книге приведены решения политбюро, свидетельства очевидцев, материалы следственных органов, газетные выступления политологов, доносы провокаторов и «сексотов» и даже план нападения СССР (Красной Армии) на Германию, подписанный Жуковым и Тимошенко.

Удалось ему собрать и множество документов о том, как грабили «освободители» побежденную Германию. Высшие военачальники вывозили награбленное по их приказу добро целыми вагонами.

Сейчас рукопись романа «Правда о великой лжи», в которую вошло более тысячи страниц, в основном завершена. Автор ведет переговоры с немецкими издателями и переводчиками, ведь роман написан по-русски. Есть уже и первые отзывы. Председатель Союза писателей Киргизии профессор Омор Султанов в своей рецензии написал: «Автор хочет, чтобы люди знали и помнили, как произошел этот дьявольский коммунистический кошмар, чтобы дети и внуки палачей не становились палачами и жертвами палачей».

Публикуется в сокращении.

Впервые опубликовано: <http://www.telegraf.de/OstExpress/1999/65/99652109.html>

Михаил ДИСТЕРГЕФТ

О себе и о том, как я оказался в ГУЛАГе

Я родился в 1921 году, в селе Савелово Тверской губернии. С раннего детства жил в Ленинграде, где, окончив среднюю школу, готовился к поступлению в Академию Художеств. Занимался в студии профессора А. Д. Зайцева у педагогов В. А. Горба и А. А. Ефимова. В начале мая 1941 года был призван в армию по спецнабору. Когда началась Великая Отечественная война, служил артиллеристом-зенитчиком под Москвой. Почти три месяца войны, в зоне боевых действий, где было ВСЕ! Но последовал приказ об отъезде с фронта по национальной принадлежности, и я попал в стройбат. Замелькали города: Коломна, Горький, Дзержинск и, наконец, Каменск-Уральский, где строился Уральский алюминиевый завод. Стройбат № 687 был расформирован весной 1942 года, а в октябре я получил повестку райвоенкомата о мобилизации в угольную промышленность до конца войны...

Повезли в грязных телячьих вагонах, под конвоем. В начале ноября нас высадили на станции Богословск (север Свердловской области) и поместили... в лагерь: колючая проволока, бараки, вышки, конвой, вахта... Так без суда и следствия я стал «мобилизованным» заключенным в системе НКВД. Сложившиеся в лагере условия бытия — тяжелый труд с дальней ежедневной дорогой на копи и обратно, насилие, унижения и чувство несправедливости, нужда и болезни, скудное питание — все отнимало последние силы. А трудиться заставляли только на общих работах. Я успел побывать и слесарем, и пожарником, и выборщиком породы, пока не заболел. В жестокую уральскую зиму, при температурах минус 40 градусов с лишним, моя изношенная армейская шинелька совсем не грела... Я стал совершенным «доходягой» и получил освобождение от общих...

В это время случай свел меня с маркшейдерами (специалисты по геодезическим съемкам горных разработок — ред.). Мое умение рисовать объемно горы и отвалы на их чертежах очень понравилось, и они стали добиваться моего перевода к ним в отдел. В моем положении наметились какие-то перемены, засветилась маленькая надежда...

Мне необходимо было упрочить свое положение и показать, что я умею. Я нарисовал с натуры угольный разрез открытых разработок с людьми и механизмами. Потом стал рисовать передовых кадровых рабочих по профессиям. Все это на простой оберточной бумаге. Когда материалов накопилось много, на площадке перед управлением сделали выставку портретов и назвали ее «Доской почета». Мою работу заметили, и даже появилась большая хвалебная статья в областной газете «Уральский рабочий». На другой же день после выхода газеты меня срочно доставили к управляющему треста «Богословуголь», ко-

торый встретил меня как героя, и даже протянул руку... В беседе он поддержал меня в начинаниях и поставил новые, более серьезные задачи.

Я будто вдруг по-новому увидел Северный Урал! Широкий размах пространства, мощь и силу манящих горных далей, все красоты величественной природы древнего Урала, и на их фоне — угольные копи Богословского месторождения, гениально предугаданного академиком А. П. Карпинским.

В бараке у меня появился свой угол. Я стал рисовать и писать маслом угольные разрезы, забой, панорамы уже официально, во исполнение общей темы: «Богословские копи в дни войны». Было трудно, но это была моя работа — большая, ответственная. Окружающие относились ко мне доброжелательно, а в среде технической интеллигенции треста я нашел добрых советчиков и поклонников. Так я становился художником! Приятно сейчас думать, что многое из сделанного мною тогда, стало достоянием многих музеев Урала.

А лагерная жизнь шла своим чередом. Сменялись волны ужесточений и послаблений режима в зависимости от положения на фронтах. Пришла, наконец, и долгожданная Победа! Зона замерла в ожидании перемен... Но только в ноябре 1948 года как гром прогремел Указ ВС СССР о вечном поселении с угрозой 20-летней каторги за

Дистергефт Михаил Васильевич, автор графической серии «В те годы».

побег... В соответствии с этим законом, я стал ссыльным-спецпоселенцем, с обязательной ежемесячной отметкой в комендатуре.

Как известно, указ был отменен в декабре 1955 года. Но для меня этот период — зона, поселение — закончился в 1951 году, когда мне удалось добиться перевода на спецучет в Нижний Тагил для продолжения образования. (К этому времени у меня уже была семья — жена и сын.) Здесь был принят на 5 курс Художественно-промышленного училища, которое окончил в 1952 году. С открытием отделения Художественного фонда, был принят на работу в эту профессиональную организацию. В 1965 году вступил в Союз художников СССР по итогам творческой работы и выставочной деятельности в стране и за границей.

В 1992 году — через 50 лет (!) репрессивного состояния — получил полную реабилитацию.

Нижний Тагил

«Позади зона — впереди поселение»

Казалось бы, в названии сказано все. Но герой не знает еще, что поселение это продлится целых 46 лет!

«Истощение»

Отдел профилактической помощи — ОПФ — привычная аббревиатура тех лет. Слабая надежда восстановить здоровье и утраченные силы. Я часто задумывался: почему в зоне так много дистрофиков-«доходяг»? В Ленинградской блокаде, которую пережили мои родные, люди, получая мизерные 125 граммов, все-таки выживали. Они были сильнее духом, у них была надежда.

«Шаг влево, шаг вправо...»

...считается как попытка к бегству. И значит, — законная пуля в спину...

«На вечное поселение»

Черный день 28 ноября 1948 года. Читают Указ Верховного Совета СССР о вечном поселении депортированных народов. В зале стояла гробовая тишина, изредка оглашаемая сдавленными рыданиями женщин. Плакать открыто — боялись! Мужчины, с комком в горле, сидели бледные и в молчании...

Мало того, что этот указ навсегда помал судьбы миллионов людей, он узаконил и оправдал насилие и геноцид. Спецпоселенцы теперь вызывали в народе «законную» неприязнь, недоверие, подозрительность, даже ненависть.

Слева — рисунок, где изображена застреленная в этот день женщина, которая развешивала на проволоке «предзонника» белье. У нее в городе Серове осталось трое детей.

«Изгнание»

Состав прибыл. Дальше дороги нет. Насильственно депортированные люди обречены обустраиваться на новом месте — в открытом всем ветрам поле, среди снегов...

«Спецконтингент»

Репрессированные в «административном порядке», то есть без суда и следствия, по непонятным признакам разделялись на группы СОЗ (социально опасный элемент) или ПОЗ (политически опасный элемент). Дешевые кадры для принудительного труда, которые «решают все!».

Людмила АЛЕКСЕЕВА

Движение советских немцев за выезд в ФРГ

Предки советских немцев, которых по переписи 1979 года насчитывается в СССР 1 млн. 937 тысяч, переселились в Россию из Германии, Австрии и Швейцарии при Екатерине II (с 1764 г.) и во время наполеоновских войн (конец XVIII и начало XIX вв.). Первая волна осела в основном в Поволжье, вторая — на южной Украине и

на Кавказе. В этих районах переселенцы получили целинные земли и в трудных условиях освоили их. Немецкие колонисты имели свое самоуправление, школы на родном языке, свое книгоиздательство. Однако их положение было неустойчивым, так как в значительной степени зависело от взаимоотношений между Россией и Германией. Немцы, родившиеся в России, считали ее своей родиной, но власти не доверяли им. Царским указом от 13 декабря 1915 г. была намечена на апрель 1917 г. ликвидация немецких колоний и принудительное переселение колонистов в Сибирь. Февральская революция помешала осуществлению этого проекта.

После революции в Поволжье была образована немецкая автономная республика, а на Украине, на Кавказе и на Алтае — немецкие национальные районы. Перед второй мировой войной в Республике Немцев Поволжья насчитывалось 170 немецких школ, 11 техникумов, 5 вузов, выходила 21 газета на немецком языке, работали немецкие театры, клубы, дома культуры. Эта республика первой в СССР стала республикой сплошной грамотности, имела кадры национальной интеллигенции. [1]

Немецкое население СССР за годы советской власти вошло вместе со своими семьями в «первое в мире государство рабочих и крестьян», чтобы участвовать в строительстве социализма. Все эти переселенцы, за очень редкими исключениями, и десятки тысяч коренных немцев Поволжья были арестованы в 30-е годы и большинство погибло в заключении.

Вот, например, мартиролог немецкой семьи Руппелей, изложенный в самиздатском журнале немцев «Репатриа» одним из его составителей Фридрихом Руппелем. В 1938 г. были арестованы его отец и 25-летний старший брат, брат матери с двумя сыновьями и еще четверо его двоюродных братьев. Шестеро из них погибли в заключении, отец вернулся слепым. В сентябре 1941 г. были арестованы: сам Фридрих Руппель (ему тогда было 18 лет) и его мать, которую приговорили к расстрелу, как и его двоюродного брата Андрея Руппеля. Два других двоюродных брата и двоюродная сестра

получили, как и сам Фридрих, 10-летние лагерные сроки. Сестра погибла в заключении. Все оставшиеся в живых — как «набора» 1938 г., так и «набора» 1941 г. — были впоследствии реабилитированы. [2]

Так было в очень многих немецких семьях. Но эти ужасные события, как пишет Ф. Руппель, были общей бедой и горем всего советского народа. Однако для советских немцев террор 30-х годов оказался лишь препюдией к трагедии их народа, разыгравшейся в самом начале войны с Германией.

28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Он гласил:

«Согласно точным сведениям, полученным военными организациями, среди немецкого населения, проживающего в районах Поволжья, имеются тысячи и тысячи диверсантов и шпионов, которые по сигналу, данному из Германии, должны произвести взрывы в районах, населенных немцами Поволжья. О наличии количества диверсантов и шпионов среди немцев Поволжья ни один из немцев, проживающих в районах Поволжья, не сообщил советским органам. Следовательно, немецкое население районов Поволжья скрывает наличие среди них врагов советского народа и советской власти. С целью предотвращения этих нежелательных явлений и чтобы не допустить серьезного кровопролития...»

Все советские немцы — не только из Поволжья (где проживала треть немецкого населения СССР), но где бы они ни жили, были выселены принудительно в Сибирь и в Среднюю Азию, а Республика Немцев Поволжья была ликвидирована. [3]

В 1942 г. немцы — и мужчины и женщины, начиная с 14-летнего возраста, были мобилизованы в трудовую армию — на стройки, находившиеся в ведении НКВД. Но на самом деле они находились не на положении трудармейцев, а на положении заключенных. Их поселили в лагерных бараках за колючей проволокой, под охраной, на работу выводили под конвоем. При этом мужчин отделили от женщин, т.е. разделили семьи, а детей от самых маленьких до 14 лет отобрали у матерей и раздали в чужие семьи или отправили в детские дома. Вот свидетельство о пережитом в те времена немца Константина Вуккерта:

«В трудармию были мобилизованы все трудовые члены нашей семьи: отец, 15-летний братишка, ма- чеха. Остался дома, т.е. в Сибири, на месте принудительного поселения, один член нашей семьи — семилетняя сестренка. Она была отдана чужим людям. В 1944 г. отцу удалось забрать ее к себе в трудармию.

Она была истощена от голода и издевательств чужих людей». [4]

Таким образом, советские немцы оказались, может быть, единственной в истории человечества нацией заключенных.

После окончания войны трудовая армия была распущена, но немцев расселили по спецпоселениям такого же типа, в каких жили крымские татары, месхи и другие выселенные народы. Указ от 26 ноября 1948 г. Президиума Верховного Совета СССР, по которому немцы были переведены из трудармии в спецпоселения, гласил, что они выселены «навечно».

Спецпоселения для немцев были отменены 13 декабря 1955 г.,

«... учитывая, — как говорилось в Указе ПВС СССР, — что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев ... в дальнейшем не вызывают необходимости».

Однако пункт 2 этого Указа гласил, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться на места, откуда они были выселены. [5]

Таким образом, немцы не должны были более ежемесячно отмечаться в комендатуре, им разрешили выезд за пределы места жительства, однако обвинение в «измене» тяготело над ними до 29 августа 1964 г., когда оно было формально снято очередным Указом Президиума Верховного Совета СССР, признавшим, что «огульные обвинения» «в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам», которые были предъявлены советским немцам в Указе от 28 августа 1941 г., «были неосновательными», Указ 1964 г. свидетельствовал, что

«... в действительности в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство немецкого населения вместе со всем советским народом своим трудом способствовало победе Советского Союза над фашистской Германией, а в послевоенные годы активно участвует в коммунистическом строительстве». [6]

Но признание несправедливости, совершенной по отношению к немцам, не означало разрешения вернуться на родину. Как и относительно крымских татар и месхов, относительно немцев было решено, что они «укоренились» на новых местах и должны там остаться.

2 января 1965 г. в Москву прибыла первая делегация выселенных немцев — 13 членов Инициативной группы «коммунистов, комсомольцев и беспартийных». Они привезли письма на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Микояна, подписанные в общей сложности 660 немцами. Авторы этих писем выражали благодарность партии и правительству за снятие с «советско-немецкого» народа необоснованных обвинений и заявляли, что они — не часть немецкого, швейцарского или австрийского народа, а отдельный народ, имеющий родину в России. [7] Они настаивали не только на разрешении вернуться в родные места, но и на восстановлении автономной немецкой республики.

Вопрос о восстановлении автономии для немцев имел особое значение — не только как свидетельство полной реабилитации и даже не только как необходимое условие сохранения и развития национальной культуры, но как единственная возможность создания как бы острова спокойного существования в стране, где ненависть ко всему немецкому, возникшая в годы войны с Германией, не угасла.

Страшные военные утраты и жестокость фашистов к пленным и к мирным жителям на захваченных землях давала очень благоприятную почву для пропаганды, в военные годы нацеленной на возбуждение ненависти к немцам, а учебные программы в школах до сих пор преподносят исторические факты так, что Германия выглядит извечным врагом России, история немцев Поволжья замалчивается, и их особенность, их роль в революции, гражданской войне и мирном строительстве, а тем более совершенная над ними жестокая несправедливость во время войны просто не известны почти никому. Это создавало вокруг немцев атмосферу ненависти во время войны. К Вуккерт вспоминает, что в своем трагическом положении немцы были лишены сочувствия окружающих:

«Не раз я слышал ... окрик: «А что вы хотели? Наши люди в осажденном Ленинграде умирали не меньше!» Иными словами, нас ставили на одну доску с теми, кто окружал Ленинград и душил его голодом, и мы должны были умирать за тех погибших в Ленинграде. Так сказать, око за око, зуб за зуб». [8]

Конечно, с годами отношения с окружающим населением стали спокойнее, но все-таки нередко немцы и сейчас оказываются объектом ненависти только в силу своей национальности. Тот же Вуккерт рассказывает, как в 1967 г. он, зайдя к своему русскому соседу в селе, где они оба живут (Новотроицкое, Казахстан), застал у него гостей — брата с семьей. Брат — инвалид, потерял на фронте обе ноги. Узнав, что Вуккерт — немец, безногий бросился на него с криком:

— Я тебя, гада, сейчас съем!

С большим трудом его семье и брату удалось оттащить его. [9] Такая реакция — не редкость.

Особенно страдают от неприязненного отчуждения окружающих дети немцев. Они не хотят говорить на родном языке, стесняются, что они — немцы. Вот почему для немцев было особенно важно восстановить свою автономию.

Очередная делегация немцев, отправившаяся в Москву 7 июня 1965 г., была принята А. Микояном. Выслушав пожелания и претензии членов делегации, Микоян с большой похвалой отозвался о вкладе немцев в освоение целинных земель, похвалил немецкое трудолюбие и законопослушность, но отказал в просьбе.

— Не все, что натворила история, поддается исправлению, — сказал он, и объяснил причины, по которым правительство отказывается от восстановления автономной немецкой республики:

— Сейчас в целинном крае вести хозяйство без немцев невозможно, и восстановление республики вызовет огромные экономические затраты. [10]

Особо активным членам делегации, встретившим-

ся с Микояном, было предложено переселиться в Москву, они получили хорошие должности и прекратили свои усилия. После столь неудачной попытки добиться пересмотра этого решения советского правительства надежда на улучшение нынешнего положения советских немцев угасла.

Сейчас немцы рассеяны по всей стране. Районы компактного немецкого населения имеются в местах их бывшей ссылки: в Казахстане, Киргизии и Таджикистане. Большинство немцев живет здесь в селах и поселках, так как долгое время им не давали селиться в больших городах. Более половины немецкого населения занимается сельским хозяйством. Значительные группы немцев появились за последнее десятилетие в Волгоградской области, в Молдавии, на Кавказе и в Прибалтийских республиках. Но по-прежнему они не имеют условий для нормальной национальной жизни. Практически отсутствуют школы на родном языке, лишь кое-где есть немецкие классы. Немецкая пресса представлена всего двумя газетами — одной в Москве и одной в Целинограде (Казахстан) с небольшим тиражом и тематикой, отнюдь не специфически немецкой. Нет немецких культурных учреждений — издательств, театров и т.п. Значительная часть молодых немцев в этих неблагоприятных условиях утратила немецкий язык или лишь говорит на нем, но с трудом читает и пишет.

Быстрым темпом идет ассимиляция. Если в 1959 г. 75% немцев считали родным языком немецкий, то в 1970 г. такие немцы составили только 66,8%, а в 1979 г. — 57%. [11]

До сих пор существует скрытая дискриминация немцев при продвижении по службе и при поступлении в высшие учебные заведения, так что немецкий народ почти лишен национальной интеллигенции. Но самое тяжелое для немцев — то, что они по-прежнему обречены жить в инонациональной среде, враждебной к ним в память о страданиях, пережитых в войне с Германией. К тому же стихийная ненависть населения подогревается сверху и стараниями местной прессы. Так, 1 и 2 апреля 1980 г. в газете «Челябинский рабочий» была помещена статья, где жители Челябинска немца Александре Боусе было написано:

«Лобастый, с чуть рыжеватыми негустыми волосами, с яркими голубыми глазами... И вдруг вспомнились мои военные дни... До сих пор помню я другие каски. Темного, ядовитого зеленого цвета... Со свастикой... И глаза из-под этих касок... Особенно подходили для этих касок голубые глаза с ледком... Нордические глаза — принадлежность к «высшей расе»...».

Многие немецкие семьи стали добиваться разрешения на выезд в ФРГ к родственникам еще в 50-е годы, а есть и такие, которые начали делать подобные попытки в 20-е годы. Однако массовым движение за эмиграцию среди немцев стало со второй половины 60-х годов, после того как пропала надежда на восстановление республики немцев Поволжья. Конечно, немецкая эмиграция имеет, как и еврейская, не только национальные, но и социальные корни: ведь есть возможность добиваться выезда в ГДР, тоже немецкую страну, но с аналогичным советскому социалистическим стро-

ем. Однако немцев, которые просят отпустить их в ФРГ или в ГДР, очень мало — подавляющее большинство стремится решить одновременно и национальную, и социальные проблемы.

Лишь с 1974 г., после многолетних усилий советских немцев, пошло им навстречу и правительство ФРГ, которое тоже стало добиваться разрешения на выезд для советских граждан, имеющих родственников в ФРГ. К этому времени, как сообщает ХТС, подали заявления на выезд около 40 тысяч немцев. [12] В Эстонии, Латвии, Казахстане и других местах они создали эмиграционные комитеты для коллективных усилий по получению разрешений на выезд. В январе 1974 г. активисты немецкого движения за выезд выпустили самиздатский сборник «Ре патриа», освещавший проблемы эмиграционного движения немцев. На его обложке стояло — «Выпуск 1», т.е. издание было задумано как периодическое. Но его составителей (В. Григас, Л. Бауэр и Ф. Руппель) вскоре выпустили в ФРГ, и «Ре патриа» прекратилась после первого выпуска.

11 февраля 1974 г. в Москве у здания ЦК КПСС состоялась демонстрация немцев, добывающих разрешения на выезд. Во время этой демонстрации Людмила Ольденбург со своими несовершеннолетними сыновьями приковала себя к светофорному столбу около здания ЦК. 17 февраля состоялась аналогичная демонстрация немцев в Таллинне. [13]

С тех пор демонстрации стали распространенной формой борьбы немцев за выезд. Чаще всего такие демонстрации проводятся в Москве, в последнее время — главным образом на Красной площади; но случаются и вне Москвы, например, в Душанбе, перед зданием ЦК КП Таджикистана. Обычно эти демонстрации немногочисленны, самые большие — по несколько десятков человек, но как правило — менее 10-ти, довольно часто — семьями. Вот описание типичной немецкой демонстрации, состоявшейся 31 марта 1980 г. на Красной площади в Москве:

«В демонстрации должны были участвовать около 30 человек, но незадолго перед ее началом немцы, прибывшие из г. Нарткала Кабардино-Балкарской АССР, были задержаны сотрудниками милиции. На Красную площадь смогли выйти только 5 человек из г. Котово Волгоградской области. Они несли транспаранты: «Мы хотим жить на своей родине в ФРГ». Все пятеро были тут же схвачены милицией и отведены в пункт по охране порядка при Красной площади. Их имена: Виктор (1952 г.р.) и Лидия (1957 г.р.) Эбели, Виктор (1953 г.р.) и Альвина (1955 г.р.) Фрицлеры и Готфрид Облиндер (1953 г.р.). Семьям Эбелей и Фрицлеров ОВИР отказал в выезде уже 5 раз». [14]

Своеобразный способ протеста, применяемый немцами, добивающимися выезда в ФРГ, — отказ от гражданства СССР со сдачей советского паспорта. Впервые этот способ применили около 300 немцев Казахстана и Киргизии в конце 1976 г. Одновременно они обратились с письмом о тяжелом положении немцев в СССР в международные правозащитные организации и в Московскую Хельсинкскую группу (см. главу «Правозащитное движение»). Несколько активистов немецкого дви-

жения были в связи с этим арестованы за нарушение «паспортного режима» и осуждены на лагерные сроки от нескольких месяцев до полутора лет. Некоторые из них по отбытии срока получили разрешение на выезд, но многие до сих пор получают отказы. [15] С 1976 г. начались обращения немцев в Московскую и Литовскую Хельсинкские группы. Продолжаются и обращения в советские инстанции, к правительству ФРГ и в различные международные общественные организации. [16]

Организаторы коллективных жалоб подвергаются преследованиям вплоть до осуждения на лагерные сроки — по сфабрикованным уголовным статьям или «за клевету на советский строй» (так обычно квалифицируется указание в коллективных письмах на дискриминацию немцев в СССР). «Клеветнический» характер таких заявлений опровергается на суде выступлениями немцев с благополучными биографиями.

С 1980 г. давление на немцев, добывающихся разрешения на выезд в ФРГ, усилилось, о чем свидетельствует Московская Хельсинкская группа, посвятившая немцам-отказникам четыре своих документа, из них три — в 1980-1981 гг. [17]

В заявлении 246 немцев-отказников из Кабардино-Балкарии, направленном в 1980 г. в Президиум Верховного Совета СССР, в немецкий Бундестаг и на Мадридскую конференцию Хельсинкских стран, отказники жалуются на произвол и грубость властей, к которым они обращаются за разрешением на выезд:

«Зам. начальника РОВД г. Майский Д.М. Тимофеев объяснил нам, что в нас нуждаются здесь как в рабсиле, и, по его словам, перед тем как выпустить, из нас сначала выжмут все соки. Начальник городского управления КГБ г. Прохладный выразил желание сослать нас всех на БАМ (Байкало-Амурская Магистраль — очередная «великая стройка» — Л.А.). Зам. начальника РОВД г. Майский Д.М. Тимофеев в беседе с нами возложил на нас вину за гибель 20 млн. советских граждан во время Великой Отечественной войны. Начальник паспортного стола МВД КБ АССР Хуранов сказал однажды, что, будь его воля, он бы всех нас расстрелял». [18]

Вынужденные обращаться с жалобами на местное начальство в высшие инстанции, немцы-отказники и там наталкиваются на беззакония. В этом же письме 246 немцев сообщается, что 10 ноября 1980 г. за посещение ОВИРа в Москве были задержаны и вывезены на место жительства под конвоем 15 немцев-жалобщиков. Двое из них были сброшены с железнодорожного перрона на рельсы сотрудниками КГБ. Г. Миллер, адрес которого был проставлен в этом письме для ответа, был арестован.

Движение за выезд в ФРГ, особенно после того как западногерманское правительство стало поддерживать это движение, способствовало преодолению национальных комплексов у советских немцев. Среди них нашлись люди, не ограничивавшиеся жалобами на национальную неприязнь окружающих, но требующие признания заслуг российских немцев. В этом смысле показательно дело Александра Тилля и Владимира Райзера. Тилль был арестован в декабре 1981 г., а Райзер —

в начале 1982 г. Их судили за «клевету на советский строй». Конкретно обвинение состояло в том, что они собирали подписи под требованием поставить памятник немцам, погибшим в трудармии в годы войны. Видимо, Тилль и Райзер не были одиноки в своих планах. По их делу прошли массовые обыски в Новосибирске и во Фрунзе, а уже после их осуждения 11 июня 1982 г. группа немцев из разных мест Киргизии подала заявку в горисполком Фрунзе на мирную демонстрацию в поддержку Тилля и Райзера. Ответа не было, и демонстрация не состоялась. Но эта заявка указывает на идею демонстрации, отличной от традиционных демонстраций немцев-отказников с единственным требованием разрешить выезд в ФРГ демонстранту и его семье. [19]

Немецкая эмиграция из СССР выразилась в следующих цифрах: 1971 г. — 1145 человек, 1972 г. — 3423 человека, 1973 г. — 4494 человека, 1975 г. — 5985 человек, 1976 г. — 9704 человека, 1977 г. — 9274 человека, 1978 г. — 8445 человек, 1979 г. — 7226 человек, 1980 г. — 6650 человек, 1981 г. — 3723 человека, 1982 г. — 1958 человек. [20]

1983 год

Примечания

1. В: сб.: «Ре Патриа», серия «Вольное слово», вып. 16, Посев, 1975, с. 9.
2. Там же, с. 54-57.
3. Там же, с. 84-86.
4. Архив Самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен (АС), № 2811, вып. 16/78, с. 8.
5. Цит. по: «Ре Патриа», с. 86.
6. Там же, с. 87.
7. Цит. по: «Ре Патриа», с. 50-51.
8. АС № 2811, с. 8.
9. Там же, с. 22.
10. «Хроника текущих событий» (ХТС), вып. 41, Нью-Йорк, «Хроника» с. 64-65; Политический дневник, т. 1, Амстердам, Фонд Герцена, 1972, с. 94-95.
11. Итоги Всесоюзной переписи населения, 1970 г., М.: «Статистика», 1973, т. IV, с. 9; «Вестник статистики», Москва, 1980, № 8.
12. ХТС, вып. 32, с. 25.
13. Там же, с.с. 25-26.
14. ХТС, вып. 56, с. 100.
15. ХТС, вып. 41, с. 63-64.
16. Там же, с.с. 64-65.
17. Сборник документов Общественной группы содействия выполнению Хельсинкских Соглашений в СССР, Нью-Йорк, «Хроника»; документ № 22 (вып. 6); документ № 122 (вып. 7), документ № 171 (АС, № 4403, вып. 31/81); 192 (АС № 4641, вып. 19/82).
18. АС № 4487, вып. 44/81.
19. «Вести из СССР» под ред. Кронида Любарского, Мюнхен — Брюссель, 1982, вып. 4, № 1; вып. 5 № 4; вып. 6, № 6.
20. Там же, 1983, вып. 2, № 33.

Публикуется по изданию: Людмила Алексеева. История инакомыслия в СССР. KHRONOKA PRESS, 1984.

Олег ПОПОВ

Как я помогал немцам

В одну из своих «лагерных» поездок (сопровождал жен политзаключенных, едущих на трехдневное свидание с мужьями), я оказался в городе Соликамске Пермской области. У меня было три дня свободного времени, и один из этих дней я решил посвятить осмотру достопримечательностей Соликамска.

На центральной площади города стоял среди прочего громадный стенд с именами «Знатных рабочих» (а может, «Ударников социалистического труда», сейчас уже не помню). Читаю фамилии: Клигман, Фитц, Шнейдер и другие, всего около 30% от всего списка (пишу по памяти, так как заметки о поездке в Соликамск были изъяты на обыске, вместе с прочим «печатным» материалом). Ничего себе, думаю, сколько евреев на Доску почета повесили. Вроде Соликамск никогда не был в «черте оседлости». Да и потом, когда ж это было, чтобы евреев в послевоенное время на Доску почета вешали!

Поделился своим «открытием» с местным жителем. «Да что Вы! Какие евреи! Это ж наши немцы! Они здесь с начала войны живут. С Поволжья их сюда привезли». Вот те на, думаю. Я слышал, да и читал в Самиздате, что в первые месяцы Отечественной войны немцев Республики Поволжья, как и тех, проживавших на юге Украины, вывезли в Сибирь, на Алтай, Казахстан, Среднюю Азию. Но что-то на Северный Урал, в Соликамск?! Обэтом месте проживания репрессированного русско-немецкого народа я никогда не слышал.

Позже я узнал, что немцев прямо из эшелонов высаживали где-нибудь на Северном Урале или Западной Сибири, иногда прямо в первый осенний снег, за колючую проволоку. Многие погибли в первую же зиму 1941 года. Из тех, кто выжил, создали т.н. «Труд. армии», т.е. фактически армию заключенных, где работали ВСЕ, включая девочек и мальчиков старше 14 лет. После окончания войны ВЕСЬ народ российских немцев перевели из статуса «трудармейцев» в статус «спецпоселенцев», проще говоря, ссыльных. ВЕСЬ народ — ссыльные.

Вот так и жили 10 лет до 1955 года, когда спецпоселения были отменены. Но полная реабилитация немецкого народа наступила в 1964 году, когда с немцев сняли обвинения в сотрудничестве с нацистами. Снять-то сняли, а возвращаться в Поволжье не разрешили.

О долголетних усилиях немцев вернуться в Поволжье можно прочесть, например, в книге Людмилы Алексеевой, «История инакомыслия». Там же и рассказано, как, отчаявшись добиться справедливости в СССР, российские немцы начали борьбу за выезд на свою «историческую» Родину — Германию.

В настоящих заметках я хочу рассказать о своих встречах с немецкими активистами за выезд в Германию и о том, как я и мои друзья пытались им помочь.

Вот уж не думал не гадал я, вычитывая из Доски почета подозрительные, «не наши» фамилии, что через несколько месяцев судьба сведет меня с немцами из Таджикистана, Кабарды, Киргизии, Таврии, Волгоградской области и даже с родной Кубани. Что моя двухкомнатная московская квартира станет местом, куда будут приезжать немцы со всех концов Советского Союза.

Как я стал «немецким активистом»

Началось это с того дня, когда мой приятель, математик и еврейский активист Владимир Магарик, познакомился у приемной Всесоюзного ОВИРа с женщиной из Таджикистана, приехавшей добиваться, чтобы ее выпустили к отцу в ФРГ или лишили советского гражданства.

Валентина (так звали эту женщину) показала Володе свое ходатайство. Оно было далеко от совершенства, и Володя предложил ей обратиться за помощью к «знакомому правозащитнику, который хорошо составляет такого рода письма». Конспиратор Володя не дал моей фамилии, а представил как «Олег Алексеевич». Так я стал «немецким активистом» (в дополнение к своему «еврейскому активизму»). И пошли слухи и разговоры в немецких семьях Средней Азии и Северного Кавказа о «московском правозащитнике Олеге Алексеевиче», оказывающем немцам-отказникам юридическую помощь. Но, как будет видно ниже, не только (и даже не столько) юридическую.

Валентина рассказала нам, что ее отец давно живет в ФРГ и что несколько лет назад он прислал ей вызов-приглашение на постоянное жительство в Германии. Тут следует отметить, что существенное отличие немецкой эмиграции от, скажем, еврейской конца 70-х - начала 80-х состояло в том, что ОВИРом принимались вызовы из ФРГ только от прямых родственников — отца, матери, детей, родных братьев и сестер. И, соответственно, разрешение на выезд давалось «по прямому родству».

Вызовы же из Израиля могли быть от кого угодно, даже от лиц с другой фамилией. А уж близкое родство вообще не требовалось. Я, например, подавал на выезд в Израиль к своему «двоюродному брату», родившемуся от моей родной тети Сони (кубанской казачки), якобы уехавшей в 1912 году в Палестину и там вышедшей замуж за местного еврея.

Власти отдавали себе отчет в том, что большинство подавших на выезд в Израиль едет к «липовым» или, по крайней мере, не к «близким» родственникам. И, тем не менее, такая практика «воссоединения семей» существовала с начала 70-х годов, поскольку разрешение на выезд ни в какой степени не было связано со степенью родства и даже с твоей действительной национальностью.

А вот с немецкой эмиграцией такого «либерализма» в отношении «воссоединения семей» почему-то не практиковалось. Это обстоятельство сильно уменьшало число немцев, могущих подать на эмиграцию в ФРГ «в законном порядке» (ни о каком ЗАКОНЕ тут, разумеется, и речи нет). Тем не менее, десятки тысяч «советских» немцев делали все возможное, чтобы вырваться из СССР и уехать на свою «историческую Родину», в ФРГ.

Валентина рассказала нам о демонстрациях, которые она и ее друзья устраивали в центре Душанбе, у зданий ЦК местной компартии, Таджикского МВД, местного Верховного Совета. Как милиция вытаскивала ее за волосы из вагона скорого поезда Душанбе-Москва, как били в отделении милиции. Валентина показала нам свои жалобы и ходатайства в советские высшие инстанции. И текст, и язык жалоб был, прямо скажем, не лучший. Было очевидно, что Валентина, и как выяснилось позднее, мно-

гие немцы из Таджикистана не имели опыта «переписки» с властями. Процессуальный и уголовный кодексы были им практически не знакомы. Требовалась юридическая и «лингвистическая» помощь.

Положение немцев-отказников (по крайней мере, проживавших в Таджикистане и Кабарде) осложнялось еще и тем, что ожидать юридической и тем более «правозащитной» помощи на месте им было практически не от кого. Среди немцев было крайне мало лиц с высшим образованием. А о немцах-юристах и вообще не было речи. Формально с советских немцев было снято клеймо «вражеской нации», но их по-прежнему не пускали в большие города (не давали прописку), дискриминировали при приеме в ВУЗы, на работу. Поэтому немцы в основном жили в селах и маленьких городах и имели среднее техническое и ветеринарное (иногда медицинское) образование, работали комбайнерами, слесарями, электриками. Те же «образованные» немцы, которые в 60-е годы жили в Москве, уже уехали в ФРГ и помочь советом не могли.

Надо сказать, что местные власти ценили немцев как самых трудолюбивых и честных работников, а руководство предприятий и совхозов очень сокрушалось, что теряет лучших работников. Даже местные жители, таджики, кабардинцы, для которых немцы были явными конкурентами, сожалели, что немцы уезжают. (Разумеется, были и такие, что открыто радовались).

Едва ли не единственным из «таджикских немцев», получившим хорошее высшее образование, был житель Душанбе, геолог Артур Михайлович Марсал. Он подал на выезд в ФРГ в 1976 году и сразу же получил отказ. Никакой «секретности» у него, как и у практически всех немцев, не было. С той поры он регулярно посылал в различные республиканские и московские инстанции заявления, жалобы и требования дать ему разрешение на «репатриацию» в ФРГ. Получив много раз немотивированный отказ, он, как и другие немцы, отказался от паспорта и от советского гражданства. Однако его, как и других, гражданства не лишили, ибо лишение советского гражданства, по сложившейся практике, сопровождалось «выдворением» за границу, чего и добивался Марсал. Но власти этого не хотели, и гражданства не лишали. Жена Марсала, Нина Васильевна, скромная и обаятельная женщина, не раз приезжала в Москву, ходила в посольство ФРГ, в приемную Верховного Совета СССР, но тщетно. В конце концов Марсал, как это часто происходило с многими отказниками, стал помогать другим отказникам. Обладая хорошим знанием законов и недурным пером, он стал составлять жалобы и ходатайства. То есть стал, как тогда говорили, «активистом движения советских немцев за репатриацию».

Ну, а что я мог предложить немцам, кроме помощи в составлении жалоб и заявлений? Три «проверенные» акции: коллективные письма, массовые демонстрации и... гласность. Гласность включала не только «оповещение» мировой общественности о демонстрациях, но и интервью, которые немцы давали на моей квартире корреспондентам New York Times, Newsweek, Financial Times. Возможно, некоторые читатели, которые помоложе, поднимут брови: «Подумаешь, корреспонденты! Тоже мне «геройство!». Это, может быть, сегодня обычная вещь. А тогда, в конце 70-х — начале 80-х годов, за организацию демонстрации и даже интервью могли и срок дать, особенно, если западный журналист «подозревается» в связях с ЦРУ или НТС. Да и само интервью, когда твой дом просматривается и прослушивается из дома напротив, не так-то просто организовать.

Демонстрации

И тем не менее, мне удавались не только интервью, но и демонстрации. Делалось это так. Самое трудное — «удраться» из Таджикистана (или из другого места) и добраться до Москвы. Если ехать, скажем, из Курган-Тюбе, то тебя уже остановят по дороге в Душанбе. Поэтому будущие демонстранты брали командировку, скажем, в Ашхабад. Там пересаживались в самолет до Баку. Оттуда в Ростов. И уже из Ростова поездом в Москву. В Москве останавливались в гостинице, либо у надежного, но не «засвеченного» знакомого.

Затем кто-нибудь, чаще всего женщина, приходила ко мне домой, писала на бумажке (квартира-то прослушивалась!) время и место демонстрации, чаще всего — Красная площадь — и уходила. Через несколько часов я, «заметая следы» по метро и троллейбусам, приезжал на Кутузовский проспект, быстро подходил к подъезду дома, где находились офисы иностранных корреспондентов, и прежде чем «стороживший» корреспондент милиционер подбежал ко мне, нырнул в подъезд и стучал в офис либо Андрея Нагорского (Newsweek), либо Дэвида Сэттера (Financial Times). Там я, опять же на «волшебной бумажке», сообщал корреспондентам время и место демонстрации и имена и краткие биографии ее участников. Затем, для порядка, пил с корром чайку, и после этого он меня выводил из подъезда и сажал либо в такси, либо доводил до троллейбуса.

Все проходило, как и задумывалось. Немцы, обычно человек 5–10, подходили одновременно к месту демонстрации, вытаскивали откуда-то лозунги типа: «Пустите нас в ФРГ!» или «Дайте нам выехать на нашу Родину!». Один раз несколько демонстрантов умудрились «приковать» себя к решетке, кажется, Лобного места. Тут же подбегали «случайные прохожие», постоянно дежурившие на Красной площади, и первым делом вырывали плакаты (чтобы гласности поменьше было). Труднее было с цепью. Пока «расковыливали», подходил народ, интересовался.

Любопытно, но я не припомню случаев, чтобы демонстрантов на Красной площади били.

Затем всех отвозили в отделение милиции. Мне потом женщины рассказывали, что офицеры милиции были очень галантны, задавали вопросы типа: «Ну зачем Вы так! Народ привлекаете, иностранцы тут же набегали». «Вот сейчас отправим вас к себе, в Душанбе (Нальчик, Волгоград), там с вами разберутся!» После «бесед» в московском отделении милиции демонстрантов сажали в поезд под присмотр кондукторов, и те «сдавали» их милиции по месту жительства.

Демонстрации устраивались и в других местах Москвы. Чаще всего у здания посольства ФРГ и у приемных Верховного Совета СССР и всесоюзного ОВИРа. И во всех случаях я предварительно ездил или на Кутузовский проспект, или на Садовое Кольцо, к Кукольному Театру, где располагались конторы New York Times и британского агентства Reuter.

Расскажу об одном необыкновенном случае, произошедшем с молодым немцем из Таджикистана, Робертом Лозингом. Он демонстрировал, кажется, у здания посольства ФРГ. Подъехал воронок, и Роберта забрали в милицию. На другой день, часов примерно в 6 утра, звонок в дверь. «Кто там?» — «Это я, Роберт». — «Ты откуда в такую рань?» — «Можно мне зайти? Я не спал всю ночь». Я впустил Роберта, и он мне рассказал удивительную историю. Его взяли в двух кварталах от посольства (чтобы

посольские не засняли арест) и сразу отвезли на Казанский вокзал. Там посадили в отходящий скорый поезд Москва-Ташкент, в отдельное купе. Проводнику сказали, что в купе немец, который пытается уехать в Германию. И наказали проводнику стеречь его до ближайшей станции, на которой в поезд войдут два милиционера, которые сдадут Роберта ташкентской милиции. А те в свою очередь передадут его милиции Душанбе.

Примерно через час после отхода поезда к Роберту в купе вошел проводник, молодой человек лет двадцати пяти и сказал примерно следующее: «Ты немец, а я еврей. У нас с тобой похожая судьба. Через несколько минут, около Раменского, поезд будет подниматься в гору и тормозить. Ты сможешь прыгнуть с подножки поезда. Я ничего не видел». Он пожал Роберту руку и вышел из купе. Как только поезд стал тормозить, Роберт вышел на площадку вагона. Наружная дверь была открыта, и Роберт без труда выпрыгнул из вагона на откос. Было около полуночи, но Роберт решил идти пешком по путям до Москвы. Через 6 часов он добрался до моего дома. Я напоил его чаем и дал денег на дорогу домой в Душанбе. Роберт проспал часа 3 и затем отправился в обратный путь окружным путем, через Свердловск, Омск, Алма-Ату. Через пару недель мне позвонили из Душанбе и передали привет от Роберта.

Паспорта

Один из методов борьбы за выезд в Германию был отказ от гражданства и отсылка паспортов в Верховный Совет СССР. Власти отказывались лишать немцев гражданства, ибо по сложившейся практике «лишенцев» выдворяли за границу, чего и добивались немцы. Поэтому паспорта возвращались их прежним владельцам. В тех же случаях, когда «хозяева» от них отказывались, у них часто возникали трудности с трудоустройством и передвижением по стране. Милиция сразу же задерживала «беспаспортных» и отправляла их к месту жительства. Были случаи, когда отбирали советские паспорта у немцев, имеющих «прямое родство» в ФРГ, и обещали в скорости выдать заграничные. Но так и не выдали. Беспаспортные оказывались в трудных условиях, ибо проживание без паспорта наказывалось по советскому уголовному кодексу.

В таком положении оказались члены семьи Рауш, глава семьи которой проживал в ФРГ. Все пятеро неоднократно приезжали в Москву, где я им организовал на своей квартире пресс-конференции с участием иностранных корреспондентов. О пресс-конференции сообщалось в средствах массовой информации на Западе, но семье Рауш заграничные паспорта так и не дали.

Зато «наказали» молодого, 20-ти летнего Иоганнеса Рауша, за «уклонение от очередного призыва на действительную службу». Дали 2 года лагерей, хотя он уже вроде бы и не считался советским гражданином.

После ареста Иоганна, Андрей Нагорский, корреспондент Newsweek, полетел в Душанбе на месте посмотреть, как живут немцы в Таджикистане. Он даже добрался до Курган-Тюбе, где жила семья Рауш. Но там его задержали и отправили самолетом в Москву, а потом вообще «выдворили за пределы СССР». Преследования семьи Рауш получили широкую огласку; по их делу был принят документ Московской Хельсинкской Группы (№ 179).

Видимо, где-то в начале лета 1981 года власти решили «крепко ударить» по немецкому движению за репатриацию. В июне был арестован Артур Марсал. Ему предъя-

вили обвинение по статье 190(1) — «Заведомые клеветнические измышления на советский общественный и государственный строй». Обвинение было основано на письмах Марсала в высшие советские инстанции, где он описывал свои и других немцев заключения. Я читал копии этих писем. Никакой там клеветы нет и в помине. По факту его ареста был также принят документ Московской Хельсинкской Группы (№ 171). И вот в конце августа был арестован и Иоганнес Рауш.

Немцы Кабарды

Через немцев Таджикистана я познакомился с немцами, проживающими в Кабардино-Балкарской АССР. Их небольшая делегация приехала в Москву осенью 1981 года и рассказала нам, какие безобразия творятся в Кабарде по отношению к немцам. И тогда я и Володя Магарик предложили написать Обращение-жалобу на местных чиновников и представителей власти, собрать под ней как можно больше подписей немцев из Кабарды и направить в Верховный Совет СССР, Бундестаг ФРГ и ООН. Немцы подробно описали все известные им случаи хамства, оскорблений, угроз со стороны местных властей, и Владимир Магарик написал превосходный текст.

Немцы повезли Обращение домой, в Кабарду, и через месяц привезли с 246 подписями немцев-отказников. Такого количества подписей уже давно не собиралось немцами.

Я передал Обращение через корреспондента АДН в ФРГ, через американцев в ООН, а группа немцев вручила его чиновнику в приемной Верховного Совета СССР. Поднялся большой скандал. Начальника РОВД г. Майский, Тимофеева, который взвалил вину за гибель «20 миллионов советских людей» на советских немцев, убрали с его должности. Нескольким подписантам выдали разрешение на выезд в ФРГ. Но вот что замечательно: многие немцы знали, кто написал текст Обращения, и, тем не менее, КГБ об этом не пронюхало.

Это нужно было делать...

Приезжали ко мне на квартиру и немцы из Аналы, и из Николаевской и Волгоградской областей. Всем им я помогал составлять жалобы на местные власти, обращения в Верховный Совет и Суд СССР, в Организацию Объединенных Наций.

А однажды мне пришлось даже писать прошение в Совет по делам религий с просьбой открыть Лютеранскую церковь для немцев из Киргизии. Далеко не во всех случаях обращения и жалобы достигали своей цели, имели хоть какой-то результат. Но все равно, это нужно было делать. По крайней мере немцы, посетившие мою квартиру на Новикова-Прибоя, знали, что если что-то с ними случится, то их не оставят в беде.

И действительно, и Артур Марсал, и Иоганнес Рауш и их семьи были под опекой Фонда помощи политзакам и их семьям. И когда, уже находясь в Америке, я получал письма с благодарностью от «моих» немцев, теперь уже граждан ФРГ, то я еще раз убеждался в том, что не зря ходил столько лет «по лезвию бритвы».

Нидам, Массачусеттс, США.

Андрей СУСЛОВ

Государство Усоллаг

В приснопамятные времена Большого террора колымские эзки сочинили такой куплет: «Колыма, Колыма, целая планета — десять месяцев зима, остальное — лето...» Собственно, каждое лагуправление можно назвать если не планетой, то своеобразным государством архипелага ГУЛАГ.

Усольский лагерь был отнюдь не самым маленьким из гулаговских островов-государств. Почти весь север Пермской области — его территория. На 270 километров протянулся он с юга на север и на 220 — с запада на восток. 270 тысяч квадратных километров составляла его площадь в 1940 году¹. Не одно европейское государство могло бы разместиться на таких пространствах.

Создавая лагерь в 1938 году, руководители НКВД стремились решить задачу освоения нетронутых ранее лесных массивов. На Усоллаг возлагалось задание по снабжению сырьем и топливом «Соликамбумстроя», а также других прилегающихстроек и предприятий. В первое время наряду с этим необходимо было заниматься строительством дорог и рабочих поселков.

Предшественник Усоллага — трест «Верхнекамлес» — вел лишь сезонную заготовку леса. С появлением лесного ИТЛ появилась возможность вести лесозаготовительные работы в течение круглого года.

Не приходится удивляться слабой технической оснащенности лагеря. Ставка на мускульную силу заключенных типична для того времени. Основными инструментами на лесозаготовках являлись лучковая пила, двуручная пила и топор. Подвозка древесины к дорогам производилась исключительно лошадьми, погрузка и разгрузка — только вручную. Вывозка леса также была слабо механизирована. В довоенные годы половина вывозилась гужевым транспортом. За годы войны техника изнашивалась, в январе 1945 года лишь 30% древесины вывозилось с помощью механизмов².

Решая проблему снабжения лагеря продовольствием, его начальники уделяли немало внимания развитию подсобного хозяйства, поскольку получать все из централизованных фондов не было возможности. Уже к началу 1941 года в лагере имелось 9 агробаз с общей площадью обрабатываемых земель более тысячи гектаров. Кроме того, каждое лагподразделение имело свое подсобное хозяйство. Однако несмотря на то, что вся сельхозпродукция шла только для собственного потребления, лагерь еще не мог себя полностью обеспечить продовольствием. К концу войны положение несколько улучшилось. В начале 1945 года обрабатывалось уже более двух тысяч гектаров земли, имелось более 1,5 тыс. голов крупного рогатого скота и более тысячи свиней³.

В только что созданном лагере на 1 февраля 1938 года насчитывалось 873 заключенных. Численность их стремительно увеличивалась. Через месяц их стало 4983, через два — 10749. На 1 октября 1938 года в Усоллаге находилось 18192 заключенных. 7420 из них были осуждены за контрреволюционные преступления, 1920 — за преступления против существующего порядка управления, 1698 — за имущественные преступления, 87 — за

нарушение закона о паспортизации, 5279 попали туда как «социально опасный элемент» и «социально вредный элемент», 110 — за нарушение «закона о пяти колосках»⁴. Таким образом, можно смело утверждать, что в 1938 году подавляющее большинство узников Усольского ИТЛ было осуждено по политическим мотивам.

Этапы продолжали прибывать, и на 1 февраля 1939 года в Усоллаге насчитывалось уже 34403 заключенных. Потом, правда, число их несколько уменьшилось. 1 января 1941 года в лагере находилось 26406 заключенных, из них 1939 женщин⁵.

В годы войны контингент Усоллага пополнился за счет трудармейцев. После начала кампаний так называемых «враждебных национальностей» гулаговские начальники начинают смотреть на эту категорию формально не репрессированных соотечественников как на дешевую рабочую силу. В конце 1941 года НКВД запрашивает у своих подразделений, в том числе и у Усоллага, предложения по использованию немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Начальник лагеря отвечает 2 января 1942 года, что для выполнения программы лесозаготовок необходимо иметь 40500 заключенных, в наличии имеется всего 32130, поэтому он готов принять 9000 мобилизованных немцев. Вопрос решается оперативно. Уже 10 января 1942 года, согласно совершенно секретному постановлению Государственного комитета обороны, 67961 трудармеец направляется на стройки и в лагерь НКВД, в том числе 4940 человек — в Усоллаг. Партии мобилизованных немцев продолжали поступать в лагерь и далее. В частности, 19 января 1943 года по распоряжению заместителя наркома внутренних дел Усоллаг получает 3000 немцев «для использования в качестве вольнонаемных рабочих на сельскохозяйственных и биржевых работах»⁶. Еще 2000 мобилизованных немцев перебрасывается в Усоллаг в июле 1943 года по приказу наркома внутренних дел⁷.

Накануне выделения Ныроблага из состава Усольского ИТЛ (10 февраля 1945 г.) спецконтингент лагеря составлял уже 36456 человек, из них 28648 заключенных и 7808 мобилизованных. Среди заключенных насчитывалось 8176 женщин, среди мобилизованных — 27418. На 1 апреля 1953 года, до начала амнистии, в системе Усоллага насчитывалось 13 лаготделений и 39 лагпунктов, там отбывали наказание 24201 человека⁸. Доля осужденных по политическим мотивам к началу 50-х значительно уменьшилась. На 26 мая 1951 года из 22194 заключенных насчитывалось 5273 человека, осужденных за контрреволюционные преступления, и 656 осужденных по статье 59-3 УК РСФСР, среди которых далеко не всех следует считать политическими⁹.

Для поддержания дисциплины лагерная администрация, как правило, использовала уголовников. Им доставались выигрышные рабочие места: нарядчиков, комендантов, бригадиров и т.д. Начальство сквозь пальцы смотрело на террористические методы «наведения порядка» блатными, похоже, других методов оно само не знало. Урмам дозволялось обирать остальных заключенных и

издеваться над ними. Это позволяло администрации снять с себя значительную часть бремени забот о выполнении производственных заданий и поддержании внутреннего порядка.

Распределение заключенных Усоллага по срокам наказания на 26 мая 1951 г.¹²

До 1 года включительно — 4 чел.

От 1 до 3 лет включительно — 698 чел.

От 3 до 5 лет включительно — 3733 чел.

От 5 до 10 лет включительно — 14454 чел.

От 10 до 15 лет включительно — 1570 чел.

От 15 до 20 лет включительно — 633 чел.

Свыше 20 лет — 1102 чел.

Выполнение производственных заданий находилось в числе приоритетных задач лагеря. Поэтому лагерная администрация уделяла исключительное внимание максимальному использованию труда заключенных. В среднем на основном производстве трудилось около 2/3 заключенных, остальные работали в обслуживании лагеря (так называемая группа «Б»), относились к разряду больных и слабосильных (группа «В») или не работали по причине простоя, переброек, отказа и т.д. (группа «Г»). При этом доля «отказников» в первое время существования лагеря была существенно ниже доли неработающих вследствие отсутствия обуви или одежды. Например, на 1 января 1939 года из 24183 заключенных в «отказе» числилось 722 человека, в то время как «раздетых» — 134113. Это не могло не отразиться на производственных показателях. В 1938 году Усоллаг недовыполнил план по использованию труда заключенных на 8%. План по лесозаготовкам был выполнен только на 80%, а по вывозке леса — на 63%. Хотя в качестве главных причин следует назвать недостаток рабочей силы, лошадей и техники для выполнения поставленных задач¹⁴. В послевоенные годы администрации лагеря удалось довести долю работающих до 3/4 заключенных.

Организация производства заставляла администрацию лагеря думать о производственных стимулах. Конечно, главный стимул оставался тем же, что и везде — использование дифференцированной шкалы питания. В использовании морально-психологических стимулов у начальства имелся уже некоторый простор для творчества. Кое-где, на отдаленных командировках, об этом даже не задумывались и ничего не предпринимали для повышения производительности труда. А в ряде мест администрация проявляла некоторую изобретательность.

Из воспоминаний И. В. Гренадерова

Лагерные начальники были очень хорошими психологами. Они в людях очень здорово разбирались. И пользовались людскими слабостями. Вот они объявляли эти рекордные дни. Готовили пирог (по сути, обычный хлеб). А люди вкалывали очень здорово... Пироги вводили — это ведь и моральный стимул. Или вот что делали. Слет ударников объявляют. Причем и мужчин, и женщин. Чтобы мужчины с женщинами пообщались. Это тоже своеобразный был стимул.

Условия жизни в Усольском лагере не соответствовали даже весьма скромным гугаговским меркам. В ноябре 1943 года на одного заключенного приходилось 1,6 кв. м «жилой площади» вместо двух положенных; наволопочек для матрацев и подушек хватало на всех, а вот одеял — только на каждого третьего и т.д. К концу войны заключен-

ным стало чуть-чуть просторнее: один человек уже располагался на площади в 1,9 кв.м.¹⁶ Такая же норма сохранялась и в начале 50-х годов. Следует иметь в виду, что речь идет о средней жилплощади, ряд подразделений не дотягивал до этой нормы. Например, в лагпунктах «Челва» и «Перша» в 1951 г. на одного заключенного приходилось только 1,5 кв.м.¹⁷ Постельного белья, умывальников, питьевых бачков и т.п. по-прежнему не хватало. Грязь и антисанитария стали неизменным атрибутом лагерной жизни.

Из акта проверки состояния режима содержания, изоляции и охраны заключенных Усольского ИТЛ МВД СССР 1 июня 1951 г.¹⁸

В Першинском, Челвинском, Мошевском, Кокоринском, Сурдинском ОЛПах в бараках грязь, клопы...

Прибывающие с КОЛПа (пересылка) в лагподразделения заключенные карантизации не подвергаются и размещаются по разным жилым секциям, в результате чего не исключена возможность эпидемических заболеваний... На производстве в лесу заключенные не обеспечиваются кипяченой водой и вынуждены пользоваться сырой водой из водоемов, расположенных поблизости к месту работы.

В исключительно антисанитарном состоянии находится лагпункт «Головной» Мысинского ОЛПа. На территории жилой зоны много мусора, помойных ям не имеется и отходы с пищеблока выливаются в деревянные ящики из горбыля. Во всех бараках сырость в результате мытья полов палубным способом, когда грязная вода сливается в проделанные в полу дыры. В камерах ШИЗО грязь, на полу кучи мусора, окурков, параша деревянные, насквозь пропитанные фекалиями, не закрываются, а отсюда в камерах зловоние...

Отсутствие элементарных вещей и утвари: одеял, подушек, посуды — заключенные должны были компенсировать чем придется. Начальство мало волновало неустроенность их быта. Да и соответствующие фонды не всегда были в наличии. Эзкам приходилось находить такие нестандартные решения, какие вольному человеку и в голову придти не могли.

Из воспоминаний Н. Н. Кожина

Когда были на повале, обязательно с собой полено брали под голову. Возьмешь полено, сверху теплогрею, закроешься бушлатом — все в порядке! Посуды не было. Как хочешь, так и действуй. Если у вас нет своего котелка — подставляйте шапку. И голодные на это шли. А как быть? Из шапки, но сумеет поесть.

В конце тридцатых и в годы войны заключенные находились на голодном пайке. Оставшиеся в живых вспоминают постоянно мучившее их чувство голода. Во второй половине сороковых — начале пятидесятых питание заключенных в количественном отношении стало более-менее удовлетворительным. Однако гораздо тяжелее переносили сидельцы не скудость пайки, а однообразие питания, низкое качество приготовления пищи, отсутствие овощей. К примеру, отсутствие картофеля и овощей на некоторых лагерных пунктах весной 1951 года привело к развитию цинготных заболеваний у заключенных. Только за 4 месяца 1951 года зарегистрирован 401 случай заболевания цингой. В то же время начальники лагпунктов делали поблажки ряду заключенных, помогавшим им на-

водить порядок в зоне. Зачастую они разрешали заключенным, работающим на низовых административных должностях, пользоваться сухим пайком, который те получали из лучших продуктов, имевшихся на складах¹⁹.

Иногда заключенным помогало выживать попустительское охранение. Разумеется, в корыстных целях. Охранникам тоже приходилось думать о выживании, хотя и по другую сторону от колючей проволоки. Поэтому за небольшую мзду разрешали они нелегальные свидания заключенных с родственниками, приносили кое-что с воли и т.д.

Страдали лагерники не только от непосильной работы, неустроенного быта и недостаточного питания. Многих свела в могилу лагерная медицина. Скудость медикаментов дополнялась недостатком и низкой квалификацией большей части медицинского персонала. Недаром бывшие узники Усоллага вспоминают реальные случаи из лагерной практики, воспринимающиеся сегодня как анекдоты.

Из воспоминаний И.В.Гренадерова

На одной командировке не стало врача. В чем-то провинился, его перевели на другую. Самым старшим медицинским работником остался санитаринструктор, в обязанности которого входило следить за чистотой барачков и т.п. И вот он ведет прием. Но ведь черт его знает, какое лекарство надо давать! Он был лентяй по специальности. Так он кирпичом лечил! Кирпич натрет немного, настоят. Сам кирпич убирал, а воду эту давал. И был при нем такой случай: одному урки пырнули в живот. Привезли его с распластанным животом. Что делать? Так он все кишки в живот сложил и ниткой зашил. Потом отправили беднягу в отделение, где он и умер.

Немало узников Усоллага погибло на соликамской земле в 1941–1942 гг. Однако к концу войны смертность там была уже относительно невысокой. В мае 1944 г. она составила 2,07% от общего числа заключенных (на 1 июня их насчитывалось 17092 человека).²⁰

Заключенные Усоллага должны были соблюдать режим, установленный во всех лесных лагерях. Однако реальность несколько отличалась от писанных инструкций. Начальство закрывало глаза на целый ряд незначительных нарушений режима. Отчасти это шло от нежелания тратить силы и средства на необходимое оборудование помещений. Например, проверка в мае 1951 г. показала, что, вопреки существующему приказу МВД, в бараках строгого режима Першинского и Мысинского ОЛП не сменены прогнившие полы, нет тамбуров при входе, световая линия имеет свободный доступ. В центральной больнице не обеспечена изоляция между заключенными общего и строгого режима, между мужчинами и женщинами. Используя некоторые послабления режима для некоторых заключенных в качестве стимула, начальство сквозь пальцы смотрело на их проживание в подсобно-хозяйственных помещениях: в сушилках, каптерках, банях, парикмахерских, в сапожных и лошавочных мастерских и т.д. Некоторым даже удавалось жить за пределами зоны. Иногда, в нарушение установленного порядка, расконвоировались рецидивисты, осужденные по статье 58, по закону от 7 августа 1932 г., и другие, кому данное послабление не полагалось²¹.

Лагерные начальники чувствовали себя полновластными хозяевами всего, что находилось на лагерной территории, в том числе и заключенных. Служебное положение позволяло им в любой момент воспользоваться бесплатной рабочей силой для решения отнюдь не государственных, а личных проблем. Им ничего не стоило распорядиться направить несколько государственных рабов для обустройства своего быта. Все это воспринималось как должное, и любой, занимающий мало-мальскую должность в лагере, воспринимал это как свое неотъемлемое право.

Внутренние порядки Усоллага не могли не повторять общесоветских порядков. Хотя лагерная действительность не могла не исказить смысл кампаний и мероприятий, рассчитанных прежде всего на «вольных» граждан. Восхваления социалистического образа жизни на лекциях и громких читках газет. Плакаты с призывами к ударному труду. Колонны мобилизованных немцев-коммунистов, идущие под конвоем на партсобрание. Показная чистота территории некоторых лагпунктов и аккуратность в размещении всех построек, дорожек, посадок и прочего на территории лагеря. Но достаточно было одного приказа лагерного самодура, чтобы переиначить эту лагерную показуху на иной лад.

Одним из самых страшных явлений, порожденных лагерным государством, стало тотальное подавление человеческой личности. Человеку ежедневно давали ощутить свою ничтожность, демонстрировали, что превращение любого индивида в лагерную пыль чрезвычайно просто и не вызывает никаких последствий. Голод и лишения доводили людей до животного состояния. Всеобъемлющее насилие подавляло волю, заставляло повиноваться любым приказам. Лагерь вытравливал человеческое из своих узников. Главной целью лагерного населения становилось выживание. Выживание любой ценой. Многие, наверное, согласятся с прошедшей все тернии Усоллага Е. С. Вахониной в том, что «там думали только как бы выжить, как остаться живым...»

Усоллаг не был расформирован, как многие лагеря, после смерти Сталина. Изменив свое лицо, лагерь дожил до наших дней. Но это уже другой лагерь, это уже другая история...

Примечания:

- 1 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.853, л.215.
- 2 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.853, л.226, 240; д.331, л.3 об.
- 3 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.331, лл.9–12.
- 4 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.1139, л.75, 84; д.1140, л.140.
- 5 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.139, л.57; д.1140, л.7, 140; д.329, л.31.
- 6 ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.112, л.2, 65; д.110, л.81.
- 7 ГАРФ, ф.9401, оп.1а, д.141, л.303.
- 8 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.331, пп.12–12об.
- 9 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.586, л.9.
- 10 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.471, л.53.
- Здесь и далее воспоминания цитируются по записям аудиокolleкции А. Б. Суслова.
- 12 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.471, л.54.
- 13 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.1140, л.118.
- 14 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.1133, лл.3–10.
- 16 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.325, л.2; д.329, п.31
- 17 ГАРФ, ф.941, оп.1, д.471, л.59.
- 18 ГАРФ, ф.9414, оп.1 д.471, лл.60–61.
- 19 ГАРФ, ф.9414, оп.1 д.471, л.61.
- 20 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.325, л.43, 44.
- 21 ГАРФ, ф.9414, оп.1, д.471, лл.54–59.

Схема расположения лагподразделений УИТЛК УМВД
по Молотовской области. Март 1952 г.

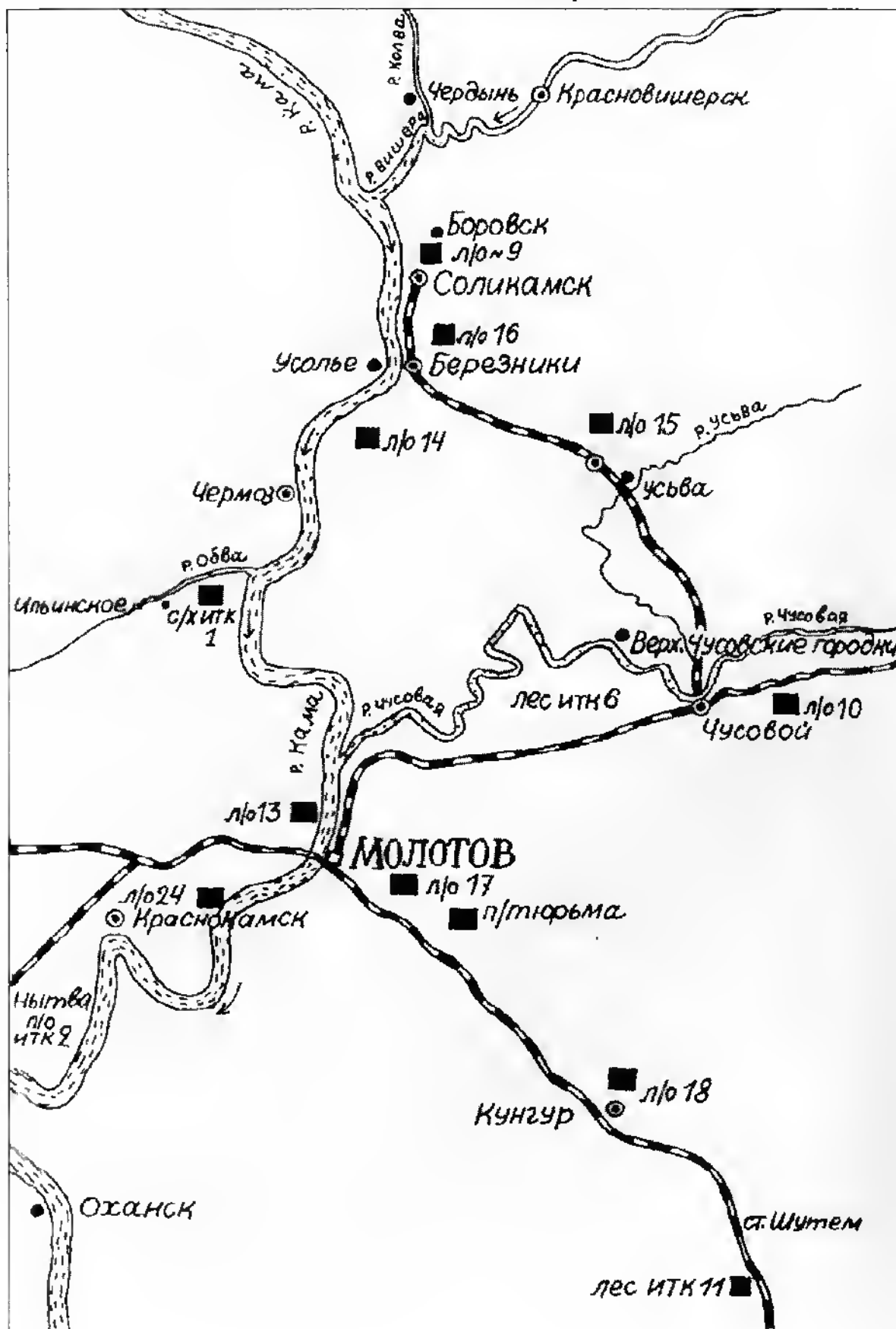

Фото: В. Поспелов

Дело об организации осведомительной сети ЧОН Рязанской губернии

При воспроизведении сохранены орфография и пунктуация подлинников.

Квадратными скобками выделены комментарии редакции и явные ошибки, искажающие смысл.

Документ 1 (машинписный)

Копия.

Секретно.

П Р И К А З

Частям Особого Назначения

Московского Военного Округа

№ 187

г. Москва

15 декабря 1922 г.

Объявлением приказа Частям Особого Назначения Республики № 143 с приложением к нему положения об организации секретно-осведомительной сети ЧОН.

Объявляю при сем для точного и неуклонно[го] исполнения и руководства прик[аз] Частям Особого Назначения Республики 1922 года № 143 и приложением к нему положение об организации секретно-осведомительной сети Частей Особого Назначения.

г. Москва 13 сентября ...[одно слово утрачено] ... и дополнительная деятельность международной и внутренней контрреволюции, раскинувшей широкую сеть агентуры по территории РСФСР и внедрившейся во многие места из Государственных Органов, — требует напряжения всех сил Революции на борьбу с ней. Перед лицом трудящихся вновь опасности контрреволюции, в особенности в деревне, — где классовое расселение быстро совершается и дает далеко не всегда благоприятный для бедняков и середняков результат /усиление кулацкого элемента/ — делом каждого коммунара должна быть помощь Государственным органам в борьбе с контрреволюцией.

Как во время гражданской войны, коммунисты, все как один, вновь должны уделить достаточное внимание и интерес к процессу нарастания сил враждебного пролетариату класса, в особенности к крестьянской масс[е], — и своевременно ставить в известность ГПУ о своих наблюдениях, выводах, в особенности конкретных фактах, ук-

зывающих на просыпающуюся активность враждебных Революции сил.

Отсюда и вытекает необходимость организации коммунистов для осведомительной работы, по выяснению всякого рода контрреволюционной деятельности, как в городе на фабриках, заводах, предприятиях, учреждениях и т.п. так и в деревне — среди крестьянства являющегося крупнейшим политическим фактором, в частности, в борьбе с бандитизмом, — в пределах их непосредственного соприкосновения, населенных пунктах, селах, волостях, и деревнях с коими они связаны по месту жительства, службы или в силу личных отношений.

Такая осведомительная работа членов РКП и РКСМ, дающая в каждом отд[ельном] случае несистематизированный и справочный информационный материал при [уме]лом руководстве и направлении ее, а также при тщательном изучении [опера]тивных данных, представить значительную ценность в смысле получения дополняющего работу осведомительного аппарата ГПУ разведывательного материала.

Однако, для того, чтобы секретно-осведомительная работа партийцев привела к ощутительным в смысле полноты и ценности результатам взаимоотношения и обеспечивающие систематичность, регулярность и непрерывность разведывательной деятельности.

Ввиду этого, в цел[ых] наиболее полного и целесообразного использования членов РКП в борьбе с контрреволюцией, требуют строго организационного объединения коммунистических сил. Таким организационным объединением коммунистических сил являются части Особого Назначения Республики.

В силу изложенного выше, в помощь органам ГПУ, на аппарат ЧОН возлагается создание оперативно-осведомительной сети и резидур [видимо — резидентур, — ред.] согласно об[ъявленному] ниже положения.

ЗАМПРЕДГПУ ЯГОДА
Зам комчонресп Кенгелари

С подлинным верно: Начальник опер. развед. части
Штачонресп ЧЕХОНИН
ЗАМЧОНОКР ДОБРОВОЛЬСКИЙ
ЗАМНАЧШТАБА БОРИСОВ

С подлинным верно: НАЧОПЕРРАЗВЕДОТД
/Панюхов/

Приказ отпечатан в 18 экз., разослан Начштабчонгуб /всех 16/ в Штачонресп. и Оперразведотд и подлинник в Адмхозчасти.

Документ 2 (машинописный)

«УТВЕРЖДАЕТСЯ»

Копия с копии (от руки - 2)

ЗАМПРЕ(Д) ГПУ ЯГОДА

Сов. Секретно

Замком чонресп Кангелари

Приложение к приказу

13 сентября 1922 года

№ 187

ПОЛОЖЕНИЕ

Об организации секретно-осведомительной сети
Частей Особого Назначения

1/ Секретно-осведомительная сеть ЧОН работает на основе параллелизма с осведомительной сетью ГПУ, под руководством органов ГПУ. Начальник Осведомительной сети ЧОН в оперативном и организационном отношениях подчинен начальнику осведомительной сети ГПУ, отнюдь не включаясь в последнюю.

2/ Техническим аппаратом для обслуживания осведомительной сети ЧОН является соответствующий Штаб ЧОН работающий отдельно от аппарата ГПУ совмещать технических аппаратов осведомления ЧОН и ГПУ не допускается.

3/ Личный состав осведомителей назначается из числа коммунаров ЧОН в порядке воинской и партийной дисциплины соответствующими командирами ЧОН, отнюдь не ниже командира отдельного взвода /обязательно члена РКП/ или лицами специально выделенными для этого ком ЧОН с соответствующими Начальниками Отделов ГПУ губернии или Округов.

4/ Командир ЧОН или специально выделенное лицо для организации осведомительной сети ЧОН по данному вопросу подчиняется по двум линиям оперативно-организационному Начальнику Осведсети ГПУ и [в] административно-хозяйственному Ком. ЧОН по инстанции. Лицо ответственное за осведомление ЧОН именуется по занимаемой должности в ЧОН.

5/ Никакой специальной оплаты осведомителям не производится и специальных средств на организацию осведомительной сети не отпускается. Вся техническая работа выполняется кадровым составом ЧОН и в общем служебном порядке. С коммунарками осведомителями как общепартийные обязанности и на основе воинской дисциплины.

6/ Никто из состава ЧОН не в праве отказываться от исполнения возлагаемых на него, распоряжением надлежащего командира ЧОН, осведомительских обязанностей и от аккуратного представления срочных письменных или личных докладов о результатах своей работы /в зависимости от порядка установленного в каждом отдельном случае соответствующим командиром ЧОН/

7/ [на сгибе листа часть текста утрачена] ...осведомительной сети ЧОН должна соблюдаться полная конспиративность и каждый осведомитель ...[утрачено] ...ан быть известен лишь одному командиру ЧОН, от которого он получает задания и которому доставляет сведения.

8/ Деятельность осведсети должна распространяться:

а/ На каждый, даже незначительный населенный пункт: местечко, село, деревня или волость.

б/ На все без исключения военные учреждения, заведения и военные части /конкретный способ привлечения коммунаров 3-ей очереди призыва к службе ЧОН и их дисциплинарного воспитания/.

в/ На важнейшие государственные и советские учреждения и предприятия, а также по возможности на все дипломатические, торговые: по оказанию помощи голодающим организации иностранных государств и групп их подданных.

г/ На фабрики, заводы, работающие на военное ведомство, а также имеющие вообще крупное промышленное значение или объединяющие значительное количество рабочих.

9/ Форма контактной работы осведомительной сети ЧОН и органов ГПУ определяются по соглашению Ком. ЧОН Округа или Губ с П.П. ГПУ или Губотделов ГПУ с обязательным соблюдением пункта I-го сего положения.

НАЧСЕКРОПЕРУПРРЕСП Артузов
Наштачонресп Кангелари

С подлинным верно: Н-к Оперативно-разведывательной части Штабчонресп ЧЕХОНИН.

Подл. подп. ЗАМНАЧШТАБА БОРИСОВ

С подлинным верно: Н-к опер. разв. отд.
/подпись/

Документ 3 (машинописный)

Копия 1

ПРИКАЗ

по Частям Особого Назначения

Рязанской губернии

№ 85/секр.

«25» Декабря 1922 года г. Рязань

/по оперативно-строевой части/

Об организации секретно-осведомительской сети в Частях Осназ губ.

§ 1

Объявляю при сем особым приложением приказ ЧОН ИВС от 15 декабря с/г за № 187 и приложение к нему «Положение об организации секретно-осведомительской сети ЧОН» для точного и неуклонного исполнения и руководства.

В развитие и исполнение сего ПРИКАЗЫВАЮ:

§ 2

Организацию секретно-осведомительской сети в ЧОН губ. возлагаю на командиров отдельных частей Осназ губ под их личную ответственность.

§ 3

Работу по организации секретно-осведомительской сети в ЧОН губ Комчон'у провести под руководством органов ГПУ на местах с которыми войти в соглашение секретным порядком.

§ 4

Для обслуживания аппарата секретно-осведомительской сети на местах Комчон'у лично назначить личный состав осведомителей из числа коммунаров РКП/б/ хорошо развитых и грамотных.

§ 5

Личный состав секретно-осведомительской сети каждой ЧОН губ должен храниться в совершенной тайне и быть известным лишь одному Комчон'у, который дает задания и которому доставляют сведения.

§ 6

Осведомители должны быть назначены для каждого даже незначительного населенного пункта: а/ деревни, села, местечка, волости, б/ на все без исключения военные учреждения, заведения и отдельные части, в/ на важнейшие советские и государственные учреждения и предприятия, г/ на фабрики и заводы. [далее добавлено от руки] и другие пункты.

§ 7

На личный состав осведомителей возлагаются следующие обязанности: а/ сбор сведений и материалов контрреволюционного характера, б/ выяснение всякого рода контрреволюционной деятельности, в/ раскрытие заговоров, антисоветской пропаганды и агитации, г/ участие и связь отдельных лиц в бандитизме и отдельных шаек, настроение масс данной местности и прочих сведений, направленных против Советской власти.

§ 8

Весь материал, доставляемый секретным порядком, должен получаться лично командиром ЧОН, систематизироваться и направляться им в местный отдел ГПУ, копию же одновременно доставлять мне; а материал хранить у себя.

§ 9

В целях сохранения полной тайны личных осведомителей Комчон'у завести книгу записи полных адресов осведомителей с указанием их имени, отчества и фамилии, место и район действия и личный № осведомителя, который должен ставиться на донесении осведомителя вместо личной его подписи /на донесении личная подпись должна отсутствовать/.

§ 10

Порядок и способ доставки донесений осведомителей на местах разработать лично Комчон'у приняв во внимание чтобы доставляемые донесения передавались через надежных лиц и совершенно секретным порядком. Пересылка пакетов по почте не допускается. Пакеты должны адресоваться сов. секретно. В собственные руки Комчон'у тов. такому то.

§ 11

Донесения для осведомителей и командиров отдельных ЧОН губ. устанавливаются: «срочные» и «внеочередные». Срочные донесения личными осведомителями должны доставлять[ся] четыре раза в месяц 1, 7, 14 и 21, внеочередные по мере необходимости в экстренных случаях требующих немедленного принятия мер.

§ 12

Для хранения всего материала Комчон'у должны завести специальные ящики: которые должны быть всегда заперты и опечатаны печатью и должны храниться в секретном шкафу. Ключ от ящика всегда должен храниться у Комчон'у.

§ 13

Комчон'ам у. [уездов - ред.] систематизированную сводку доставлять в Губштаб следующим порядком: заделку пакета делать, как сов. секретной переписки на пакете ставить [:] сов. Секретно литер К.

В собственные руки Комчонгубу т. Васильеву-Карсавину [.] № и от кого [.] и исключительно только через нарочных своего, ГПУ или Увоенкомата.

§ 14

Для отчета и разного рода справок отправления пакетов, завести особые тетрадки в которых записывать № отправляемых пакетов с указанием должности, имени и фамилии получившего пакет для доставки.

§ 15

Вся работа осведомительского аппарата ЧОН губ. должна происходить в строгой тайне. [слова «в строгой тайне» — жирно подчеркнуты. — ред]

§ 16

О получении сего приказа и принятых мерах донести.

Приложение: Копия приказа ЧОН МВО за № 187/секр. с/ г. и положение об организации секретно-осведомительной сети.

Подл. подп. Комчонгуб Васильев-Карсавин, Начштаба т. Аникин, Врид начоперстро[о]тделения Барсов

Приказ отпечатан в 15 экземплярах, разослан Комчон'у всех 12 и Штачнокр I, Рязотдел ГПУ и подленник у Штачнорязгуб.

С подлинным верно: {врид — от руки} Нач. опер. стр. отд. [подпись неразборчива]

[от руки] № 2691/сек
28/XII 1922 г.

Документ 4 (машинописный)

Сов. Секретно
Командира 109 ОН Рязанского батальона
Особого Назначения

Анкета осведомителя

вопросы:

ответы:

- 1/Фамилия, имя, отчество
 - 2/Возраст
 - 3/Губерния, уезд, волость, село
 - 4/Профессия
 - 5/Где служит
 - 6/Занимаемая должность
 - 7/Семейное положение
 - 8/Образовательный ценз
 - 9/Имеется ли частная собственность
 - 10/Чем занимается и средства к существованию
 - 11/Какое участие принимает в Совработе
 - 12/Оклад получаемого жалования
 - 13/Состоит ли членом союза и какая несет там обязанности
 - 14/Состоит ли членом рабоче или крестьянской кооперации
 - 15/Состоит ли членом партии РКП /б/
 - 16/С какого времени в партии и какой организации состоит в данное время, № партбилета и какие имеет там обязательства
 - 17/Состоит ли в какой партии, когда и по какой причине выбыл из таковой
 - 18/Где работал с марта м-ца 17 г.
 - 19/Где работал с марта м-ца по октябрь м-ца 17 г.
 - 20/Где работал в октябре по настоящее время
 - 21/Что побудило к сотрудничеству в б-не
 - 22/Когда вербован
 - 23/Краткая биография
 - 24/Местожительство
 - 25/Кем вербован
- /см. на обороте/

(Оборотная сторона документа 4)

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

желаю добровольно взять обязанность наблюдателя-осведомителя Секретно-агентурной части 109 ОН Рязбаталиона

Обязуюсь:

1/Строго держать в тайне о принятии на себя обязанности наблюдателя-осведомителя, никого не пос[в]ещать в это дело самого верного товарища, домашних и др. лиц и быть вполне конспирированным лицом.

2/Не выдавать никому поручения секретно-агентурной части 109 ОН Рязбаталиона, заданий и распоряжений.

3/Добровольно и честно выполнять все задания и распоряжения исходящие от секретно-агентурной части 109 ОН Рязбаталиона через командира баталиона.

4/Соблюдать строжайшую дисциплину и конспирированный порядок в деле и работе порядок.

5/Безпрепятственно, честно и безкорыстно исполнять свои обязанности памятуя служение великой Идеи Пролетарской Республики и Рабоче-Крестьянской власти.

6/НЕИСПОЛНЕНИЕ настоящего обязательства влечет за собой революционную ответственность по законам РСФСР.

Подпись: « » дня _____
192 года

Точный адрес:

Подпись:
№

Документ 5 (рукописный)

Сведение

1)Настроение население к советской власти улучшилось.

2)Кулатский элемент и поповская агитация улучшились.

3)[на] Работы Адмениярацаи на фабрике занимается лянством.

4)Предволисполком тов. Конкин и член волисполкома тов. Котов занимается взяточничеством.

вес[ь] материал по взяточничеству на тов. Конкина и Котова передан [в] фабричною ячейку.

во время общего Партийного собрания вес[ь] материал по взяточничеству рассматривался и было вынесено постановление вес[ь] собранный материал по взятке передать в уком и в ГПУ, но секретарем ячейки Рождественским является к работе холатност[ь] и укрытие этого дела. Между насилением является не довольствие по взяточничеству к Предволисполкому тов. Конкину и Котову.

5) Выгонка самагонки принимается, со стороны местной власти ни каких мер не принимается. честенько бувають и сами пьянаи.

8) Конекратство развелос[ь] очень сильно виду выгонки самагона и холатного отношение местной власти, на этих днях уведены 2 хороших лошади.

21/ II - 23

№ 5

Документ 6 (рукописный)

№ 4

Комбату 20

сов. секретно

Сбщаю что, разведчик *(химическим карандашом жирно зачеркнута фамилия – ред.)* 28-го донес следующее:

Бо[неразборчиво]й волости, был послан на заготовки дров комвзвод Нечаев, по даному ему наряду от губкомтруда на перевозку дров, тов. Нечаев освободил от трудгужналога село Юрасово и с. Алексеевское за что получил деньгами, отчего и получилось не достача трех кубов дров.

Вр. Комбат I [подпись неразборчива]

Документ 7 (рукописный)

№ 88 Комчон

№ 89 ГПУ

Агентурно-освед. сводка

109 О. Н. Ряз. б-на

23/ III - 23 г.

По Старо-горшечной ул. в д. № 8 Соколовой проживает некто Станин Мих. Ник.

Наблюдениями устанавливается слишком подозрительный образ жизни Станина: из квартиры ежедневно уходит к 10 час. утра и возвращается к 3-4 ч. утра, часто в пьяном виде, и на извозщиках, причем денег никогда извозщикам не платит, и последние, покачивая головой, уезжают от квартиры.

По словам его жены, Станин служит в милиции.

Квартиру занимает очень маленькую и грязную (бывш. кухня в доме); бывают моменты, что в квартире у жены не бывает совершенно денег на хлеб; и неожиданно появляются деньги и расходуются более 100 руб. в день на изысканные продукты.

На вопросы жене — почему он так поздно ежедневно возвращается на квартиру, жена говорила, что он ежедневно дежурит. Ворота у квартиры по приказанию Станина другими квартирантами на ночь не закрываются, хотя у него и имеются в сарае 2 козы; запирает ворота Станин сам по возвращении.

Есть основания думать, что Станин является каким либо участником или в шайке воров-бандитов, или же членом какого либо игорного дома т. к. ежедневные поздние возвращения и в пьяном виде, неплатеж денег извозщикам, неожиданное появление денег, непомерный их расход никакой службой не оправдываются.

[без подписи]

Документ 8 (машинписный)

[уголовой штамп]

Сов. секретно.

Циркулярно.

Р. С. Ф. С. Р.

ШТАБ Части ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ Рязанской губернии

[от руки] Оперативн.

14 января 1924

№ 1/с.с.

г. Рязань

Командиру «109» О Н баталиона

Несмотря на неоднократные распоряжения Губштаба ЧОН о решительном и в полной мере проведении в жизнь приказа по Чонгуб за № 85/сек. от 25 декабря 22 года и ряда последовавших к нему циркуляров с разъяснением и категорическим требованием выполнения этого, но до сего времени многие командиры рот слишком поверхностно выполняют его, а некоторые совершенно в этом на-

правлении ничего не делают, так например Командиры 139, 141, 142, 143, 144, 145 и 146 рот за отчетный месяц никаких сведений не доставили, что свидетельствует о их невнимательном отношении к выполнению своих прямых обязанностей, что граничит даже с преступлением. Командир 137 ОН Спас-Клепиковской роты лишь формально донес, что за отсутствием материала сведения не представляются. Между тем как в районе роты имеются два завода, это уже одно доказывает, что материал есть и упускать из вида такие важные пункты как заводы считаю преступным. Жизнь этих заводов безусловно должна найти отражение в агентсводках и масса других сведений, которые необходимо должны освещаться. Даже в тех районах, в которых нет ни фабрик ни заводов, в этой области работы непочатый угол; сколько проводится различных компаний и дискуссий и других различных мероприятий и распоряжений Сов-власти, которые так или иначе влияют на население, в нем отражаются, а следовательно и накладывают известный отпечаток [на] мнения, разговоры и отношения. Все это должно быть учтено взвешено освещено в агентсводках. Плохой тот Командир роты, который не знает, что делается в его уезде, а тем более под его носом в городе; такому Командиру грош цена и такой Командир явно не соответствует своему назначению.

ПРИКАЗЫВАЮ: а/Точно усвоить приказ по Чонгуб за № 85/с. и все последующия к нему циркуляры и распоряжения.

б/Строго выполнять сроки указанные в циркуляре за № 118/с. с представлением агентурных сводок.

в/Не оставлять ни одного значительного населенного пункта без наблюдения и освещения, в наиболее важные пункты назначать не одного, а несколько товарищей, работу которых сопоставлять и делать определенные выводы.

г/Освещать в агентсводках все проводящие[ся] различные компании, дискуссии и другие мероприятия Соввласти и все то, что требуется изданными ранее циркулярами.

д/Означенный циркуляр принять к точному и неуклонному исполнению помня, что впредь неисполнение сего повлечет за собою строжайшее наказание вплоть до отстранения от должности.

ЗАМ.КОМЧОНГУБА [подпись] /Максимов/
[от руки] За Начальник штаба [подпись] /Аникин/

Ф.Р 2815. Оп. 1. Д. 379
Документы Государственного
Архива Рязанской области (ГАРО)
подготовил к печати Сергей Романов.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ О КЛИЧКАХ ЖИВОТНЫХ

Секретно.

Секретарю Райкома ВКП/б/ тов. БАШКАТОВУ.

г. Енисейск.

Копия: Председателю Райисполкома

тов. КЛИЩЕВСКОМУ

г. Енисейск.

Сообщаем, что нами выявлено в ряде колхозов нашего района, что в качестве кличек для животных используются общераспространенные советские слова и даже фамилии вождей: так в колхозе им. "Ворошилова" – мерин масти рыжей называется "Комсомолец".

В колхозе "2-й Пятилетки" жеребенок под кличкой "Ворошилов". В Баженовском колхозе лошадь под кличкой "Сталин". Колхоз имени "Башкирова" – мерин масти соврасовой под кличкой "Батрак". Колхоз им. "Петровского" – кобылица бурой масти под кличкой "Пионерка" и кобылица соврасовой масти под кличкой "Ударница", жеребенок под кличкой "По-встанец". В Назимовском колхозе лошади под кличками: "Комсомолка", "Пионерка", "Косиор".

В Остяцком колхозе лошади: "Киров", "Куйбышев", "Ворошилов", "Комсомолец", "Красноярец", "Партизан" и "Ударница". Погадаевский колхоз мерин рыжий "Комсомолец".

Вышеизложенное сообщается для сведения и принятия мер к замене данных кличек.

В Казачинском ОРСе (подчин. Енис. Леспродторгу) – мерин назв. "Ворошилов"; также была свинья под кличкой "Крупская".

Зам. Нач. Ен. РО НКВД

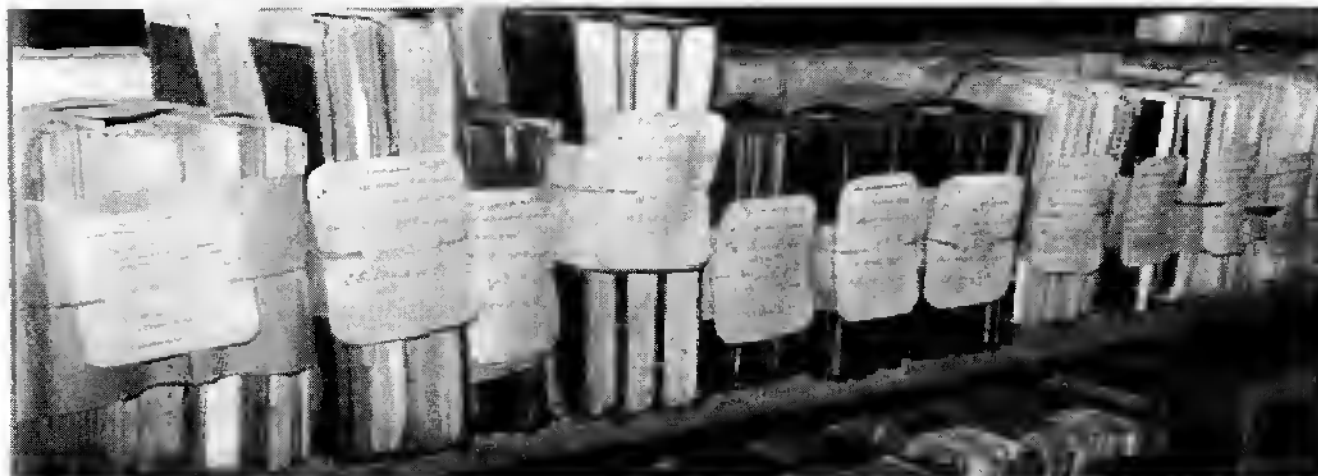
Лейтенант Госбезопасн. (Коротков).

Пом. опер. уполн.

Сержант Госбезопасн. (Краснопольский)

Кцх. Ф. 55, оп. 5. Д. 27

Редакция выражает признательность
Красноярскому обществу "Мемориал" за
предоставленный для публикации документ.

Сусанна ПЕЧУРО

«Я благодарна судьбе...»

В середине 40-х — начале 50-х гг. в СССР стали появляться группы молодых людей, часто — подростков, выступающих с критикой строя и пытающихся понять, чем вызваны те уродливые явления в послевоенной жизни страны, которые нередко были более очевидны для них, чем для взрослых, давно и прочно привыкших к двоемыслию. Воспитанные на идеях и лозунгах революции, эти ребята принимали искренне и всерьез те принципы, которые давно уже были только декорацией в стране, где диктатура пролетариата, впрочем, никогда и не существовавшая, окончательно превратилась в бонапартистскую диктатуру Вождя, в стране десятилетиями царили голод и массовый террор, а великая Победа, за которую народ заплатил непомерную цену, вопреки ожиданиям, ничего не изменила к лучшему, а может быть, и наоборот.

В некоторых случаях молодые люди не только обдумывали и обсуждали волнующие их вопросы, но и принимали решение начать в той или иной форме борьбу за возвращение к революционным принципам, истинность и справедливость которых, как правило, не подвергалась сомнению.

Молодежь была воспитана на идеологии марксизма, не имела представления о каких бы то ни было иных теориях, не имела возможности узнать настоящую, нефальсифицированную историю своей страны и делала выводы на основании знакомства с доступной ей литературой и собственного небольшого, но часто горького жизненного опыта и наблюдений.

Имея перед собой литературные примеры, юные революционеры объявляли свои, как правило, небольшие дружеские кружки — не более 10 человек — подпольными организациями и пытались действовать по всем правилам «классического» подполья: система «пятерок», связи, составление и распространение листовок и т.д. При этом нередко повторялись все ошибки и пороки, характерные для движений и групп народников, социалистов, большевиков и др.

Безусловно, во всей деятельности ребят было много от игры в революционную романтику, была жажда подвига и далеко не всегда — реальное осознание той опасности, которой они себя подвергают. Однако те, кто имел представление о жестокости репрессий и всемогущих карательных органов, понимали, что, пытаясь противостоять сталинскому режиму, рискуют жизнью, и шли на это сознательно.

Да, это была отчасти игра, но игра ради добра и правды, за которую платили жизнью.

Одной из таких организаций была группа, участницей которой была я, Сусанна Печуро, тогда 17-летняя московская школьница.

Наша организация называлась «Союз борьбы за дело революции» (СДР). Воспитанные на пафосе лозунгов, такие организации, как правило, брали себе «громкие» названия, например, «Армия революции» (Москва), «Юные ленинцы» (Ленинград) и т.д.

Мы были детьми своего времени...

Наша организация началась с литературного кружка городского Дома пионеров. Я пришла туда в 1948 году, будучи ученицей 8 класса. Кружок состоял примерно из

полтора десятков подростков с 12-13 до 17 лет, увлеченных литературой и пробующих свои силы в поэзии и прозе. Часто на занятия приходили и старшие, бывшие кружковцы, уже не школьники, а студенты. Они пользовались большой любовью и громадным авторитетом среди младших и обращались с ними по-товарищески, уважительно и заботливо. Занимались там люди очень разного уровня способностей и общего развития, из разных школ Москвы, ремесленных училищ, из разной среды. Большинство, естественно, писали нечто по-детски беспомощное, искреннее и наивное, но были и по-настоящему одаренные ребята. Некоторые из них впоследствии стали писателями, поэтами, журналистами. Нас всех объединяла глубокая любовь к литературе, любознательность, взволнованность не только проблемами литературы, но и противоречивыми явлениями окружающей жизни. Встречаясь не только в стенах Дома пионеров, но стараясь проводить вместе все свободное время, мы откровенно и бурно обсуждали все, что происходило кругом.

Не нужно напоминать, что после победоносной войны жители разоренной и обескровленной страны не дождались никаких перемен к лучшему, на которые надеялись.

1946 год принес голод, сравнимый с тем, который поразил страну в 1932-33 гг. Сейчас многие люди из старшего поколения уверяют, что ничего об этом не знали. Да, в Москве голода не было, хотя досыта ели далеко не все. Но как эти люди могли не замечать множества нищих, наводнивших улицы столицы, не видеть истощенных детей в лохмотьях у дверей своих домов, я не понимаю. Мы, школьники, видели и пытались хоть чем-то помочь, в пределах наших очень ограниченных возможностей хотя бы детям.

Страну захлестнула преступность. Кто не помнит банды «Мертвая голова», «Черная кошка» и т.д., наводившие ужас на москвичей?

Но еще страшнее были новые волны государственного политического террора, поднявшиеся уже в последний год войны.

Летом 1945 года я была в пионерском лагере, расположенном в школьном здании, рядом с железной дорогой, в нескольких десятках километров от Москвы. Я на всю жизнь запомнила то счастье, то ликование, с которым встречали поезда с демобилизованными солдатами, те охапки полевых цветов, что бросали мы в открытые двери пролетающих мимо теплушек.

Но и в 1945, и в 1946, и в последующие годы мимо шли другие эшелоны, о которых мы

Московская школьница
Сусанна Печуро.

не знали. Шли залпетые глухими болтами «телячьи» вагоны с несчастными солдатами, из немецкого плена переправляемыми в советский плен. Шли эшелоны с гражданами, вина которых заключалась в том, что они выжили в годы оккупации, с жителями Прибалтики, Западной Украины, Германии, Польши...

Для большинства москвичей это все было за пределами их жизни, не влияло на их судьбы.

В 1948 году была отменена смертная казнь, заменена на 25 лет заключения. Было ужесточено множество уголовных статей кодекса. Обыватели принимали эти изменения с одобрением. Мало кому приходило в голову, что все это означает общее ужесточение репрессивной политики, что непременно скажется на каждом гражданине. В 1950 году смертная казнь была восстановлена, но срок 25 лет остался и стал почти поголовным в отношении людей, осужденных по политическим статьям.

В то же время начались кампании, прямо ударившие по широким кругам интеллигенции. Разгром целых научных направлений, например, генетики, борьба с «формализмом» в музыке, доклад Жданова о творчестве Ахматовой и Зощенко, гонения на наиболее талантливых представителей творческих профессий, страшная гибель Михозлса, уничтожение Еврейского театра, поголовная казнь деятелей Еврейского Антифашистского Комитета и многое другое. Ни для кого не было секретом, что Михозлса убили.

Я происхожу из семьи, далекой от политики. Мои родители приехали в Москву учиться из еврейского местечка, из-под Смоленска. Отец стал инженером, очень известным в своей области. Мать же образования не получила, была домохозяйкой, во время войны работала в госпитале на Урале, где я жила вместе с ней и получила первые серьезные уроки правды от общения с ранеными в палате, где я, девятилетняя, по мере сил исполняла обязанности санитарки.

Семью мою интеллигентной можно было назвать с большой натяжкой, но отец, человек по натуре артистичный, прекрасно пел, играл на скрипке. Песни отца, в основном, на идиш и украинском, были первыми моими страдальными впечатлениями детства.

Еврейский театр в нашей семье был не просто любим. Родители не пропускали ни одной премьеры, помногу раз ходили на свои любимые спектакли с участием Михозлса и Зускина. С детства брали в театр и меня, и многие спектакли я хорошо помню и сейчас, в старости. Дома говорили на идиш, поэтому языковых трудностей в восприятии у меня не было.

В тот страшный январский день отец пришел домой с серым лицом, тяжело вошел в нашу маленькую комнатку, где в большой и многонаселенной арбатской квартире жила моя, тоже не маленькая семья. Он тяжело, как будто через силу переступил порог и глухо произнес: «Михозлса убили». И заплакал.

Вскоре началась вакханалия «борьбы с космополитизмом».

Я не помню ни одного человека из моего окружения, кто отнесся бы к этой кампании с одобрением.

Борьба с «безродными космополитами» сразу превратилась, с одной стороны, в разнузданный, откровенный государственный антисемитизм, с другой стороны, в фальсификацию истории, науки, искусства и т.д. Россия была объявлена «родиной слонов». Из школьных учебников исчезали имена великих зарубежных ученых. Изобретателями и открывателями всего на свете были объявлены люди с русскими фамилиями.

Я училась в прекрасной школе, которую всю жизнь вспоминаю с любовью и благодарностью. Нам старались не врать. Нас уважали. В школе не было показухи, муштры, казенщины.

Сейчас я понимаю, сколько мужества проявили наши учителя, чтобы максимально «спустить на тормозах» эту бредовую кампанию, которая ломала и умнейших, самых образованных и культурных людей страны.

Мы бунтовали. Мы отказывались забывать имена Ньютона, Фарадея, Маркони и т.д. В эти дни наш старый учитель физики Николай Николаевич Кравченко сказал нам на уроке: «Россия внесла громадный вклад в мировую культуру, и нам нет нужды присваивать себе чужие заслуги. Так вот, запомните: паровую машину изобрел Уатт».

Нужно было жить в то время, чтобы оценить этот поступок школьного учителя.

Но вернемся в литературный кружок.

Я особенно подружилась с двумя юношами, неразлучными друзьями из числа тех, кто уже только приходил туда в гости. Звали их Борис Слуцкий и Владлен Фурман.

Борис был не по годам начитан и умен, высокий, плотный, с крупной головой, с высоким лбом под шапкой густых волнистых темных волос, он выглядел взрослее своих 16 лет. Рядом с ним всегда был Владик, добряк и умница, мягкий и ироничный.

Отец Бориса погиб в 1941 г. под Вязмой в составе Московского Коммунистического батальона добровольцев. Борис успел побывать в оккупированной зоне Германии, куда его забрал дядя-фронтовик, некоторое время находился там в интернате для военных сирот. Вернувшись в Москву в 15 лет, он не захотел жить с матерью, отчимом и сестрой, а жил один в комнате на Манежной, которую до войны занимала их семья. В этой комнате оставалось пианино, на котором Борис немного играл, и шкаф с книгами его отца. Там, в частности, было полное собрание сочинений В.И. Ленина, второе издание, к тому времени изъятое из всех библиотек. Между страницами одного из томов Борис нашел «завещание» Ленина, считавшееся не существовавшим. Не стоит говорить, какое влияние оказала эта находка, да и само второе издание Ленина на наши взгляды.

Владик рос в ортодоксально-партийной семье. Родители его были живы. На фронте погиб его старший брат Александр. Имя Владика, так же, как и имя его второго брата — Леона (Ленинизм — оружие марксистов), больше, чем что-либо иное, говорят о взглядах его родителей.

Борис писал стихи, Владик — рассказы и прелестные сказки.

В наших бесконечных разговорах обо всем, в попытках разобраться в противоречиях реальности и псевдосоциалистической догматики, вбиваемой в наши головы школой, пионерской организацией, комсомолом, ежедневной фанфарной пропагандой на страницах газет и по радио, наши старшие товарищи были для нас первыми советчиками. Особенной любовью и авторитетом пользовался Борис.

Руководила кружком некая дама, серенькая и скучная, но вполне «правильная» и потому несменяемая администрацией Дома пионеров на протяжении многих лет. Нам она ни в чем не помогала, с мнением ее никто не считался. До поры до времени она и не очень-то мешала. Мы ходили в кружок ради встреч друг с другом, ради нашего, пусть неумелого, творчества, и, главным образом, ради дружбы, сохранившейся — у тех, кто жив — по сей день.

Влияние старших ребят росло. Наши откровенные разговоры стали все больше беспокоить руководительницу. Вновь приходящие ребята, ученики 5-6 классов, смотрели на старших с обожанием. И руководительница решила принимать меры. Прежде всего, она запретила нам читать свои «опусы» в кружке без ее предварительной проверки и разрешения. Мы решили не обращать на эти ее требования никакого внимания.

И вот однажды, в конце зимы 1950 одна из учениц прочла на заседании кружка простенькое, милое, грустное стихотворение про школьный вечер. И наша педагогиня заявила, что это — антисоветское стихотворение, так как у советской молодежи не может быть печальных, «упаднических» настроений. И тут мы взбунтовались и заявили, что отказываемся заниматься в кружке под ее руководством и будем собираться сами, одни. Решили приходить 2 раза в неделю к Борису. Фактическим руководителем кружка стал он. В то время Борису было 17 лет, он заканчивал школу и собирался поступать на философский факультет МГУ. Владик был на год старше Бориса, в то время он был студентом первого курса 3-го Московского медицинского института и собирался становиться психиатром. Мне было 16 лет, и я училась в школе.

Руководительница сделала все, что могла, чтобы расколоть кружок, и отчасти ей это удалось.

Мы решили заняться историей русской поэзии, в частности, поэзией «серебряного века», о которой в то время в школе даже не упоминали. Младшие, которые остались в кружке, но ходили и к нам, простодушно и восторженно рассказывали руководительнице, чем занимаются и о чем говорят на квартире у Бориса. И руководительница написала донос на Лубянку...

Мы же продолжали заниматься, писать, дискутировать. Дружба наша становилась все крепче.

Весной 1950 Борис впервые сказал мне, что собирается бороться за осуществление идеалов революции, против существующего режима, против перерождения диктатуры пролетариата в бонапартистскую диктатуру Сталина. Он не хочет навлечь на меня беду и считает, что нам необходимо прекратить наши отношения.

Я была потрясена. При всем моем критическом отношении к окружающему, я была в очень сильной степени заражена характерным для всех «двоемыслием», и мне было трудно, почти невозможно признать, что пороки нашего общества столь глубоки. Да и Борис в моей жизни занимал такое место, что разрыв был для меня невыносим.

После двух недель метаний, мучительных раздумий я пришла к Борису и сказала, что о моем уходе не может быть и речи.

Лето прошло в чтении Ленина и Сталина. (Интересно, что именно в то лето, в день моего семнадцатилетия, одна из моих подруг подарила мне 4 изящных темно-красных тома юбилейного издания сочинений Сталина). Я много думала, пытаясь найти ответы на бесконечные, очень серьезные вопросы, с которыми мне не приходило в голову обращаться к взрослым.

В конце августа я гостила у своей бабушки по отцу, где вместе со мной жила моя двоюродная сестра Нина Уфлянд, почти на год меня моложе. Именно здесь, на терраске старого деревянного дома, состоялся

самый важный разговор с Борисом и Владиком, определивший всю мою дальнейшую жизнь.

Юноши пришли, чтобы рассказать мне, что они решили создать подпольную организацию для борьбы со сталинским режимом и предлагают мне быть с ними. Они не скрывали от меня, какие опасности нас ждут, что, вероятно, эта деятельность будет стоить нам жизни.

Решение принять их предложение стоило мне громадных душевных мук. Я понимала, что, соглашаясь, я отрекаюсь от всей своей предшествующей жизни, в которой я, активная и искренняя комсомолка, с удовольствием училась в школе, мечтая о педагогической деятельности в дальнейшем, где меня любили мои милые подруги, от которых у меня не было секретов, где, наконец, были мои родители и маленький братишка, жизнь которых будет искалечена моей судьбой. Как жаль было их, себя, своей юности!

Но Борис и Владик! Их героическая готовность к борьбе и гибели! Не могу же я быть не с ними, какой бы ценой ни пришлось мне платить за это!

И я согласилась. В этом моем согласии было больше эмоций, чем реального понимания необходимости борьбы и всей глубины ужаса и лжи, которые царили в нашей стране.

Мы трое объявили себя «Организационным комитетом» (ОК) и стали думать над документом, в котором были бы изложены наши взгляды.

Пытаясь поступить на философский факультет, где ему, еврею, конечно же, не нашлось места, Борис познакомился с таким же абитуриентом Евгением Гуревичем. Женя, конечно, не поступил по той же причине. Разговорившись, ребята быстро поняли, что они — единомышленники, и через некоторое время в комнате Бориса появились еще два мальчика. Маленький, хрупкий, изящный, очень красивый Женя Гуревич и его друг, студент, ровесник Владимир Мельников, спокойный, добродушный, светлогрудый парень, казавшийся увальнем по сравнению с живым и ярким Женей. Кто из них — ведущий, а кто — ведомый, ясно было сразу.

Итак, нас стало пятеро.

Далее мы действовали точно по правилам, вычитанным из детства любимых книг о революционерах, повто-

Владлен Фурман.

Евгений Гуревич.

ря и все ошибки и пороки революционного подполья. Но откуда нам было знать что-либо другое. Это характерно для все подобных организаций, участники которых, очень юные люди, воспитанные в обстановке даже не до конца осознаваемого ими информационного вакуума, без возможности довериться взрослым, родителям или учителям, пытались самостоятельно идти по единственно известному им, гибельному, трагическому пути.

Борис написал «Программу» «Союза борьбы за дело революции». Вся констатирующая часть была написана четко и точно. Характеристика строя как бонапартистского, экономики как госкапиталистической, империалистической внешней политики, отсутствия декларируемых в Конституции гражданских свобод, фарс так называемых выборов, катастрофическое состояние сельского хозяйства — все это было изложено в «Программе» четко, грамотно и доказательно. С позитивной частью «Программы» дело обстояло несколько хуже. Здесь излагалась некая смесь из идей, почерпнутых из нашей настольной книги — «Государство и революция» Ленина.

Борисом и Женей было написано еще несколько коротеньких статей по отдельным вопросам, например, о выборах.

Простудировав воспоминания народников, мы нашли описание самодельного гектографа, и, несколько усовершенствовав его, сделали и стали печатать «Программу» и статьи, превратив их во что-то вроде листовок.

Ну, и как полагалось, придумали себе псевдонимы. Это уж было действительно от игры, хотя мы, естественно, относились ко всему вполне серьезно.

С самого начала я рассказала обо всем моей сестре Нине. Нина заявила, что поддерживает нас, но едва ли понимала, чем все это может кончиться. Для нее все это было романтическим приключением. Нужно сказать, что она, не принимая никакого участия в наших делах, не считая, может быть, каких-нибудь разговоров с подругами, никогда никому не проговорила о существовании организации.

Вскоре к нам присоединился двоюродный брат Бориса, тихий, грустный и безотказный Григорий Мазур. Гриша выполнял все поручения, работал на гектографе, но никогда не принимал участия в наших бурных спорах.

Я привела в организацию двух своих школьных подруг, учениц параллельного класса Ирэну Аргинскую и Екатерину Панфилову.

Обе они не были комсомолками. Катя была из религиозной семьи, отец ее погиб на фронте, а сама она, вместе с младшей сестренкой, успела побывать с матерью в ссылке «за веру». Катя фактически никакого участия в наших делах не принимала, но читала марксистскую литературу и бывала на наших занятиях, где Борис проверял наше знание изучаемой литературы и объяснял непонятное.

Нужно сказать, что чтение и конспектирование марксистской литературы было реально единственным нашим общим делом. Борису не составляло труда убедить нас в нашем полном невежестве в истории, философии и марксизме и необходимости самообразования. В отношении себя он считал так же, и тоже очень много и серьезно учился.

Отец Ирэны Аргинской был арестован по какому-то, как обычно, бездоказательному обвинению в антисоветских разговорах. Он был журналистом, добровольно пошел на фронт, но, вернувшись, в беседах с другом посмел высказывать какие-то критические замечания, рассказы-

вая о войне, и получил 10 лет. Мать Ирэны, умница, человек удивительного мужества и стойкости, работала за гроши на швейной фабрике.

Со временем в орбиту нашего влияния так или иначе попали еще несколько человек, друзей и знакомых Бориса, Владика, который учился той зимой в Рязани, куда из Москвы был переведен его институт. Он приезжал в Москву по выходным. Нам троим была очень тяжела эта вынужденная разлука, неделя казалась бесконечной, и в выходные мы старались бывать вместе.

В октябре, по всем канонам партийной жизни, в нашей маленькой организации произошел раскол. На одном из заседаний «Организационного комитета», куда входили Слуцкий, Фурман, Гуревич, Мельников и я, Женя сказал, что при необходимости в борьбе нельзя полностью отказываться от метода индивидуального террора. При этом никакого имени, против кого это было бы возможно применить, никаких вообще конкретных соображений высказано не было. Однако мы трое, как верные ленинцы, помня, что Ленин отвергал индивидуальный террор, категорически отвергли женины соображения. Возник бурный спор, в результате которого Женя заявил, что выходит из организации и будет создавать свою. Гуревич и Мельников ушли. Борис и Владик были подавлены, я откровенно плакала.

Больше, до самого ареста, мы ничего не знали о наших отколовшихся товарищах. За оставшееся до ареста короткое время Женя, как стало известно потом, сумел привлечь нескольких своих знакомых девушек, из которых сознательно и до конца готова была действовать Майя Улановская, замечательная, умная и отважная дочь анархистов, участников революции, которые в то время оба находились в заключении.

А кольцо вокруг нас сжималось все туже. Наружная слежка была почти открытой. В комнате Бориса под видом проверки электропроводки было поставлено подслушивающее устройство. Когда мы это заподозрили, то придумали очень простой и остроумный способ помешать прослушиванию наших разговоров. Мы закрепили лист плотной бумаги вблизи комнатного электровентилятора. При включении лопасти, задевая бумагу, производили шум. Сидя рядом, мы прекрасно слышали друг друга, но в двух метрах из-за шума уже нельзя было разобрать.

Мы понимали, что арест приближается.

Новый 1951 год мы встречали втроем у Бориса. Сидели за более чем скромным столом с бутылкой сухого вина, говорили о том, что нас ждет, как нужно вести себя при аресте, на допросах.

Тюрьму мы, естественно, представляли себе только по книгам и кинофильмам о революционерах, да еще по моим впечатлениям от экскурсии в Петропавловскую крепость, где я побывала минувшим летом, когда отец взял меня с собой в командировку в Ленинград, чтобы показать город, в котором я никогда раньше не бывала.

Советская тюрьма оказалась намного страшнее и тяжелее, чем мы могли себе представить.

В ту новогоднюю ночь мы в последний раз были втроем.

Владика я увидела только на суде, более чем через год.

Мы надеялись, что кроме нашей существуют еще подобные организации. Доходили слухи о группах на других факультетах пединститута, в МГУ, в Ленинградском университете. Мы пытались выйти на кого-нибудь, но безуспешно.

Потом, в тюрьмах и лагерях, мне действительно пришлось много раз встречаться с молодыми людьми, об-

винными в участии в подпольных организациях. Во многих случаях эти организации были выдуманы МГБ, но были и настоящие участники реально существовавших групп.

В начале января я проводила на вокзал Бориса. Он ехал на каникулы в Ленинград, в гости к дяде, имея в виду попытаться через своих знакомых студентов найти там наших единомышленников. Кроме того, в Ленинграде училась двоюродная сестра Ирэн Галя Смирнова, которая, по словам Ирэн, разделяла наши взгляды.

В ночь с 17-го на 18-е января Борис был арестован в Ленинграде. Днем 18-го в Рязани взяли Владика. В ночь с 18-го на 19-е пришли за мной.

Обыск продолжался более 4-х часов. Три оперативника переворачивали вверх дном нашу маленькую комнату, трясли мои учебники, школьные тетради. Наткнулись на книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир», удивились: «Американец, а пишет о Троцком».

Больно было смотреть на потрясенных, ничего не понимающих родных. У отца начался сердечный приступ. Четырехлетний братишка, поднятый из кровати, плакал на руках у мамы, кричал: «Пусть эти дяди уйдут». Мама испуганно его утешала. У дверей сонно качался дворник — понятой.

Во время обыска мне удалось спрятать второй экземпляр «Программы». Чернила для гектографа они вообще не нашли. Это меня подбодрило, и я подумала, что не такие уж они всемогущие, если с самого начала я, девчонка, смогла их в чем-то обдурить.

Запихнув в мешок мои учебники, тетради, детские фотографии, наобум — несколько книг, и прихватив отцовскую пишущую машинку, мне велели собираться, посоветовав маме дать мне теплые вещи и немного еды. Оглядев мой разгромленный дом, я вдруг ясно поняла, что никогда больше сюда не вернусь. И тут я увидела на полу свою старую маленькую целлулоидную куклу. Невыносимо захотелось взять с собой что-нибудь, какую-нибудь мелочь на память о доме, о детстве. И я взяла эту куклолку. И тут начальник опергруппы, хранивший до того беззлостно-равнодушное молчание, вдруг взорвался. «Положи сейчас же! — заорал он. — Ишь чего, куклол брать! Детский сад устроила!» Я положила куклу и пошла к двери...

По дороге, сидя в легковой машине между двумя оперативниками, я пыталась понять, взяли ли ребят. Если арестована я одна, — ничего еще не потеряно. Мысленно я давала себе клятву никого на допросах не называть.

Первые две недели мы провели в тюрьме областного Управления МГБ, на Малой Лубянке.

На первом же допросе начальник Управления зачитал мне список из 16 человек, являвшихся, якобы, членами нашей организации. Многие имена и фамилии я слышала впервые.

Стало ясно, что Борис и Владик тоже арестованы. Кажется, здесь же уже были Гуревич, Мельников и Гриша Мазур.

Две недели в общих камерах, как потом стало ясно, были для нас большой удачей. В общей камере куда легче адаптироваться, чем в одиночках, куда мы попали, когда нас перевели в Лефортовскую тюрьму, а дело передали в Отдел особо важных дел МГБ СССР.

Другие наши товарищи, виноватые куда меньше нас, или совсем ни в чем не виноватые, арестовывались позже, в течение февраля и марта, и привозились сразу в Лефортовские одиночки.

Мое водворение в камеру Малой Лубянки было трагикомично. Представляю себе удивление арестанток, уви-

девших на пороге камеры маленькую девчонку с растрепанными косичками, ошарашившую их вопросами: «Вы за что сидите? Из каких вы партий? А бежать отсюда можно?»

Очнувшись от шока, женщины, сами не понимающие за что их посадили, объяснили мне, на каком свете я нахожусь. Вообще, они отнеслись ко мне очень хорошо. За две недели я прошла школу тюремного выживания: научилась перестукиваться, делять иголки из рыбьих костей, выпавливаемых из тюремной баланды, или из палочек от веника, научилась спать сидя так, чтобы надзиратель не заметил, и еще много чему, что помогло потом выжить.

Следствие продолжалось год и было очень тяжелым. Нас унижали, оскорбляли, обманывали, запугивали, не давали помногу суток ни часа сна, словом, применяли все те методы, которые впоследствии были деликатно названы «недозволенными».

Поединок группы ребят в возрасте от 16 до 20 лет с громадной, отлаженной, безжалостной и бесчеловечной репрессивной машиной был неравным.

Обвинения предъявлялись нам самые непепые, от планов убийства Сталина, до наличия оружия и желания взорвать метрополитен!

После окончания следствия и ознакомления с делом, где я без труда нашла множество протоколов, под которыми была подделана моя подпись, мы ждали суда еще месяц.

7 февраля началось судебное заседание, «без участия сторон», т.е. без права защиты. Нас судила Военная Коллегия Верховного Суда СССР.

Заседания проходили в подвале Лефортовской тюрьмы.

Многие из нас впервые увидели друг друга на этом суде.

В ночь с 13 на 14 февраля нам был объявлен приговор.

Борис Слуцкий, 1932 г.р., студент. — высшая мера наказания.

Владлен Фурман, 1931 г.р., студент. — высшая мера наказания.

Евгений Гуревич, 1931 г.р., студент. — высшая мера наказания.

Ирэна Аргинская, 1932 г.р., школьница,

Ида Винникова, 1932 г.р., студентка,

Феликс Воин, 1931 г.р., студент,

Григорий Мазур, 1931 г.р., студент,

Владимир Мельников, 1932 г.р., студент,

Екатерина Панфилова, 1932 г.р., школьница,

Сусанна Печуро, 1933 г.р., школьница,

Алла Рейф, 1932 г.р., студентка,

Сусанна Печуро в заключении.

Майя Улановская, 1932 г.р., студентка,
Инна Эльгиссер, 1930 г.р., студентка
— по 25 лет исправительно-трудовых лагерей, 5 лет
поражения в правах с конфискацией всего, принадле-
жащего им имущества. (Такового не нашлось).
Тамара Рабинович, 1932 г.р., студентка,
Галина Смирнова, 1932 г.р., студентка,
Нина Уфлянд, 1934 г.р., школьница, —
к 10 годам исправительно-трудовых лагерей.

Приговор нас потряс.

Думать о своей дальнейшей судьбе было абсолютно невозможно. Важно было только одно: останутся ли маль-
чики в живых.

Я надеялась на это все годы, проведенные мною в заключении. Я расспрашивала о них всех, кого встречала на многочисленных пересылках, в бесконечных этапах, которых мне выпало на долю больше, чем другим. Иногда, как болотные огоньки в кромешной тьме отчаяния, вспыхивали туманные слухи: видели, слышали на каторге, в рудниках, на Колыме, в закрытых тюрьмах.

Только весной 56 года, во время переследствия, мне был предъявлен некий документ, где была указана дата (ложная!) расстрела Бориса.

В июле 89 года, когда нас реабилитировали, мы узнали, что Борис, Владик и Женя были расстреляны в Бутырской тюрьме 26 марта 1952 года.

Весной 52 года из громадных, гулких камер Бутырской тюрьмы мы отправились в лагерь. Каждому выпала своя дорога. Иногда мы оказывались на какое-то время вместе по 2, по 3 человека. Некоторые пробыли все время на одном месте, более или менее спокойно. У других путь был сложнее.

Ирэна и Ида оказались свидетелями и участниками самого крупного за послевоенные годы восстания заключенных в Кенгире (Казахстан, «Степлаг»).

Несколько тысяч заключенных взбунтовались после бессудного расстрела охраной группы заключенных прямо в зоне за дисциплинарное нарушение. Восставшие продержались 40 дней, требуя приезда комиссии из Москвы, пересмотра дел, улучшения условий и т.д. Это происходило летом 1954 года, уже после смерти Сталина и ареста Берии. Восстание было подавлено танками, которые вошли в зоны, полные безоружных людей, преимущественно, женщин.

Уцелевшие, в том числе Ирэна и Ида, были через всю Сибирь переправлены в Братск, где встретились с Майей и Галей.

В середине 1951 года МГБ стало активно разрабатывать так называемое «дело врачей». Готовился большой процесс, в котором должны были фигурировать многие деятели науки, искусства, писатели. Всех их объединял один признак: они были евреями. Результатом этих акций должна была стать депортация евреев, спасаемых, якобы, таким образом, от «гнева народного». В этих планах нашлось место и нашей организации, объявленной «еврейской националистической». Нужно было доказать, что все эти разнородные «вражеские группировки», включая и молодежные, руководимы из одного «сионистского центра». В этих разработках мне, оказывается, предназначалась особая роль — связной этого мифического «центра».

Этим, очевидно, объяснялось то обстоятельство, что меня в первые три года заключения непрерывно возили и допрашивали. За годы своего сидения я сменила 11 тюрем и 7 лагерей.

В апреле 1952 года я была привезена с большим этапом в Инту, в лагерь особого назначения («Минлаг»).

В этом первом лагере я познакомилась и подружилась с людьми, с которыми до сих пор поддерживаю близкие отношения.

В октябре 1952 года, после ряда совершенно невероятных «приключений», я оказалась на 2 месяца водворенной во Владимирский политизолятор. Потом — снова Инта. — на один месяц, и опять — Лефортово. Попав из Лефортово в Бутырку в июне 53 года, я только тогда узнала о смерти Сталина.

На этапах и в лагерях мы окунулись в такое море человеческого горя, унижения и безысходности, что сокрушаться о своей судьбе было просто невозможно. Я подружилась с девушками с Украины, из Прибалтики, с немкой, полькой, армянкой. Старые зэчки, умудренные жизнью мужественные люди, свидетели и участники событий, о которых мы, юные недоучки, знали только по фальшивкам в школьных учебниках, а порой и совсем ничего не слышали, открывали нам глаза на реальную историю нашей страны. Только в лагерях мы поняли всю глубину зла, творившегося в нашей стране на протяжении десятилетий. Наши взгляды, до того довольно поверхностные и неустойчивые, становились более обоснованными и прочными.

Особенно большое влияние оказала на меня замечательная женщина, интеллигентка и умница Надежда Марковна Улановская, мать Майи, с которой я встретилась и подружилась в Потье, в «Дубровлаг», где провела последний свой лагерный год. От нее я впервые услышала стихи Осипа Мандельштама, имени которого до тех пор даже не слышала. Как же были мы обогреты, отброшены от культуры! Спасибо лагерю, мы многому там научились.

Это были горькие, тяжелые годы, но школа эта мне в жизни очень пригодилась. Не пройдя ее, я была бы, вероятно, совсем другим человеком.

В конце 1955 года мы были вызваны в Москву для пересмотра дела. Не знаю как другие, а я ни минуты не надеялась на освобождение. Однако 25 апреля 1956 года нам объявили, что те из нас, которые имели 25 лет, после пересмотра получают пятилетний срок, а так как мы просидели уже больше, освобождаются, но не по окончании срока, а по Указу об амнистии лета 1953 года. Те, кто был первоначально приговорен к 10 годам были реабилитированы. Погибшие мальчики получили — посмертно! — по 10 лет!

При освобождении от нас потребовали подписания обязательства «о неразглашении». Я эту бумажку подписывать отказалась.

Итак, мы вернулись домой.

Состояние наше, во всяком случае мое, можно точнее всего назвать кессонной болезнью. Несмотря на то, что встречали нас наши старые друзья, не отрекшиеся от нас, встречали с любовью, было невыносимо трудно привыкать к обычной жизни.

Мои друзья по литературному кружку, по школе писали мне в лагерь, как только это стало возможно, присылали книги, вкладывали в письма стихи, писали и в тюрьму, когда я находилась на переследствии. Наша комната не вмещала цветов, которыми меня одаривали не только молодые люди, мои друзья, но и их родители, и люди, с которыми я даже не была знакома до ареста. Корзины цветов стояли даже в прихожей нашей старой коммунальной квартиры. И все же было очень трудно. Яркие, шумные улицы, развлечения, которые мне старались доставить друзья, — все ранило глаза и душу.

Борис Слуцкий. Фото сразу после ареста, в ночь с 17 на 18 января 1951 г.

Родители ничего не понимали, да им и нельзя было ничего рассказать. Они считали, что после долгой отлучки к ним вернулась их маленькая девочка. Я же была совсем другим человеком. много пережившим, побывавшем за гранью бытия, жестким и непримиримым.

В первые месяцы мы старались держаться вместе, очень часто виделись. Мы как бы держали круговую оборону от этой непривычной для нас жизни.

До освобождения мы не знали о XX-ом съезде, о докладе Хрущева. Правда, я несколько не верила в какие-либо ощутимые перемены, кроме разгрузки лагерей и существенного уменьшения масштаба репрессий.

Но очень радовало заметное ослабление страха. Знакомые молодые поэты читали у нас дома, при большом стечении всякого народа, такие стихи, которые раньше были просто невысказанными.

Через месяц после освобождения я стала сдавать экстерном экзамены на «аттестат зрелости». Мне не хотелось терять еще год, и я хотела, к тому же, доказать своим товарищам, что можно и нужно возвращаться к активной жизни. Аттестат я получила и решила поступать сразу на истфак МГУ, чтобы продолжить ту научную работу, которую в свое время начал Борис, будучи студентом. Я знала, что он собирался заниматься эпохой Ивана Грозного, опричниной.

Председатель Приемной комиссии истфака, которому я перед подачей документов рассказала, когда и откуда я вернулась, поддерживал меня всячески. Вступительные экзамены я сдала, но в МГУ меня не приняли. Тогдашний декан гуманитарных факультетов проф. Вовченко заявил мне: «Мы уголовных преступников не учим».

Мои новые московские друзья подняли на ноги всех, кого могли. Они считали совершенно необходимым, чтобы мне дали возможность получить высшее образование.

10 сентября, когда учебный год уже начался, по указанию Комитета партийного контроля при ЦК, куда в то время был введен старый партизек А.В. Снегов, отбывавший срок в тех же лагерях в Абези, где одно время была и я, меня приняли в Историко-архивный институт.

Я схватилась за возможность учиться, как смертельно изголодавшийся человек хватается за кусок хлеба. Для меня это сравнение — буквально: за свою жизнь я успела

узнать и голод физический, и голод интеллектуальный, и, честно говоря, не знаю, что страшнее.

В камере, когда через несколько месяцев следствия разрешили получать каждые 10 дней несколько книг, я выучивала наизусть целые повести и статьи.

Во Владимирском центре, где можно было пользоваться даже каталогами их богатейшей библиотеки, а книг давали много, я жалела потратить лишнюю минуту на что-нибудь, кроме чтения.

И вот я — студентка. И в первый же день попала на семинар прекрасного историка и педагога Сигурта Оттовича Шмидта. Как раз распределялись темы первых курсовых работ. И Шмидт спросил меня: «Вы, наверно, захотите заниматься опричниной? Если да, то я попрошу Вас задержаться на минутку после звонка». И сказал мне потом только одну фразу: «Бойтесь исторических аналогий, они мешают понять суть».

Так началась моя учеба.

Я проводила в библиотеках все время, свободное от обязательных занятий.

Прошло много лет. Но до сих пор я чувствую себя счастливой, когда поднимаюсь по лестнице Ленинской библиотеки или вхожу в зал Консерватории.

Постепенно каждый из нас выходил на свою тропу. Как когда-то разные причины привели нас в тюрьму, так и теперь жизнь складывалась по-разному. Некоторые отошли совсем. Школьники поступали в вечернюю школу, не решившись повторить мой эксперимент с экстернатом. Студенты восстанавливались в своих вузах.

Через два года я вышла замуж за аспиранта с мехмата МГУ. На третьем курсе у меня родилась дочь.

А в России была «оттепель». Правда, я не верила в серьезность происходящих перемен. Строй оставался незыблемым, у власти — та же партия. Просто попытались наложить некий макияж на звериную морду режима.

В 60-х годах появился первый самиздат и «тамиздат», а также «магнитофониздат». Стало возможным хоть так выразить свое неприятие строя.

Мы с мужем читали, перепечатывали, передавали, прятали заветные листки папиросной бумаги, хрипящие магнитофонные ленты.

Началось диссидентство. Правда, я не принимала в нем активного участия: у меня было уже двое детей, да и, честно говоря, при всем моем безусловном сочувствии, я не верила в действенность их акций. Но, разумеется, мы подписывали все, попадающие в наши руки письма протеста, помогали собирать деньги для политзаключенных и их семей.

Среди диссидентов у нас было много добрых знакомых. Дружили наши дети. Активными диссидентами стали Майя Улановская и ее муж, историк, педагог, поэт Анатолий Якобсон.

Остальные от политики отошли, хотя никто не стал аполитетом власти.

Со временем нас становилось все меньше. Умер Феликс Воин. Многие эмигрировали. В Москве нас осталось шестеро.

Главным смыслом моей жизни были дети, свои и чужие. В доме всегда было много подростков, приходивших не только к моим дочерям, но и ко мне, с вопросами,

которые они не решались задать родителям или учителям. Они знали, что я не буду им лгать. Но удерживать молодых людей от опрометчивых поступков, которые могли сломать им жизнь, я старалась. Может быть, я и не была права в этом, но считала, что очень важно сохранить жизни и интеллект тех, кто сейчас очень молод, что именно они со временем сумеют решить те задачи, которые оказались не под силу нам, и пока — им тоже.

Наступление «перестройки» внесло в нашу жизнь новые краски. Разумеется, мы не принимали всерьез все эти разглагольствования про «гуманную модель» и «социализм с человеческим лицом», но считали, что необходимо использовать появившиеся возможности: «гласность» и т.д.

С началом «Мемориала» моя жизнь приобрела тот смысл, о котором я мечтала. Я с головой ушла в общественное движение. 89-90-91 годы были самыми счастливыми в моей жизни. Мы дожили до того, чтобы своими глазами увидеть падение коммунистической диктатуры и старались приложить к этому максимум усилий. Я с радостью ходила на все митинги и демонстрации, и, будучи по натуре «человеком толпы», чувствовала себя счастливой среди десятков и сотен тысяч людей, выходявших тогда на улицы Москвы по призыву тогдашних «властителей дум» — демократов.

В «Мемориале» я занималась оргработой, отвечала на сотни писем, приходивших тогда со всех концов страны от людей, впервые за свою жизнь решившихся рассказать о своей судьбе и о своих близких. Это был настоящий прорыв из небытия!

На первых свободных выборах депутатами стали вчерашние политзаключенные, в том числе, мой друг еще по Инте Виктор Булгаков. Хотелось верить, что в России все переменялось безвозвратно. Сколько было надежд!

Естественно, мои однодельцы, также принимали участие в тогдашнем общественном движении, правда, с разной степенью активности. Некоторые вступили в «Мемориал».

Последующие годы, начиная с 92-го, не оправдали наивных ожиданий большинства из нас. Страна, отчаянно и безоглядно вырывавшаяся из большевистского ада, пока не нашла дороги. И если до конца 94-го года мы могли говорить, что то, что происходит, намного лучше того, от чего мы ушли, так как воры и лжецы, стоящие теперь у власти, все же лучше, чем убийцы, то после чеченской трагедии стало ясно, что они — тоже убийцы. Впрочем, я выражаю сейчас только свою личную точку зрения.

В кровавые дни чеченской бойни мы, «Мемориал», делали все, что в наших силах, чтобы остановить этот ужас и позор.

Россия еще очень далека от демократии. В ней даже теоретически не укоренилось такое понятие, как права человека. Общество не осознало своей исторической вины за семь десятков лет зла, не осознает и сейчас вины за кровь Кавказа. Видимо, нам, «Мемориалу» и нашим коллегам из других общественных организаций, хватит работы до конца наших дней, да и детям нашим — тоже.

Но, может быть, самое главное, чем мы занимаемся, и чего не делает больше никто — это изучение нашей истинной истории, восстановление и сохранение памяти. Работа в этой области вместе с моими друзьями составляет сейчас смысл моих усилий.

Среди своих «мемориальных» друзей и единомышленников мне нередко кажется, что я вернулась в свою юность, что мои светлые, вечно живые для меня друзья вернулись и встали рядом.

Я благодарю судьбу, позволившую мне дожить до этих дней.

Я надеюсь и верю, что моя несчастная страна когда-нибудь выберется из той трясины, в которую мы забрели от отчаяния и неумения найти дорогу в сумерках едва встающего утра. Назад пути нет!

Слава Богу, что в совместных усилиях многих и многих достойных людей есть и капля наших искренних стараний. Если это так, то нам не о чем жалеть, все оправдано, даже смерть.

Текст предоставлен для публикации
С.С. Печуро.

Фотографии из архива НИПЦ «Мемориал»
впервые опубликованы в журнале
«Karta» № 26, Варшава.

Редакция сердечно благодарит сотрудника
ПЦ «Мемориал» М. Замятина за помощь при
подготовке материала.

Анатолий Якобсон:

... Факторы, которые определили мое, так сказать, идейное лицо, мое жизненное отношение, которые заставили меня в свое время — именно заставили — как-то выступить, было много. Встреча с вашей семьей, где все сидели (Имеется

ввиду жена А. Якобсона Майя Улановская, приговоренная к 25 годам исправительно-трудовых лагерей по делу «Союза борьбы за дело революции, и ее родители — анархисты, участники революции — прим. ред. «Карты»). Еще раньше был миф о Сусанне. Я из всех вас знал только про одну Сусанну. Я уже тогда как-то очень плохо относился — не к советской власти, а к существующему в России режиму. Я был так наивен, что долго оставался марксистом и, конечно же, был за Октябрьскую революцию, за Ленина и прочее. Но я знал, что в нашей стране — несправедливый строй. И Саша Т., в свое время, для меня, со своими смутными, романтическими рассказами про Сусанну, которая страдает за справедливость, был катализатором фактором. Он ее знал по литературному кружку в Кировском доме пионеров. Так получилось, что я сперва познакомился с Сусанной, весьма условно в нее влюбился и съездил в лагерь, где она когда-то сидела, за справкой, которую было очень трудно достать.

Ситуация была такая: ей нужно было поступать на истфак. Она из вас — самая молодая, и села, еще не кончив средней школы. Как я помню, после освобож-

дения она сдала экстерном за десятилетку и решила заниматься историей. Но для того, чтобы сдать экзамены на истфак, нужно было знать историю лучше, чем средний ученик. К тому времени я уже окончил исторический факультет и поэтому много с ней занимался. Она, конечно, была способной ученицей, и мы не сомневались, что по своей объективной подготовленности она должна поступить. Но, с одной стороны, она была еврейкой — кстати, мы об этом абсолютно не думали — а с другой стороны, она сидела и не была реабилитирована. Это было очень существенно. И вот я решил съездить в лагерь, где она сидела, и попытаться достать справку о том, что она работала какое количество лет на тамошнем швейном производстве. Такая справка давала привилегии при поступлении в институт. Это был совершенно безумный замысел, однако, он увенчался успехом. А было так. Я, мальчишка, поехал в этот лагерь и нашел там начальника лагпункта. Когда я ехал из Потьмы в Явас по известной узкоколейке, по которой — судьба так устроила — я еще не раз потом ездил, и к Даниэлю, и к другим, меня совершенно потряс разговор с одним производственником, который горько жаловался на отмену сталинских лагерей. Он совершенно не касался политики. Уверен, что он был хорошим человеком. Но он мне рассказал о том, как добросовестно работали эки, пятьдесят восьмая статья, про женщин говорил, про швейное производство, про то, что сейчас, когда их всех отпустили и остался лишь блатной элемент, ужасно упала производительность труда. Как они хулиганят, как с ними трудно. С ним вместе я пришел в столовую, мы сели за стол, он вынул огромный шматок сала, бутылку спирта, мы заказали щи. Прекрасно там, в этой столовой МВД, кормили. Мы победили, и я пошел к начальнику лагеря, майору. Я сказал ему следующее: «У вас сидела столько-то лет некая Сусанна. Она не реабилитирована. Я к вам обращаюсь, — и голос у меня дрогнул. — как к человеку и коммунисту». Тут он поднял на меня глаза. До этого он вообще меня в упор не видел. Я не продумал этот ход заранее, это был экспромт. Думаю, он был из новых начальников, из тех, кто пришли после XX-го съезда. Когда я дрогнувшим юношеским голосом сказал: «Обращаюсь к вам как к человеку и коммунисту», — он отложил свою папку и стал смотреть мне в лицо. Я сказал ему: «Понимаете, она — моя подруга, и я хочу чтобы она поступила в институт по своим объективным данным». Он спросил: «Что вы от меня хотите?» «Я хочу, чтобы вы выдали справку о том, что она проработала столько-то лет на швейном производстве». Он задумался и думал недолго, минуты две.

Потом позвонил, и явился человек лет шестидесяти. Судя по его лицу, по повадкам, он столько лет жил при советских лагерях, сколько они существовали. Был он канцеляристом и имел совершенно холуйский вид. К молодому майору этот старик явился моментально, как лист перед травой, как какой-нибудь конек-горбунюк. Начальник сказал, что вот, была такая заключенная, и там, в Москве, допускаются необъективности. «Так вы напишите справку». А мне сказал: «До свидания». Я пошел за старичком. Он моментально, бисерным, писарским старинным почерком написал справку о том, что такая-то по такой-то год работала на швейном производстве в системе МВД. У него было малочеловеческое лицо. Не злое, не доброе. Но, видимо, он прожил такую жизнь, что непосредственные черты, которые определяют лицо человека, были вытравлены. И это лицо вдруг изказилось неподдельной радостью. Я взял справку, и, когда вышел из лагеря, ко мне подъехал воляничка на тракторе. На плече у меня висела торбочка, а в кармане, в кожаном мешочке, лежала эта справка. Видимо, лицо мое выражало счастье, потому что он спросил: «Освободился, парень?». Мне почему-то захотелось соврать, и я ответил: «Да, освободился». Хотя, видит Бог, у меня и волосы были не эковские. «Ну и бляди же они, — говорит, — ну и шакалы! Ты где живешь, в каком городе?» «В Москве». — «Садись на трактор». Бросил свою работу, включил мотор и с невероятной быстротой довез меня до станции Явас. Там я узнал, что если мне ждать поезда на Потьму, то я потеряю время. Я бросился пешком. Чтобы не сбиться с пути, я шел по шалам — как в той песне: «по шалам, брат, по шалам». Я тридцать километров бежал. Пошел такой ливень, какого я не видел в жизни. Но я знал, что справка не промокает. И я поспел в Потьму именно на тот поезд, что вот на него, как я вычислил, нужно бежать пешком. Приехал в Москву, примчался к Сусанне утром. Она еще лежала в постели, улыбнулась, я протянул ей справку. Потом, будто, эта справка ей вовсе не помогла.

К чему я все это рассказываю? К тому, что Сусанна была для меня все равно, как Прекрасная Дама. И если говорить о влиянии, то, конечно, на меня оказал влияние ее образ, созданный Сашкой Т., и она сама. Ну а потом, когда я познакомился с тобой и стал твоим мужем и узнал твоих родителей, которые тогда же, в 1956 году освободились — это, конечно, был могучий фактор влияния. Но ведь их было много...

Фрагмент из книги Анатолия Якобсона
«Почва и судьба»
Вильнюс-Москва, 1992 г.

Проект «История ГУЛАГа (1918-1960)» — старейший из исторических проектов «Мемориала». Он был начат еще в конце 1980-х гг., когда тысячи бывших заключенных передавали в «Мемориал» информацию о лагерях и ссылках, в которых им довелось провести самые тяжкие годы их жизни. С начала 1990-х гг. основной упор в работе был сделан не на систематизацию свидетельств бывших жертв, а на обработке массивов официальных документов в государственных хранилищах. К сожалению, МВД передало в Государственный архив РФ свои материалы только лишь до 1960-го года. Этим и объясняются хронологические рамки работы.

Осенью 1998 года по результатам проекта был издан первый справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР». Почти одновременно справочник был издан в Варшаве на польском языке. Однако книга описывает только часть тюремно-лагерных структур. За ее пределами остались лагеря военнопленных, проверочно-фильтрационные пункты и лагеря, спецпоселки, «трудоармии» и др. Изучение этих структур — следующая задача проекта.

Система лагерей ОГПУ-НКВД-МВД в СССР начала быстро развиваться с середины 1929 г. и окончательно сформировалась к началу войны. И это не случайно. В двадцатые годы заключенные были обузой для бюджета: все попытки сделать традиционные для того времени места заключения самокупаемыми (т.е. — окупаемыми трудом самих заключенных) провалились. С началом ускоренной индустриализации среди прочих мер по мобилизации средств для ее проведения правительство СССР предприняло попытку радикально сократить расходы на места заключения и одновременно получить максимальную отдачу от труда заключенных там, где рабочих рук особенно не хватало. Чеч отделились лагеря от традиционных мест заключения? Во-первых, их «низовая ячейка» — лагерный пункт (в просторечии — «зона»; часто такая «зона» официально называлась лагерным отделением, но лагерное отделение могло включать и несколько лагерных пунктов — «зон») представляла собой обычно огороженную колючей проволокой территорию, где собственно и жили заключенные. Никаких капитальных сооружений в «зоне» не было — жили в деревянных бараках (норма — два квадратных метра на человека, реально же доходило и до одного), землянках, палатках. И это вне зависимости от климата, например, зимой в Магаданской области и в Якутии. Вещцала такая «зона» обычно от 100 до 1000 человек. Она была несомненно дешевле тюремного здания на то же количество заключенных и в строительстве, и в «эксплуатации».

Огромным преимуществом «зон» в глазах партийного руководства было и то, что организовать ее можно было очень быстро и практически где угодно, и столь же быстро перенести на другое место (то, что можно назвать мобильностью). Действительно, это позволяло в кратчайшие сроки (по сравнению с иными доступными в то время способами) обеспечивать рабочей силой любые новые производственные проекты большевиков в любой точке страны. При необходимости же (например, во время «большого террора» 1937-38 гг.) можно было так же быстро и без больших затрат увеличить «емкость» (термин НКВД того времени) лагерей, чтобы было куда отправить всех тех, кого власть считала возможным не расстрелявать. Другой вопрос — сколько времени попадание в такие наспех организованные «зоны» заключенные протянут, но это партийное руководство интересовало несомненно меньше, чем выполнение планов в имен же установленные сроки. Во-вторых, главной задачей лагерного руководства было выполнение производственных планов силами заключенных любой ценой. Деагогия ОГПУ о перевоспитании заключенных — «перевовке» — термин ОГПУ, введенный во время строительства Беломорско-Балтийского канала в начале 30-х годов, и концу 30-х годов сходит на нет. Одним из самых тяжелых преступлений заключенного в лагере считался отказ от работы. Специальные репрессивные меры предусматривались для «саморубов», то есть тех, кто сам себя увечил, дабы получить возможность не работать по инвалидности. Борьба с побегамми объявлялась важной не только сама по себе (задача изоляции заключенных от остального населения, естественно, оставалась, но где-нибудь на Колыме или в Норильске она поначалу решалась просто — «остального населения» в радиусе тысячи километров практически не было), но и как элемент в системе мер по «сохранению трудфонда» (тоже термин ОГПУ-НКВД). В соответствии со своей главной задачей система лагерей строилась по производственному принципу. Ее организационной основой были так называемые «исправительно-трудовые лагеря» (ИТА). Исправительно-трудовой лагерь — это не «зона», а Управление (то есть административная структура) со своим аппаратом, бюджетом, транспортом и т.п. — как у любого неагерьского управления (например, у

общезвестных строительных управлений — СУ). В состав типичного ИТА входило несколько десятков лагерных пунктов, хотя бывали и малочисленные ИТА всего с одной жилой «зоной», и гиганты, где число лагерных пунктов переваливало за сотню. Каждый ИТА создавался для решения какой-либо конкретной производственной задачи, как правило, признанной партийным руководством особо важной. Так, для строительства важнейшего в начале 30-х годов с военно-стратегической точки зрения Беломорско-Балтийского канала был организован Беломорско-Балтийский ИТА. Через несколько лет, весной 1938 г. для срочного спадания судостроительной базы Северного военно-морского флота разворачивается строительство города Северодвинска (тогда — Молотовск) и судостроительного завода в нем. Основная рабочая сила — заключенные специально организованного тогда же Ягринского ИТА. Для скорейшего освоения золотосысных верховий Колымы одновременно с организацией производственного треста появляется Северо-Восточный ИТА.

После войны форсирование создания советской атомной бомбы отразилось на организации серии лагерей по всей стране для строительства соответствующих заводов и работы на рудниках. И не надо думать, что труд лагерников — это только ненаселенные поначалу Колыма, Норильск или Воркута. Для того же атомного проекта один лагерь был организован непосредственно в Москве (строил, в частности, Институт атомной энергии им. Курчатова, Институт геохимии и аналитической химии, Институт теоретической и экспериментальной физики Академии наук СССР), один — в Московской области, в г. Электросталь, два других строились всемирно известные ныне центры советской физики — Дубна и Обнинск. Даже для строительства нового комплекса зданий Московского государственного университета, что на Ленинских горах, был создан специальный ИТА (назывался «ИТА и строительство особого района»).

Для организации производства, ради которого создавался ИТА, в составе НКВД-МВД могли создать формально отдельное производственное управление, которому ИТА поставляла рабочую силу. В этом случае почти всегда начальник ИТА по совместительству назначался заместителем начальника производственного управления. В результате фактически начальником лагеря оказывался отвечающий за выполнение производственных планов начальник производственного управления. В 40-е — 50-е годы правилом стало полное слияние производственных и лагерных структур. Вместо двух управлений (производственного и лагерного) нормой стало создание единого управления («Управление строительства... и ИТА»). Параллельно в 1940-41 годах из ГУЛАГа, в ведении которого находились все лагеря СССР, были выделены специализированные производственные главки НКВД (Главное управление лагерей железнодорожного строительства, Главное управление промышленного строительства, Главное управление горно-металлургических предприятий и т.д.). Почти все лагеря распределялись по этим специализированным главкам, которые полностью отвечали за выполнение производственных планов и фактически обеспечивали всестороннее оперативное управление подведомственными лагерями. Слияние производственного и лагерного комплексов в единую лагерно-производственную иерархическую структуру — отличительная особенность сформировавшейся в СССР лагерной системы. Детальному описанию ее структуры и истории развития посвящен предлагаемый Вашему вниманию справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР».

НИПЦ «Мемориал»
Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Эта статья была написана к 80-летию Александра Исаевича Солженицына. К сожалению, по независящим от нас причинам мы не смогли опубликовать ее в прошлом «зимнем» номере. Но это — не юбилейный панегирик. Это — объяснение в любви. Объяснение от лица людей, которые «состоялись», во многом благодаря Солженицыну.

Александр Солженицын исполнилось 80 лет.

Новым поколениям, возможно, трудно будет уже понять, чем было для нас имя Александра Солженицына в те годы, когда не верилось даже, что живая мысль в этой стране сколько-нибудь возможна. Когда подавленному и затравленному сознанию трудно было пробудиться, очнуться. Каким ценным, обнадеживающим был тогда голос человека, вступившего в единоборство с ложью «самого могучего в мире» госаппарата. Как дорого было это живое слово правды, идущее не извне, а изнутри страны. (А сколько потом всколыхнуло его изгнание!) Как решительно пробуждало это слово от нравственной спячки, от социальной депрессии, от состояния безнадёжности и бессилия.

Юность моего поколения пришлась на самые тусклые годы брежневщины, когда вольные ветерки хрущевской оттепели уже забылись и атмосфера общественного климата стояла непроветренной, затхлой. В учебных заведениях всех уровней, со страниц и экранов всех средств массовой информации система кормила и кормила нас неудоваримой идеологической жвачкой. Казенная лож обрабатывала человека чуть ни с пеленок, обучая едва научившихся лепетать младенцев псевдопатриотическим песенкам, пичкая воспитанников ясельных групп детского сада байками о добром дедушке Ленине и о ненавистном классовом враге. Обкатанная машина государственной идеологии пыталась искоренить саму возможность зарождения самостоятельной мысли, пыталась заставить едва вставшего на ноги человека жить, чувствовать и мыслить по заранее заданной мертвой схеме. Но живому человеческому сознанию невозможно это принять — и многие были обречены на скепсис и безверие.

И в этом идеологическом удушьи каким же щедрым даром было — в истертых машинописных листах самиздата, в непрофессиональных фотокопиях, неярких ксерокопиях или зачитанных подлинниках тамиздата — живое слово Александра Солженицына. И люди читали, перечитывали и в следующие руки передавали его рассказы, повести, роман, но главное, конечно — «Архипелаг». За чтение «Архипелага» карали, за распространение сажали, но это не останавливало активное хождение объемных его томов по стране. И в молодежной и студенческой среде во многих городах Союза — читали «Архипелаг».

В потоке ходившего по стране самиздата, тамиздата, неподцензурной литературы Солженицын выделялся не только силой литературного слога и дара писателя, не только энергичностью, живостью и неповторимостью мысли. Он был особенно дорог и тем еще, что, формулируя меткую правду о горькой нашей советской

реальности, предлагал и рекомендации к действию, простые, без особого напряжения доступные каждому человеку. Это призыв к жизни не по лжи, к покаянию и самоограничению, к пробуждению национального самосознания. И конечно же — призыв к осознанию абсолютного приоритета нравственных и духовных ценностей над материальными, столь актуальный и для новой нашей эпохи.

Исключительной заслугой Александра Солженицына было то, что он решительно сокрушал самые основы сильнейшего лжеучения 20 века, так много зла принесшего человечеству. Он разбивал иллюзии возможности социализма с человеческим лицом. Он помогал людям избавиться от самих корней человеконенавистнической идеологии, воплощенной в бессознательном возрасте. А это избавление давало многим и стимул к самостоятельному духовному поиску, к обретению подлинных общечеловеческих ценностей и ориентиров, а кому-то — и к обретению веры. Через это избавление многие из нас начинали говорить русским, а не советским языком. И пускай на путь правозащитной деятельности и прямого противостояния режиму встали из моего поколения единицы. Но зато десятки, если не сотни тысяч людей не стали носителями зла, исцелились от страха, от лжи, проявились как живые, независимые личности. И если бы этого не произошло — до сих пор, может, сидела бы страна в застоявшемся маразме развитого социализма, нравственно разлагаясь и вымирая духовно.

Много и долго можно говорить о Солженицыне: о его художественной прозе, о публицистике, об общественной деятельности и о самой судьбе этого удивительного человека: математика, фронтовика, политзека, сельского учителя, борца, изгнанника, историка, публициста, радателя и печальника о своей стране и народе, но над всем и прежде всего — писателя, всю жизнь без остатка отдавшего служению своему перу. Я думаю, что еще немало добрых и вдумчивых книг будет о нем написано.

Солженицын большой труженик, его усердию и собранности многим бы одаренным людям поучиться. Для его творчества, живого, выстраданного, всегда идущего от души и сердца, характерны сочетания крайностей и противоречий, что говорит о большой, неспокойной работе ума и души. В нем сочетается линия решительной, чуть не революционной воли к сокрушению основ, на которых держится сильнейшая политическая система со строгим политическим консерватизмом; следование традициям русской классики в изображении внешней действительности с отнюдь не реалистичным, скорее даже романтическим изображением внутренней реальности художественного персонажа. Возрождая старую, забытую русскую лексику, Солженицын пользуется явно модернистскими приемами в построении синтаксиса произведения. И в этих противоречиях он весь: живой, энергичный, всегда в бодром движении души.

Особое место в творчестве Солженицына занимает «Архипелаг ГУЛАГ»: «памятник всем замученным и убитым». Сам многолетний труд над этой книгой внутри страны в условиях конспирации, а затем и решительное

раскрытие его путем публикации на Западе (при трех крохотных сыновьях на руках!) — все это, безусловно, гражданский подвиг и результат титанического труда. Не найти аналогов «Архипелагу» в мировой литературе. Это одновременно и историческое исследование, и художественное произведение, и синтез живых свидетельств, и активный протест не только против непревзойденного исторического зла, но и против зла как такового в человеке. В середине семи частей «Архипелага» четвертая, «Душа и колючая проволока», посвящена поиску реального выхода из описанного в книге ада. Выход, оказывается, — внутренний.

Солженицын назвал свой труд глыбой. Действительно, каково сдвинуть с места глыбу одному человеку?

Вторая «глыба» Солженицына — «Красное колесо», которому автор без остатка посвятил все годы изгнания. Писатель, историк, исследователь сумел в этом гигантском труде не только соединить все свидетельства, факты, воспоминания об эпохе революции, но и подать все это читателю легко, интересно, доступно тому, чтобы любой школьник мог получить объемное, многоплановое представление о предреволюционной России и обо всех пластах сокрушивших ее событий. Ведь так бы и ушло все это, не осмысленное, разорванное, ведомое лишь немногим историкам-специалистам. И как важен этот гигантский труд для тех, кому до недавнего времени доступно было черпать историческую информацию лишь из советских источников, замутненных, лживых. В советских все «объяснялось», а Солженицын показал, как сложны, многоплановы исторические перипетии, как трудно и невозможно их однозначно осмыслить и оценить.

Среди особых заслуг писателя — «Ленин в Цюрихе». Вспомним, как винчивали в нас лживый ленинский образ, как вклинивали его мозолить нам глаза на каждом перекрестке, в каждом рабочем помещении, как стремились сделать каждого гражданина СССР соучастником самого настоящего языческого акта идолопоклонства, преступником третьей заповеди. И сокрушение этого кумира — величайшее из дел Солженицына. Реальный Ленин, воссозданный на основе трудов, писем и фактов биографии вождя, разрушал Ленина выдуманного.

У Солженицына много ненавистников, злых критиков, недоброжелателей. Это закономерно. Оторчает только, что в сегодняшней российской прессе, как и в советской, в основном либо молчат о Солженицыне, либо ругают. Да и ругают-то поверхностно, бездарно. Все — критика, не выдерживающая никакой критики. А ведь Солженицын в последние годы сказал столько интересного, спорного, и как нужна критика серьезная, вдумчивая, но ее нет. Только в дни юбилея потеплела к имени писателя российская печать — надолго ли?

Об основной массе «злых» публикаций не стоит и говорить, они вызваны низкими страстями: завистью, амбициями, пошлостью.

А вот интересна другая струя критики. Люди, любящие и ценящие писателя, видят вдруг что-то в его поступках или высказываниях, не созвучное им — и взываются: как же так, почему Солженицын говорит

или делает не то, что хотелось бы мне (или нам)! Вот, например, открытое письмо Чайковской на страницах «Литературной газеты», в котором она горит недоумением и негодованием по поводу молчания Солженицына о Чечне. Я прекрасно тогда понимала ее чувства, но все-таки... Почему столь страстный упрек адресован именно Солженицыну, а не другому кому-нибудь, не третьему, да и в конце концов всем без исключения адресовать его можно, кто не протестовал против бомбардировок Грозного, а Солженицыну-то как раз — в последнюю очередь: ведь если человек столько раз предостерегал от беды, предсказывал, что здесь вот может вспыхнуть пожар, то почему он, собственно, обязан кричать «пожар, пожар!» вместе со всеми, когда уже загорелось? Да и в конце концов, живой же он человек, как и все, имеет право и на усталость, и на ошибки, и не охватить ему одному всего. Так почему же опять все камни в него? Почему же именно ему все упреки?

Да очень просто. Любят Александра Исаевича — вот и ругают. Один из самых распространенных упреков Солженицыну, что он замкнут: не принимает всех подряд, не держит дом нараспашку, не прорваться к нему. Упрек абсурдный. Потому что трудно вообразить более открытого человека, чем Солженицын. Он настолько искренне открывает себя каждому в своих книгах, что, прочитав хотя бы половину его трудов, мы уже будем знакомы с ним как с человеком гораздо больше, чем, например, с соседом или сослуживцем, которых видим каждый день. И этой особенностью отмечены его мемуарные труды: «Бодался теленок с дубом» и «Угодило зернышко промеж двух жерновов», с которыми мы только сейчас знакомимся. Солженицын открывает себя в них полностью, не утаивая ни слабостей своих, ни ошибок, ни сокровенных мыслей, не оглядываясь на возможных критиков и недругов. Какой же еще открытости желать?

А то, что не превращает Александр Исаевич свой кабинет в проходной двор, не тратит драгоценного времени на встречи с праздными зеваками, не отвечает на поверхностные вопросы корреспондентов для сиюминутных интервью — так это его заслуга, иначе не увидели бы мы многих его трудов.

И еще об одном хочется сказать. Многие упрекали Солженицына за то, что не так он, мол, как надо, написал о Твардовском. Мол, та-ак много Твардовский для него сделал, а он та-ак о нем пишет... Я вижу особую дань Солженицынского уважения и любви к Твардовскому именно в том, что он пишет о нем, как о себе: искренне, правдиво, без ретуши и умолчаний. И не опиши он Твардовского таким — так бы и не познакомил нас никто с живым Твардовским, душевным, по-детски наивным и непосредственным. Так бы и запылилось имя поэта в плеяде «классиков» соцреализма, давно уже ни для кого ничего не значащих.

Дай Бог Александру Исаевичу здоровья, душевных сил, долголетия и новых творческих успехов!

Елена САННИКОВА
11-12 декабря 1998

Еще раз о «Мемориале» возражение В. В. ИОФЕ

«Не придавайте особого значения моим промахам, ибо, уж верно, вы не придаете значения своим собственным».
Франсуа Рабле

В своей статье («К десятилетию «Мемориала», «Карта» № 22-23, стр. 26) Вениамин Иофе пытается осмыслить задачи и функции «Мемориала», как некоего особого явления в российской и не только российской истории и общественной мысли.

Начинает он с ранжирования форм деятельности «Мемориала». В статье есть ссылка и на отцов-основателей. Допускаю, что наш нынешний президент — тоже один из основателей «Мемориала», и согласился бы с автором статьи. За остальных — не уверен. Кроме именитых «отцов» в создании общества принимали участие и другие люди. Я и моя жена, например, собирали подписи, необходимые для его регистрации. Не плохо бы спросить и у нас.

Иофе ставит «помощь униженным и оскорбленным» на последнее, четвертое место. Вот тут бы ему и процитировать «новозаветный» тезис, что «истина — это не что, а кто», ибо именно сострадание и имелось в виду Евангелием в первую очередь («всякому просящему у тебя давай» Лук. 6.30), но он обращается к новозаветному тезису по иному, вовсе не предусмотренному евангелистами поводу.

На предпоследнем месте стоит, по мнению автора, правозащитная деятельность «Мемориала». Увы, слов «к сожалению» (к моему сожалению), — не добавлено. Прочитую следующий стих Луки: «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними», — если завтра мои права будут нарушены — кто тогда за меня заступится?

«Крайне неудачной» считает автор статьи и «просветительскую деятельность», поскольку это «переводит «Мемориал» в круг общественных организаций третьего эшелона» (Иофе упоминает при этом общество «Знание», но, скажем, не энциклопедистов или круг русского просветителя Н. И. Новикова).

Почти на вершине Иофе помещает «научную и правовую разработку исторической и современной реальности», необходимую для популяризаторской деятельности. Здесь, казалось бы, логическая ошибка: первична — цель, а средство — вторично. Но на самом деле научная деятельность «Мемориала» является, как видно из дальнейшего, средством для самой важной цели. На самую вершину ставится задача: «выявление ценностных ориентиров в нашей истории и нашей современности, по которым можно нормировать современную политическую и общественную жизнь».

Вообще-то, «выявление ценностных ориентиров» никак не может быть делом никакой, хоть самой прекрасной, организации — это задача пророков и философов. Может быть «Мемориал» призван, как и любой другой религиозный институт, артикулировать добытые философами и пророками истины? Для чего одни занимаются историко-архивной работой, на основании кото-

рой другие эти истины постигают и, наконец, все остальные их доводят до масс или, что было бы гораздо значимее, прямо до высшего начальства (массами пусть занимаются СМИ). Иначе как на этих истинах будет нормироваться современная жизнь? Между прочим, именно из-за политической составляющей в деятельности «Мемориала» и произошел раскол с выделением «Ассоциации жертв необоснованных репрессий», а вовсе не потому, что кто-то намеревался искать некие сверхценностные ориентиры.

Какие же «ценностные ориентиры» можно извлечь из статьи? Я, например, узнал от Иофе, что «слова-символы «Колыма», «Освенцим» и «Хиросима» означают кризис основных направлений мировой политической мысли: государства социальной справедливости, государства национального единства и государства рациональной демократии». Узнал, но не поверил. Ибо, если для первых двух направлений «Колыма» и «Освенцим» были системообразующими факторами, то «Хиросима» имела место, но могла, при других обстоятельствах, и не состояться.

Нас приучили к тому, чтобы «сказку делать былью» и на меньшее, чем «Новый Иерусалим», мы даже и смотреть не хотим. А жизнь сложнее и непреложно показала, что демократия может, оставаясь сама собой, избавляться от своих «грязных пятен». И в этом ее великое преимущество перед всеми остальными формами политического устройства.

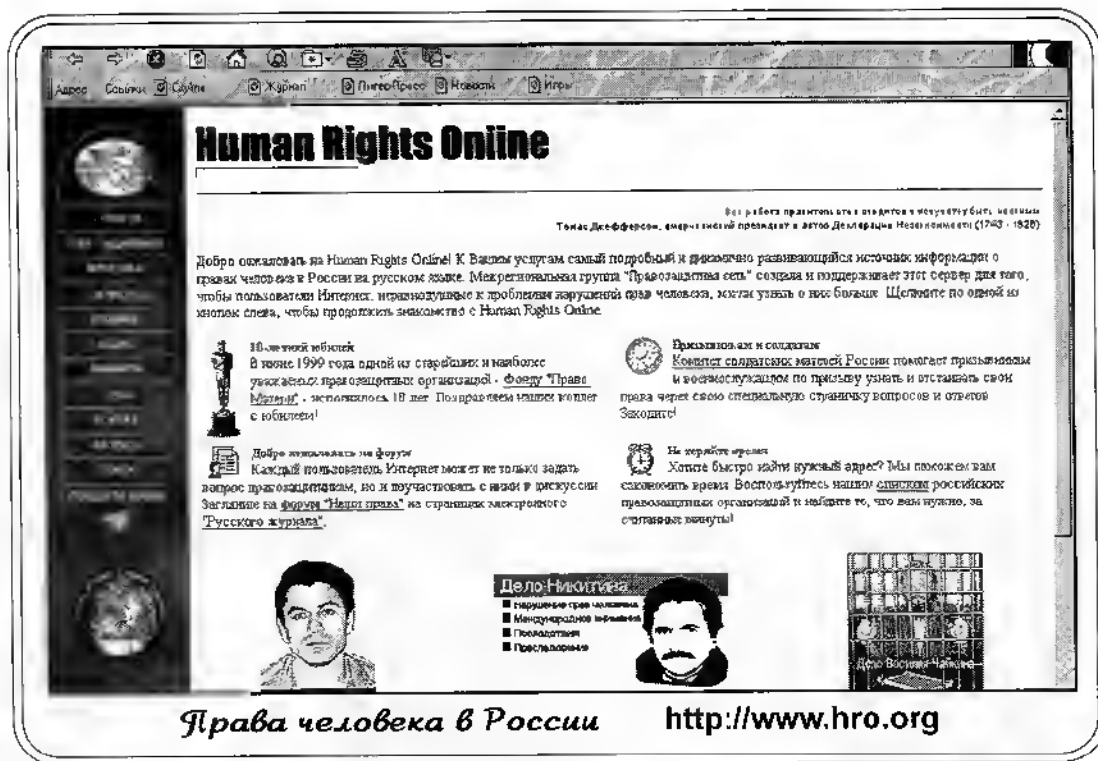
И еще один пассаж меня покорило: «При отсутствии публички лекцию или кинофильм отменяют, а церковную службу или мемориальскую акцию — нет. Именно это наше общественное первородство доброжелатели пытаются продать за чечевичную похлебку просветительской или демократической функции». Церковная служба, на мой взгляд, это некое мистическое таинство, связывающее действо с неким абсолют. Не знаю, какой процент членов «Мемориала» считает свои митинги и пикеты подобным таинством и что за «абсолют», к которому это действо обращено? Не «имманентные ли законы истории»? А может быть все проще: «Я прокукарекал, а там хоть солнце не восходи!»

Так что же все-таки позволяет «Мемориалу» существовать как единой организации? Что представляет из себя тот «ток крови, который объединяет живой организм»? Не вдаваясь в реалии современной медицины, продолжу аналогию Иофе теорией Гиппократ.

Гиппократ считал, что организм омывают четыре жидкости: кровь, флегма, и два вида желчи. В случае «Мемориала» кровь — это наше общее стремление не допустить повторения ГУЛАГа; флегма — естественная любознательность историков-архивистов, не обязательно профессиональных; желтая желчь — возможность самоутверждения, и, наконец, черная желчь — гранты. Все эти «жидкости» одинаково необходимы для существования организма. Но я ощущаю как нашу общую беду, что порой довольно безбедное существование на эти самые гранты порождает презрительное отношение к медицинским и социальным проблемам других.

(публикуется с сокращениями)

Валерий РОНКИН
г. Луга

Журнал «Контрафакт» при поддержке Фонда
National Endowment for Democracy (NED)

Нас поддерживали:

Правительство Королевства
Нидерланды

Фирма «Бриг-Ф»
(Рязань)

Фонд Форда
(Вашингтон)

OPEN SOCIETY INSTITUTE

Институт "Открытое
Общество" (Москва),
Фонд Джорджа Сороса

Международное историко-
просветительское и правозащитное
общество «Мемориал»

Агентство США
по Международному Развитию

Институт Демократии в Восточной
Европе (Вашингтон-Варшава)

Фонд «Евразия»
(Вашингтон)

МП «Декор» (Рязань)

Программа малых грантов
Российско-Американской
Проектной Группы по правам
человека (Москва)

АО «Рокс»
(Рязань)

Фирма оргтехники Антониуса
Гуттермана
(Германия)

Немецкий Народный Союз по уходу
за могилами жертв войны и
репрессий

Общественный Центр **Karta**
(Варшава)

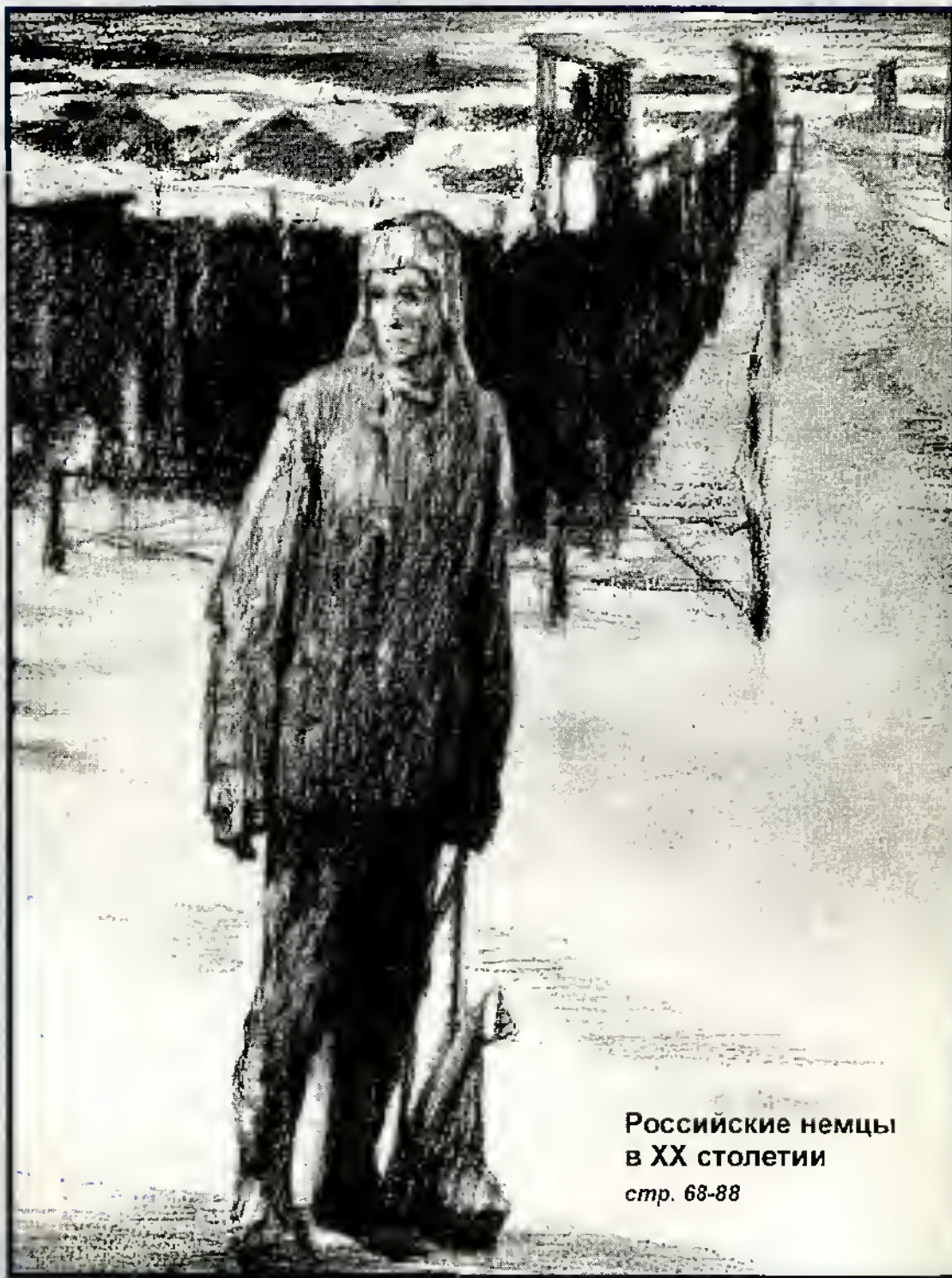
Полиграфическая фирма Петера
Ломмана (Германия)

Фонд Польско-Чешско-Словацкой
Солидарности (Варшава)

Правозащитный фонд «За
гражданское общество»
(Москва)

Российские немцы
в XX столетии
стр. 68-88